

Л. Ф. Моногарова

Преобразования
в быту и культуре
припамирских
народностей

Л. Ф. МОНОГАРОВА

ПРЕОБРАЗОВАНИЯ
В БЫТУ И КУЛЬТУРЕ
ПРИПАМИРСКИХ
НАРОДНОСТЕЙ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

МОСКВА 1972

В работе исследуются этнические процессы, происходящие среди припамирских народностей СССР за годы социалистического строительства. Припамирские народности (памирские таджики) — группа ираноязычных народностей, населяющих западные районы Горно-Бадахшанской автономной области Таджикской ССР. Исследование основывается преимущественно на полевых этнографических материалах автора (экспедиции 1964—1967 гг.). В работе показано влияние коренных изменений социально-экономических условий в процессе социалистического строительства на материальную и духовную культуру этих народностей, осуществление на практике ленинского учения о некапиталистическом пути развития отсталых в прошлом народов.

Ответственный редактор

Н. А. КИСЛЯКОВ

С тех дней, когда помог нам русский
брат,
Идет народ мой к счастью и вперед.

Мирсаид Миршакар

Введение

«Декларация прав народов России», принятая 15 ноября 1917 г. Советом Народных Комиссаров, впервые открыла народам нашей страны путь свободного национального развития, провозгласила равноправие всех, больших и малых, народов России, национальных меньшинств и этнографических групп.

В. И. Ленин подчеркивал необходимость добровольного союза равноправных крупных и малых народов в рамках единого пролетарского государства, придавал большое значение созданию национальной государственности, особенно для отсталых в прошлом народов колониальных окраин царской России¹.

30 декабря 1922 г. I Всесоюзный съезд Советов принял «Декларацию» и «Договор об образовании Союза Советских Социалистических Республик».

СССР — многонациональное социалистическое государство. Коммунистическая партия Советского Союза всегда уделяла серьезное внимание национальным взаимоотношениям, дальнейшему развитию социалистических наций и народностей. Проблемы интернационализма, вопросы сближения наций и народностей нашей страны находят яркое отражение в работе съездов КПСС. Так, в Отчетном докладе Генерального секретаря ЦК КПСС Л. И. Брежнева на XXIV съезде подчеркивается, что «одним из самых крупных завоеваний социализма является практическое осуществление партией ленинской национальной политики — политики равенства и дружбы народов»². «Партия и впредь будет укреплять Союз Советских Социалистических

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 36, стр. 151; т. 45, стр. 211—213, 356—362.

² Л. И. Брежнев. Отчетный доклад Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза XXIV съезду КПСС. М., 1971, стр. 93.

Республик, последовательно осуществляя ленинский курс на расцвет социалистических наций и их постепенное сближение»³.

Перед этнографией стоит одна из первоочередных задач — изучение современных культурно-бытовых явлений, связанных с этническими процессами. В постановлении ЦК КПСС «О подготовке к 50-летию образования СССР» отмечено, что «ныне трудящиеся каждой республики составляют многонациональный коллектив, в котором национальные особенности органически сочетаются с интернациональными, социалистическими, общесоветскими чертами и традициями»⁴.

С момента возникновения молодого многонационального Советского государства Коммунистическая партия и Советское правительство руководствуются принципами ленинской национальной политики и, в частности, учением В. И. Ленина о возможности некапиталистического пути развития остальных в прошлом народов, т. е. о переходе их к социализму, минуя капиталистическую стадию развития. Большое значение уделял В. И. Ленин именно путям «перехода *докапиталистических* отношений к социализму»⁵.

В. И. Ленин писал о решающем значении в этом процессе помощи более развитых народов. «...пролетариат передовых стран может и должен помочь отсталым трудящимся массам...— указывал он,—...с помощью пролетариата передовых стран отсталые страны могут перейти к советскому строю и через определенные ступени развития — к коммунизму, минуя капиталистическую стадию развития»⁶.

Практика национального строительства за годы Советской власти подтвердила правильность ленинского учения. Переход от докапиталистических отношений к социализму в нашей стране был успешно осуществлен у народов Крайнего Севера и Сибири, многих народов Кавказа, Казахстана и Средней Азии⁷.

³ Л. И. Брежнев. Отчетный доклад Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза XXIV съезду КПСС. М., 1971, стр. 93.

⁴ «Правда», 22 февраля 1972 г.

⁵ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 43, стр. 228.

⁶ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 41, стр. 245—246.

⁷ Б. В. Андрианов, Л. Ф. Моногарова. Ленинское учение об общественно-экономических укладах и его значение для этнографии. СЭ, 1970, № 1; Г. П. Васильева. Преобразование быта и этнические процессы в Северном Туркменистане. М., 1969; Я. Р. Винников. Хозяйство, культура и быт сельского населения Туркменской ССР. М., 1969; «Культура и быт народов Северного Кавказа (1917—1967)». М., 1968; «Преобразование в хозяйстве и культуре и этнические процессы у народов Севера». М., 1970; «Осуществление ленинской национальной политики у народов Крайнего Севера». М., 1971, и др.

Эти народы до Великой Октябрьской социалистической революции сохраняли патриархальные пережитки в хозяйственном и бытовом укладе, в социальных отношениях и архаические элементы — в некоторых орудиях труда. Социалистические преобразования во всех сферах хозяйственной, культурной и идеологической жизни совершались у этих народов при помощи более развитых народов Советского Союза и в первую очередь — русского народа. При осуществлении национально-государственного строительства в Средней Азии В. И. Ленин⁸ считал обязательным учет этнографических особенностей населения и отмечал, что «...и местные отличия, и особенности экономического уклада, и бытовые формы, и степень подготовленности населения, и попытки осуществлять тот или иной план — все это должно отразиться на своеобразии пути к социализму...»⁹

В свете ленинской национальной политики большое значение имеет исследование современных путей этнического развития малых народов СССР.

Изучение этнических процессов, протекающих в настоящее время среди различных народов Советского Союза, и, в частности, изживания обособленности малочисленных народностей и этнографических групп — одно из важнейших направлений современной советской этнографии.

Этнические процессы, т. е. «процессы, приводящие в конечном счете к изменению этнической (национальной) принадлежности людей»¹⁰, имеют большое значение для определения характера складывающихся в настоящее время национальных взаимоотношений в нашей стране. Наряду с теоретической разработкой этой проблемы¹¹ этнографы в последние годы ведут конкретные

⁸ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 41, стр. 433—436.

⁹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 36, стр. 152.

¹⁰ В. И. Козлов. Типы этнических процессов и особенности их исторического развития. «Вопросы истории», 1968, № 9, стр. 96.

¹¹ П. И. Кушнер. Национальное самосознание как этнический определитель. КСИЭ, 1949, № 8; Т. А. Жданко. Ленинская национальная политика на новом историческом этапе. СЭ, 1960, № 2; В. В. Гарданов, Б. О. Долгих, Т. А. Жданко. Основные направления этнических процессов у народов СССР. СЭ, 1961, № 4; В. И. Козлов. К вопросу об изучении этнических процессов у народов СССР. СЭ, 1961, № 4; С. А. Токарев. Проблема типов этнических общностей. «Вопросы философии», 1964, № 11; Т. А. Жданко. Этнографическое изучение процессов развития и сближения социалистических наций в СССР. СЭ, 1964, № 6; В. И. Козлов. О понятии этнической общности. СЭ, 1967, № 2; он же. О разработке теоретических основ национального вопроса. «Народы Азии и Африки», 1967, № 4; Н. Н. Чебоксаров. Проблема типологии этнических общностей в работах советских этнографов. СЭ, 1967, № 4; И. С. Гурвич. Некоторые проблемы этнического развития народов СССР. СЭ, 1967, № 5; В. И. Козлов. Типы этнических процессов...; В. П. Алексеев, Ю. В. Бромлей. К изучению роли переселения народов в формировании этнических общностей. СЭ, 1968, № 5 и др.

исследования этнических процессов у различных народов СССР, в том числе и Средней Азии¹², а также у народов зарубежных стран.

Исследователи подчеркивают, что актуальность изучения этнических процессов «определяется не только необходимостью более глубокого познания особенностей исторического развития стран, народов, наций, сложного динамического состояния современных этнических общностей, но и возможностью использования результатов таких исследований для составления прогнозов будущего»¹³. Эти прогнозы имеют чрезвычайно важное значение для практики национально-государственного строительства в современный исторический период развития социализма.

Среди основных тем, разрабатываемых этнографами при изучении этой сложной проблемы, особый интерес представляет анализ этнических процессов в среде социалистических наций, вопрос о сближении и слиянии с крупными нациями издавна живущих в их окружении инонациональных групп малых народов и национальных меньшинств. Так, в Средней Азии постепенно сближаются с таджиками и воспринимают их язык горцы — ягнобцы и язгулемцы, рушанцы, шугнанцы, ваханцы и др.¹⁴.

Припамирские народности в настоящее время являются ярким примером благотворных результатов ленинской национальной политики, проводимой в нашей стране. Потомки древнейшего населения Средней Азии, живущие на протяжении всего своего исторического развития в высокогорных изолированных долинах Западного Памира и веками сохранявшие архаические пережитки в хозяйстве, материальной культуре, общественных и семейных отношениях, в результате завоеваний Великой Октябрьской революции получили национальную государственность в форме автономной области в составе Таджикистана. При помощи братских народов СССР, особенно русских и тад-

жиков, припамирские народности прошли путь глубочайших социально-экономических преобразований, завершившихся переходом их к социализму.

С процессом социалистических преобразований в экономической и культурной жизни припамирских народностей, постепенным преодолением обособленности, оторванности от окружающего мира связаны и развивающиеся в их среде этнические процессы.

Задачами настоящей работы являются исследование процесса изживания экономической, культурной и бытовой обособленности припамирских народностей (или, как они сами называют себя, — памирских таджиков), анализ условий, способствующих их сближению с таджиками и приобщению к общесоветской культуре.

*

Методологической основой настоящей работы явились труды классиков марксизма-ленинизма по национальному вопросу, особенно произведения В. И. Ленина о возможности некапиталистического пути развития отсталых стран и народов к социализму. Одним из основных источников для данной книги послужили полевые материалы, собранные автором в Горно-Бадахшанской автономной области Таджикской ССР (ГБАО), главным образом в Рушанском и Шугнанском, а также в Ишкашимском (в т. ч. Вахан) районах во время экспедиций 1964—1967 гг. Принюшу глубокую благодарность моим информаторам: Мамад Гавосу Саломову, Шейху и Ходже Джалиловым, Файозу Шолинову, Идибеку Ризоеву (Язгулем), Хильвату Низакотову, Сангомамаду Ибрагимову, Бодуру Давлятмаматову (Рушан), Саиддесо Мансурову, Ходжамкулу Борумбекову, Джомахону Мамадарбекову, Бахтаваршо Хайдаршоеву, Абдуллою Курбонмаматову, Низорабегим Бахромовой (Шугнан), Алидоду Насимшоеву, Мадатхону Мирабонову (Вахан) и многим другим.

Интересные материалы найдены также в архивах статистических управлений ГБАО и Таджикской ССР, в архивах Врангского (Ишкашимский р-н), Рушанского (Рушанский р-н), Поршневого (Шугнанский р-н) сельских Советов, в архивах загса г. Хорога и областного загса ГБАО.

Ценные сведения по истории и этнографии населения Западного Памира собраны в архиве Института востоковедения АН СССР (Ленинградское отделение), в так называемом Архиве

¹² Л. С. Толстова. Материалы этнографического обследования группы «каракалпак» Самаркандской области Узбекской ССР. СЭ, 1961, № 3; она же. Каракалпаки Бухарской области Узбекской ССР. СЭ, 1961, № 5; С. М. Абрамзон. Отражение процесса сближения наций на семейно-бытовом укладе народов Средней Азии и Казахстана. СЭ, 1962, № 3; Т. Ф. Аристова, Г. П. Васильева. Об этнических процессах на территории Южной Туркмении. СЭ, 1964, № 5; Ш. Аннаклычев. Роль промышленных центров в процессе сближения национальностей. СЭ, 1964, № 6; Л. Ф. Моногарова. Современные этнические процессы на Западном Памире. СЭ, 1965, № 6; Г. П. Васильева. Современные этнические процессы в Северном Туркменистане. СЭ, 1968, № 1. Много работ издано и по этническим процессам у малых народов Севера и Сибири, народов Кавказа.

¹³ В. И. Козлов. Типы этнических процессов..., стр. 95.

¹⁴ Т. А. Жданко. Этнографическое изучение процессов развития и сближения..., стр. 20.

востоковедов, особенно в личных архивах историка-востоковеда А. Е. Снесарева и лингвиста и этнографа И. И. Зарубина¹⁵.

Работ по этнографии припамирских народностей сравнительно мало¹⁶, а специально изучением этнических процессов среди населения Западного Памира и изживанием их обособленности никто до автора настоящей работы не занимался¹⁷.

Сложные политические взаимоотношения царской России с Афганистаном и Бухарским ханством, географическая труднодоступность Западного Памира вплоть до последней четверти XIX в. препятствовали изучению этого района.

Среди исследователей припамирских народностей следует прежде всего назвать русских ученых: А. А. Бобринского, М. С. Андреева, И. И. Зарубина, А. А. Семенова, А. Е. Снесарева, начавших свою работу еще до Октябрьской революции и продолжавших ее (кроме А. А. Бобринского) в советские годы.

С середины 1940-х годов этнографией народов Западного Памира занимаются Е. М. Пещерева, Н. А. Кисляков, А. К. Писарчик, Н. Н. Ершов, автор настоящей работы¹⁸, Л. Бахтаваршоева, И. Мухиддинов и немногие другие исследователи. Сотрудниками сектора этнографии Института истории им. А. Дониша АН Таджикской ССР собраны уникальные коллекции по материальной культуре припамирских народностей. Эти коллекции, особенно по одежде (собиратели Н. Н. Ершов, А. К. Писарчик, З. А. Широкова, Л. Бахтаваршоева), являются существенным дополнением к коллекциям И. И. Зарубина в Музее антропологии и этнографии Института этнографии АН СССР в Ленинграде.

В трудах иностранных ученых собственно этнографические

сведения о припамирских народностях мы находим лишь у датчанина О. Олуфсена¹⁹ и немецких исследователей А. Шульца и В. Ленца²⁰.

*

Термином «припамирские народности» (в последнее время — «памирские таджики») исследователи обозначают группу родственных ираноязычных народностей. В СССР они живут на Западном Памире, который административно входит в Горно-Бадахшанскую автономную область (ГБАО) Таджикской ССР. В 1950-х годах небольшое число язгулемцев, бартангцев и рушанцев переселилось в Вахшскую долину (рис. 1).

Общая численность населения ГБАО, по данным Всесоюзной переписи населения на 1970 г., составляет около 98000 человек, из них таджиков (в том числе памирских. — Л. М.) — 90,8%; в ГБАО также живут киргизы, русские, украинцы, узбеки и прочие. К припамирским народностям Советского Бадахшана относятся: язгулемцы (самоназвание *згамик*); рушанцы (*рыхэн, рухни*) с их локальной группой хуфцами (*хуфидж*); бартангцы (*бартангидж*) с локальной группой орошорцев; шугнаны (*хугни, хунуни*) с их локальной группой баджуйцами, говорящие на одном из памирских языков ишкашимцы (*ишкошуми, ишкошими*) и ваханцы (*хик, вахи*).

Приблизительную численность памирских таджиков можно определить по числу лиц, назвавших во время переписи 1959 г. родным один из памирских (или припамирских) языков — их свыше 42 тыс. человек²¹.

Язгулемцы (около 1600 человек) населяют долину р. Язгулем; рушанцы (около 7000 человек) живут на правом берегу р. Пяндж от устья Язгулема до устья р. Бартанг, хуфцы (1200 человек) — в долине р. Хуф; бартангцы (около 2000 человек)

¹⁵ Архив востоковедов при Ленинградском отделении Ин-та народов Азии АН СССР, ф. 115 (личный архив А. Е. Снесарева); ф. 121 (личный архив И. И. Зарубина). Далее Архив востоковедов.

¹⁶ Л. П. Иванов. Библиография Таджикистана. Ташкент, 1926; А. Г. Биснек, Н. М. Зелодович. Этнография народов Памира. Сб. «Советская этнография», т. III. М.—Л., 1943; Д. Е. Хайтун, Ю. А. Шибалева. Вклад русских ученых в изучение археологии, этнографии и истории Памира. «Уч. зап. Таджикского гос. ун-та», т. VII. «Труды историко-филологического факультета», 1955, стр. 47—66; Н. А. Кисляков. Этнографическое изучение Таджикистана. «Труды АН Тадж. ССР», т. XXIX, 1951, стр. 53—66; А. К. Писарчик. Этнографическая работа в Таджикистане. «Изв. Отделения общественных наук АН Тадж. ССР», вып. 6, 1954, стр. 63—71; Н. Н. Ершов. К истории развития этнографической науки в Таджикистане. СЭ, 1968, № 4; А. К. Писарчик. Припамирские таджики. В кн.: «Народы Средней Азии и Казахстана», т. I. Серия «Народы мира». М., 1962.

¹⁷ Л. Ф. Моногарова. Современные этнические процессы..., стр. 22—33.

¹⁸ Л. Ф. Моногарова. Материалы по этнографии язгулемцев. «Среднеазиатский этнографический сборник», т. II. «Труды ИЭ АН СССР», т. XLVII, М., 1959, стр. 4—8.

¹⁹ O. Olufsen. Über die dänische Pamir-Expedition im Jahr 1896. «Verhandlungen der Gesellschaft für Erdkunde», Bd. 24. Berlin, 1897; он же; Die zweite dänische Pamir-Expedition. «Verhandlungen der Gesellschaft für Erdkunde», Bd. 27. Berlin, 1900; он же. Through the Unknown Pamirs, Vakhan and Garan. London, 1904.

²⁰ A. V. Schultz. Die Pamirtadschik. Giessen, 1914; он же. Zur Kenntnis der arischen Bevölkerung des Pamir. «Sonderabdruck aus der Zeitschrift orientalisches Archiv», Bd. II. Leipzig, 1914; S. 23—29; W. Lentz. Auf dem Dach der Welt. Berlin, 1931; он же. Pamir-Dialecte. Göttingen, 1933.

²¹ А. К. Писарчик. Припамирские таджики. В кн.: «Народы Средней Азии и Казахстана», т. I. Серия «Народы мира». М., 1962, стр. 658—659; А. З. Розенфельд. Таджикоязычное население Советского Бадахшана. СЭ, 1963, № 1, стр. 121; С. И. Брук, В. И. Козлов. Этнографическая наука и перепись населения 1970 года. СЭ, 1967, № 6, стр. 8.

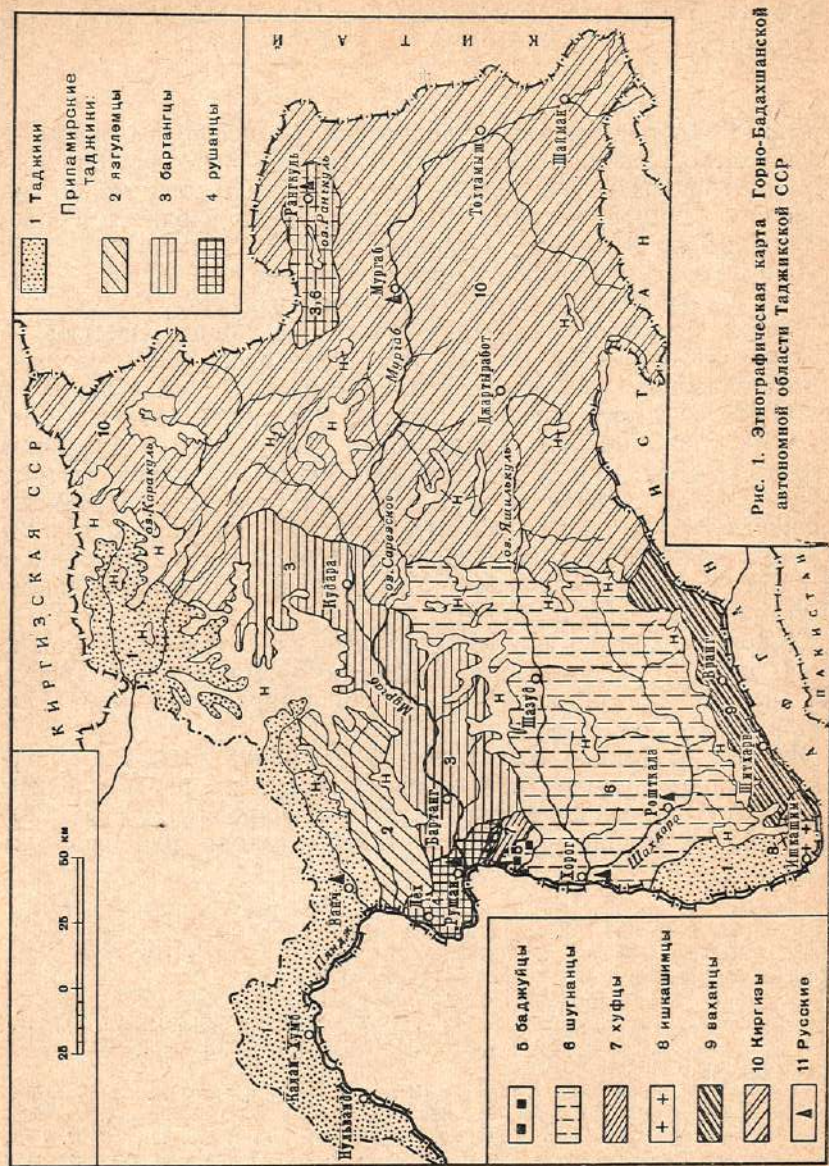

Рис. 1. Этнографическая карта Горно-Бадахшанской автономной области Таджикской ССР

занимают долину р. Бартанг; шугнанцы — самая крупная по численности народность (свыше 20 000 человек, в том числе баджуи долины р. Баджуй) — расселены по правобережью Пянджа от кишлака Сохчарв до Хасхарага (первого кишлака Горона), в долинах рек Гунт и Шахдара; говорящие на языке рыни ишкашимцы проживают в кишлаке Рын (400 человек, всего в ГБАО — около 500 человек); ваханцы (свыше 7000) — в верховьях Пянджа и в долине р. Памир.

Таджики в ГБАО проживают в Калаи-хумбском, Ванчском и Ишкашимском районах: таджики Калаи-хумбского р-на — дарвазцы (самоназвание *дарвози*); таджики долины Ванча (правильнее Ванджа) ²² — ванцы (*ванджи*) — в прошлом одна из припамирских народностей, ассимилированная таджиками Дарваза более 100 лет назад. В Ишкашимском р-не таджики (таджикоязычные ишкашимцы, называющие себя *ишкошим*) живут на правобережье долины р. Пяндж от кишлака Авдж до кишлака Наматгут.

Другая группа таджиков Ишкашимского р-на — горонцы (от кишлака Даршай до кишлака Хасхараг — границы с шугнанцами). Их локальное название связано с территорией, на которой они живут: бассейн Гармчашмы называется Горон.

Киргизы ГБАО проживают на Восточном Памире, составляющем Маргабский р-н.

В зарубежных странах припамирские народности представлены в Афганском Бадахшане (рушанцы, шугнанцы, ваханцы, ишкашимцы, зебакцы, сангличи — 70 тыс. человек в 1961 г.), в Пакистане, в местности Читрал (мунджанцы и йидга); в Китайской Народной Республике — Синьцзян (сарыкольцы, родственные шугнанцам, и ваханцы — всего около 17 тыс. человек в 1971 г.).

Родные языки припамирских народностей (называемые лингвистами памирскими или припамирскими) принадлежат к юго-восточной ветви иранских языков ²³. Эти языки условно раз-

²² А. З. Розенфельд. Дарвазские говоры таджикского языка. «Труды Ин-та языкознания АН СССР», т. VI, 1956; она же. Ванджские говоры таджикского языка. Л., 1964.

²³ В. С. Соколова. Очерки по фонетике иранских языков, ч. II. М., 1953, стр. 84, 176, 209, 230 и др.; И. М. Оранский. Введение в иранскую филологию. М., 1960, стр. 333—339, 391; В. А. Лившиц. Иранские языки народов Средней Азии. В кн.: «Народы мира. Народы Средней Азии и Казахстана», т. I. Серия «Народы мира». М., 1962, стр. 133, 152—157 (литература по теме — стр. 696); Т. Н. Пахалина. Ишкашимский язык. М., 1959; она же. Ваханский язык. Сб. «Языки народов СССР», т. I. М., 1966, стр. 398—418; она же. Памирские языки. М., 1969; Д. Эдельман. Современное состояние изучения памирских языков. «Вопросы языкознания», 1964, № 1; она же. Язгулемский язык. М., 1966; И. М. Стеблин-Каменский. Историческая фонетика ваханского языка. Автореф. канд. дисс. Л., 1971.

деляются на две группы — северную и южную. Северная включает близкие друг другу язгулемский язык и шугнано-рушанскую диалектную группу, в которую входят взаимопонимаемые диалекты: шугнанский с диалектом баджуйским, рушанский с диалектом хуфским, бартангский с диалектом орошорским и сарыкольским. К этой северной группе принадлежал и вымерший ванжский язык.

Южная подгруппа включает языки: ишкашимский (с диалектами ишкашимским, сангличском и зебакским), ваханский (приближающийся по ряду признаков к индийским языкам), условно мунджанский (с диалектами йидга и мунджанским), занимающий промежуточное место между памирскими языками и пушту (афганским).

Антропологически население Западного Памира относится к памиро-ферганскому типу европеоидной расы, или (что одно и то же) расе Среднеазиатского междуречья, и представляет собой «по преимуществу потомков древнего местного населения»²⁴.

Верующие из числа припамирских народностей исповедуют исмаилизм (ответвление шиитского толка в исламе).

*

Горно-Бадахшанская автономная область расположена на востоке Таджикской ССР и занимает около 65 тыс. кв. км в пределах Памирского нагорья. На севере и северо-западе ГБАО граничит с Киргизской ССР по Заалайскому хребту и с Таджикской ССР по Дарвазскому хребту. На западе и юго-западе области по середине р. Пяндж²⁵ (верховья Амударьи до слияния ее с Вахшем) идет граница с Афганистаном, на юге она проходит по середине рек Пяндж и Памир, на юго-востоке — по Ваханскому хребту; на востоке по Сарыкольскому хребту ГБАО граничит с КНР.

По рельефу, климату, почвам, растительному и животному миру ГБАО делится на две части: Восточный Памир и Западный Памир, или Бадахшан. Восточный Памир — плоскогорье (от 3500 до 4500 м над уровнем моря), широкие долины которого разделены хребтами, достигающими высоты более 7000 м над уровнем моря. Климат континентальный, сухой, осадков очень мало (до 60 мм в год). Западный Памир изрезан высокими,

²⁴ Л. В. Ошанин. Иранские племена Западного Памира. т. I. Ташкент, 1937, стр. 169.

²⁵ Пяндж образуется слиянием двух рек: пограничной р. Памир и р. Вахан, протекающей в афганской части Вахана.

труднодоступными горными хребтами: Ванчским, Язгулемским, Рушанским, Шугнанским, Шахдаринским (пик К. Маркса, 6726 м) и Ваханским. Между крутыми склонами этих хребтов, изобилующих осыпями, зажаты узкие долины рек, часто переходящие в ущелья. Особенно узки и извилисты долины рек Язгулем и Бартанг, где мало пригодных для возделывания земель.

Климат на западе области континентальный, сухой, но более мягкий, чем на востоке. В зимнее время на высоте выше 2000 м над уровнем моря в населенных долинах средняя температура января —7,4; июля +22,5° С. Осадки выпадают, как правило, осенью, зимой и весной (200—250 мм в год). На Западном Памире снег выпадает в ноябре-декабре, высота снежного покрова достигает 50—70 см, а тают снега в марте-апреле. Высота снеговой линии (в м): Язгулем 4000—4200, Бартанг 4200—4400, нижний Гунт, Шахлара, Ишкашим 4400—4600, Вранг (Вахан) 5000—5100²⁶.

Из-за сравнительной сухости климата на Западном Памире возможно в основном только орошаемое земледелие. Селевые потоки в долинах Ванча, Язгулема, Бартанга, Гунта и Шахдары — редкое явление. Кишлаки располагаются на конусах выноса рек, здесь же обрабатывают землю под зерновые культуры, плодовые сады и огороды. В Ишкашимском р-не осадков выпадает меньше, чем в других районах ГБАО, но селевые потоки более часты, поэтому жители предпочитают обосновываться не на открытых местах конусов выноса, а под защитой скал.

Почвы — горно-степные, выше 4000 м — альпийские луга, издавна используемые местным оседлым населением под пастбища. В долинах ниже 3000 м развито высокогорное земледелие.

От рельефа местности зависит и процент непригодных к сельскохозяйственному освоению так называемых бросовых земель. Так, например, если на территории расселения шугнанцев в средней части долины Шахдары такие земли составляют 48,4%, в западной оконечности Шугнанского хребта — 32%, то в долине Бартанга, на южных склонах Язгулемского хребта, они занимают 64,2%, а по левобережью Бартанга — 85,2%²⁷. На западе Шугнана (территория кишлачных Советов — Сучан, Поршнево, Дарморахт), т. е. в низовьях Гунта и правобережья Пянджа, больше всего пригодной для сельскохозяйственного

²⁶ О. Е. Агаханянц. Основные проблемы физической географии Памира, ч. I. Душанбе, 1965, стр. 130—132, 145.

²⁷ Там же, ч. II. Душанбе, 1966, стр. 128, 129.

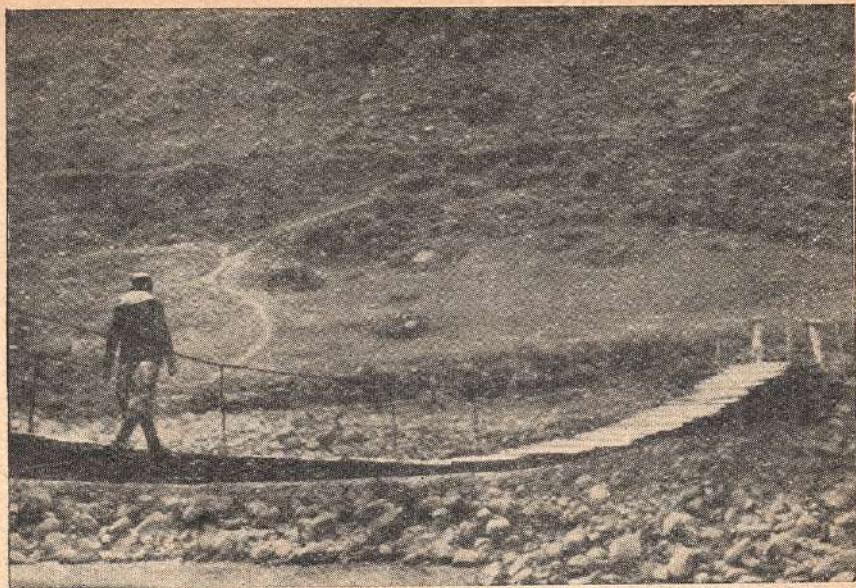

Рис. 2. Висячий мост через р. Шахдару (фото В. Агафонова)

освоения земли и наиболее благоприятные природные условия: сравнительно небольшая высота (до 2000—2500 м над уровнем моря), умеренно континентальный климат (средняя летняя температура от +18 до +22, зимняя —8° С), обилие воды, наличие богатых лугов и пастбищ²⁸.

Все исследователи Западного Памира подчеркивали его чрезвычайную географическую изолированность, которая наряду с историческими и социально-экономическими причинами определяла обособленность припамирских народностей. Вплоть до недавнего времени (до проведения в 1940 г. автомобильной дороги Душанбе — Хорог) эти народности были отделены друг от друга высочайшими труднодоступными горными хребтами и отрезаны от культурных центров Средней Азии. Жители соседних долин могли поддерживать связь только по пешеходным тропам (рис. 2), нередко имевшим на многих участках опаснейшие

²⁸ Н. С. Гинзбург. Особенности расселения на Памире. Сб. «География населения и населенных пунктов СССР». Л., 1967, стр. 253, 276.

искусственные карнизы, или оврыги. «Так называемые «оврыги» даже нельзя назвать дорогой, оврыги — это соединение в одном месте всех трудностей и опасностей пути, встречаемых обыкновенно порознь. Они отличаются друг от друга только различными сочетаниями и степенью этих трудностей. Приближающемуся к оврыгу кажется, что дальше идти нет никакой возможности. Но после внимательного осмотра он находит впереди какой-нибудь выступ, на который можно перешагнуть, хотя с большим трудом; дальше виден какой-нибудь колышек, заменяющий ступеньку, колеблющаяся лестница из прутьев, балкон, громадный утес, на который можно взобраться, прижимаясь к нему всем телом и едва-едва схватившись руками за верхний выступ...»²⁹ Самыми узкими и труднопроходимыми ущельями на Западном Памире были долины Бартанга и Язгулема. «И редкие путешественники, и туземцы единодушно утверждают, что труднее и непроходимее долин, чем долина Бартанга, не существует; туземцы, впрочем, благоразумно прибавляют, что путь по Язгулему таков же»³⁰. Не менее опасными были и переправы по рекам Пяндж, Бартанг, Язгулем, Гунт и Шахдара на *турсуках* — надутых бараньих или козьих шкурах — или плотам, составленных из нескольких таких турсуков.

В долинах Язгулема кишлаки расположены на конусах выноса реки на высоте от 1700 до 2000—2300 м над уровнем моря (летовки — выше 3000 м), в долине Бартанга — 2300—2600 м и выше (особенно летовки), на остальной территории Рушанского р-на — около 2000 м. В Шугнанском р-не сельсовет Поршнево, г. Хорог, Ботанический сад расположены на высоте более 2300 м, кишлаки по долине Гунта — от 3000 до 3550 м над уровнем моря. Вранг и Лянгаркишт в Ишкашимском р-не находятся на высоте более 2800 м, кишлаки по долине Шахдары — до 3000 м. Поселения здесь раскинулись и на конусах выноса, и на террасах. В осеннее, зимнее и весеннее время тропы, связывающие кишлаки, из-за снежных обвалов, осыпей, камнепадов, водопадов во многих местах становятся непроходимыми, особенно в долинах Язгулема и Бартанга. На скале одной из горных троп долины Бартанга выбита надпись: «Путник, будь осторожен, ты здесь, как слеза на реснице»³¹.

До проведения дороги Душанбе — Хорог надо было ехать

²⁹ И. И. Зарубин. Материалы и заметки по этнографии горных таджиков. Долина Бартанга. «Сб. МАЭ», т. V. Пг., 1917, стр. 129 (отдельный оттиск).

³⁰ Там же, стр. 128.

³¹ Ф. Амануллаев. Развитие сельского хозяйства колхозов Советского Памира. «Труды АН Тадж. ССР», т. VI, 1960, стр. 14.

верхом целый месяц из г. Ош (Киргизская ССР) или из Душанбе (Таджикская ССР) до единственного на Памире г. Хорога³².

Подчеркивая «изолированность, которая отделяла жителей глубоких горных долин от жизни в равнинах», М. С. Андреев отмечает, что «при таких условиях последовательно сменявшие друг друга культурные достижения равнин проникали в горы с большим запозданием (а многие явления и совсем не попадали), причем скорость проникновения заимствований из жизни равнин была пропорциональна трудностям путей сообщения и удаленности горных долин от равнинного пространства»³³.

Степень географической изолированности отдельных припамирских народностей от экономических и культурных центров Бадахшана, Бухарского ханства и других сопредельных стран, а также особенности географических и климатических условий, влиявшие на развитие сельского хозяйства, обусловили различные уровни их экономического и культурного развития. Наиболее благоприятное географическое положение занимали Рушан и Шугнан (особенно его западная часть и низовье Гунта, где в настоящее время находится центр области г. Хорог), расположенные по обоим берегам р. Пяндж в его среднем и верхнем течении. Эти области расселения рушанцев и шугнанцев близко подходили к столице Бадахшана г. Файзабаду (Афганистан) — крупному торговому и культурному центру³⁴.

Суровое плоскогорье Восточного Памира, часто враждебные в XVIII — начале XIX в. отношения с кочевниками-киргизами и дальность расстояний затрудняли общение рушанцев, шугнанцев, а также ишкашимцев и ваханцев с Кашгаром, Ферганой, а трудные пути сообщения — с Дарвазом. Однако это общение было сравнительно большим, чем у язгулемцев, бартангцев и хуфцев, живущих в труднодоступных высокогорных долинах. Имея очень мало пригодной для ведения сельского хозяйства земли, эти народности уступали рушанцам и особенно шугнанцам по уровню развития хозяйства и культуры.

Географическая изолированность и труднодоступность районов, населенных припамирскими народностями, были одним из факторов, обусловивших экономическую отсталость, особенности формирования традиционной национальной культуры, быта, а также своеобразие этнического и исторического развития этих народностей.

³² П. Лукницкий. Путешествие по Памиру. М., 1955, стр. 3.

³³ М. С. Андреев. Таджики долины Хуф, ч. II. Душанбе, 1958, стр. 258.

³⁴ А. А. Бобринской. Горцы верховьев Пянджа. М., 1908, стр. 6.

Исторический очерк

Исторические судьбы населения Западного Памира в древности и средневековье

Проблема происхождения припамирских народностей на основании имеющихся в настоящее время в литературе материалов не может еще быть окончательно разрешена.

А. М. Мандельштам, анализируя все известные источники, содержащие сведения о Памире и Припамирских областях с древнейших времен до X в., вынужден признать, что «вопрос о времени появления населения на Западном Памире и в других Припамирских областях остается пока открытым»¹.

В античное время, в конце I тысячелетия до н. э., в районе верховьев Амударьи (р. Пяндж) и ее притоков жили отдаленные предки припамирских народностей. Территория их расселения была сопредельна с центром формирования индоиранских племен. Древние сакские и, возможно, дардские племена стали одним из основных элементов в этногенезе припамирских народностей. Это предположение, выдвинутое впервые Р. Шоу и В. Томашеком², подтверждается последующими исследованиями лингвистов и археологов. «Р. Шоу отметил большую близость — как материальную, так и типологическую — памирских языков к языкам дардской группы... Мысль о существовании переходной группы в составе индоиранской семьи, о переходности кафирских и дардских и близости к ним памирских языков прослеживается и развивается... в трудах лингвистов, занимавшихся

¹ А. М. Мандельштам. Материалы к историко-географическому обзору Памира и Припамирских областей (с древнейших времен до X в. н. э.). «Труды АН Тадж. ССР», т. XLIII, 1957, стр. 72.

² R. Shaw. On the Ghalchah languages Wakhi and Sarikoli. «Journal of the Asiatic Society of Bengal», v. 45, pt. 1, 2. Calcutta, 1876; *он же*. On the Shighini (Galchah) language, v. 46, pt. 1, 2. Calcutta, 1877; W. Tomaschek. Centralasiatische Studien, II. Die Pamirdialekte. «Sitzungsberichte der Wiener Akademie der Wissenschaft», Phil.—Hist. Cl., Bd. 96, Heft I—III. Wien, 1880.

языками данного ареала...»³ В. А. Лившиц отмечает, что «сакские языки и диалекты, занимавшие в древности очень большую территорию, представлены в настоящее время в Средней Азии памирскими языками»⁴.

А. Н. Бернштам подчеркивает резкое различие археологических памятников Западного и Восточного Памира, что совпадает с современной этнолингвистической границей: «Восточный Памир представлен памятниками кочевников, западный — памятниками оседлого населения... Начало оседлых поселений документируется даваньским периодом (греко-бактрийское время)»⁵. А. Н. Бернштам определяет даваньскую культуру как культуру земледельцев и скотоводов III—I вв. до н. э.⁶

«Памир впервые упоминается в памятнике санскритской литературы, в индийской эпической поэме «Махабхарата» (VI в. до н. э.) под названием Меру. Согласно этому памятнику, к северу от Центральной Индии, по-видимому в области Припамирья, обитали саки (скифы), т. е. народы иранского происхождения»⁷.

Исследователи XIX в. предполагали, что сфера политического влияния персидской империи Ахеменидов (VI в. до н. э.) распространялась не только на Бактрию, но и на часть близлежащих Припамирских областей. При Дарии I в 15-й податной округ входили саки, жившие в Южном или Западном Припамирье⁸.

А. Н. Бернштам в 1948 г. после первых же раскопок курганов кочевников на Восточном Памире на основании анализа археологических материалов пришел к заключению, что в «заселении Памира основную роль сыграли племенные объединения алтайского и Тянь-шаньского происхождения» — восточной ветви саков⁹. Сопоставление указаний письменных источников с данными археологии окончательно убедило его в Тянь-шанском происхождении саков Алая и Памира. При этом «на Памире они были более мощной силой, чем местное население (не

известное пока нам), почему и сохранили лучше свое «Тянь-шанское лицо» (т. е. облик культуры. — Л. М.)¹⁰. Наиболее ранние курганы датируются V—IV вв. до н. э.

В IV до н. э. Александр Македонский завоевал Бактрию и Согд, совершил походы и в Индию, но не попал в районы Западного Памира. Однако среди припамирцев, как и многих других народов Передней и Средней Азии, широко распространены предания об «Искандере». По словам одного из информаторов¹¹, таджики иногда называют население Западного Памира «македонцами» (*македони*). В. В. Бартольд упоминает о предании, в котором говорится, что Бадахшаном 3000 лет управляли потомки Александра Македонского. Свое происхождение от Александра вели правители Вахана и других владений по верхнему течению Пянджа вплоть до Дарваза, Каратегина и верховьев Инда (Читрал).¹²

Предания рушанцев связывают существование особого рушанского ханства с периодом завоеваний Александра Македонского, которого они называют «великим завоевателем Ирана и Индустана, пришедшим с Запада»¹³.

После походов Александра Македонского в античном мире появились первые географические сведения об областях, лежащих между средними течениями рек Сырдарьи и Амударьи (Оксуса), о различных народах, правители которых вели в то время междоусобные войны и воевали с кочевниками.

Так, Клавдий Птолемей (II в. н. э.), древнегреческий астроном и географ, писал, что Западный Памир в то время был населен комедями. Так как Птолемей считал, что весь Памир входит в страну саков, то и комеды, по мнению А. М. Мандельштама, были саками¹⁴.

Китайские источники II в. н. э. впервые упоминают припамирские страны Рушан, Шугнан и Вахан¹⁵. Тохары, во II в. до н. э. входившие в массагетско-юэчжийский союз и сыгравшие

³ Д. Эдельман. Современное состояние изучения памирских языков. «Вопросы языкознания», 1964, № 1, стр. 128—129 (здесь же см. библиографию).

⁴ В. А. Лившиц. Иранские языки народов Средней Азии. В кн.: «Народы Средней Азии и Казахстана», т. I. Серия «Народы мира». М., 1962, стр. 140.

⁵ А. Н. Бернштам. Археологические памятники Памира. КСИИМК, т. XXVI, 1949, стр. 129.

⁶ А. Н. Бернштам. Древняя Фергана. КСИИМК, т. XXI, 1947, стр. 87.

⁷ А. М. Мандельштам. Материалы к историко-географическому обзору..., стр. 73.

⁸ «Народы мира. Народы Средней Азии и Казахстана», т. I, стр. 659.

⁹ А. Н. Бернштам. Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая. МИА, вып. 26, 1952, стр. 280.

¹⁰ Там же.

¹¹ Полевая запись автора 5.X.1967 г., кишлак Рошткала Рошткалинского сельсовета Шугнанского р-на.

¹² В. В. Бартольд. Соч., т. II, ч. I, М., 1963, стр. 462—463; см. также: Л. Ф. Моногарова. Материалы по этнографии язгулемцев. «Среднеазиатский этнографический сборник», т. II. «Труды ИЭ АН СССР», т. XLVII, 1959, стр. 71 (о мазаре Искандер-шо или Почо-Скандер — Александр Великий, Македонский, — в прошлом одном из наиболее почитаемых мазаров в Язгулеме).

¹³ Архив востоковедов, ф. 115, лл. 37—82.

¹⁴ А. М. Мандельштам. Материалы к историко-географическому обзору..., стр. 83—84.

¹⁵ «Народы мира. Народы Средней Азии и Казахстана», т. I, стр. 659.

важную роль в завоевании Бактрии, постепенно слились с бактрийцами и дали этой стране свое имя. Можно предположить, что область расселения припамирских народностей граничила с древним Тохаристаном. Территория Каратагина, Дарваза и Бадахшана, по мнению Н. А. Кислякова¹⁶, входила в состав Тохаристана. Проведенное А. Н. Бернштамом в долинах Припамирья обследование развалин крепостей показало самобытность культуры древнего населения Западного Памира¹⁷.

А. М. Манделъштам отмечает, что «история Памира и Припамирских областей в IV—VI вв. н. э. нам почти неизвестна... На территории собственно Памира для этого времени нам известно только одно владение... расположенное в пределах Вахана»¹⁸. Большая часть крепостей, расположенных по долинам рек Памир и Пяндж, а также в верховьях Шахдары, по А. Н. Бернштаму, датируется тремя периодами: греко-бактрийским (III в. до н. э.), кушанским (II в. до н. э.—первые века н. э.), и эфталитским (V—VII вв.)¹⁹. Одну из этих крепостей — Ямчун А. Н. Бернштам отождествляет со столицей Вахана «сакским городом Гашень». Это, по его мнению, показывает роль и значение саков в исторических судьбах Вахана. Расцвет строительства крепостей на Западном Памире А. Н. Бернштам относит к кушано-эфталитскому времени²⁰. Эту датировку он обосновывает керамикой красного лощения, планом крепостей в Вахане (Ямчун — более древняя и Каахка — более поздняя). Эфталитский период характеризуется слюдяной керамикой, сходством архитектурных элементов (античный размер кирпичей, конструкция стен, башен, бойниц и т. д.) с памятниками афригидского Хорезма, с несогдийскими памятниками Среднеазиатского междуречья, саманидского Ирана и некоторыми памятниками Афганистана той эпохи.

Начатое А. Н. Бернштамом археологическое изучение Восточного и Западного Памира было продолжено археологами Таджикистана под руководством Б. А. Литвинского²¹. Работу Западнопамирской группы археологов возглавил А. Д. Бабаев.

В долине р. Гунт ученым не удалось обнаружить археологических памятников, а в долине Шахдары открыты крепости «провинциального типа» и продолжены исследования А. Н. Бернштама по изучению крепостей аналогичного типа — Каахка, Ямчун, Калаи-Рын, Даршаст и др. Этому посвящено исследование А. Д. Бабаева, который считает, что «крупнейшие ваханские крепости стояли в ряду наиболее мощных фортификационных сооружений древней Средней Азии. Это прекрасный образец среднеазиатской фортификационной школы в ее горном варианте...»²² Он подчеркивает, что через Памир проходили не только торговые, но и военные пути и что именно тогда «ваханские крепости были укреплены и расширены... тогда сложилась сохранившаяся до нашего времени планировка крепости Ямчун. К этому же времени относятся отдельные участки нынешних укреплений Каахки»²³.

А. Н. Зелинский отмечает, что в I—III вв. н. э. активизация путей через Памир, видимо, связана с той большой ролью, которую играл этот район, и прежде всего долина Вахана, в культурных, политических и торговых связях средиземноморского мира с бассейном Тарима, Китаем и Дальним Востоком²⁴. Известно, что Вахан входил в состав эфталитского государства. С эфталитами А. Д. Бабаев вслед за А. Н. Бернштамом связывает и дальнейшее фортификационное строительство в Вахане, особенно на Каахке²⁵. «О территории, лежавшей севернее Вахана, мы вообще не имеем сведений для IV—VI вв. и, соответственно, не знаем, была ли она подчинена эфталитам или нет»²⁶. Могильник Чильхона, датируемый А. Д. Бабаевым III—I вв. до н. э., впервые на Западном Памире дал ярко выраженную сакскую культуру, и теперь «для позднесакского времени мы располагаем бесспорным свидетельством, что какие-то группы восточнопамирского сакского населения продвинулись на запад, в долину Вахана»²⁷. А. Д. Бабаев считает, что саки, перейдя к оседлости, участвовали в этногенезе ваханцев²⁸.

На основании лингвистических, археологических и истори-

¹⁶ Н. А. Кисляков. История Каратагина, Дарваза и Бадахшана. Материалы по истории таджиков и Таджикистана. Сталинабад, 1945, стр. 83—84.

¹⁷ А. Н. Бернштам. Историко-археологические очерки..., стр. 280.

¹⁸ А. М. Манделъштам. Материалы к историко-географическому обзору..., стр. 130—131; см. также: «История таджикского народа», т. I, М., 1963, гл. III, IV, VIII, IX.

¹⁹ А. Н. Бернштам. Археологические памятники Памира, стр. 129—130.

²⁰ А. Н. Бернштам. Историко-археологические очерки..., стр. 281.

²¹ Б. А. Литвинский. Раскопки могильников на Восточном Памире в 1959 г. «Труды Ин-та истории им. А. Дониша АН Тадж. ССР», т. XXVII, вып. VI, 1961; В. А. Ранов. Рисуки каменного века в гроте Шахты. СЭ, 1961, № 6.

²² А. Д. Бабаев. Крепости и погребальные сооружения древнего Вахана. Дисс. на соискание ученой степени канд. историч. наук. Душанбе, 1966, стр. 238.

²³ Там же, стр. 237—238; см. об этом также: А. Н. Зелинский. Древние крепости на Памире. Сб. «Страны и народы Востока», вып. III, М., 1964, стр. 120—141.

²⁴ А. Н. Зелинский. Древние крепости на Памире, стр. 118.

²⁵ А. Д. Бабаев. Крепости и погребальные сооружения..., стр. 239.

²⁶ А. М. Манделъштам. Материалы к историко-географическому обзору..., стр. 132.

²⁷ А. Д. Бабаев. Крепости и погребальные сооружения..., стр. 234—235.

²⁸ Там же, стр. 236.

ческих материалов можно с уверенностью говорить о том, что основным компонентом в этногенезе припамирских народностей в античное время (от VI в. до н. э. до второй половины V в. н. э.). были сакские племена, говорившие на восточноиранских языках.

В VI в. Бадахшан, в том числе и Западный Памир, входил в Тюркский каганат. Но в этногенезе припамирских народностей, как свидетельствуют антропологические материалы, отсутствует тюркский элемент.

О расовом типе населения V—VII вв. дают представление краниологические материалы могильников Змутк и Мызыльдыргар; это племена европеоидного типа, долихо-мезокранные. Сравнительная находка соответствия материалов могильников с погребальным обрядом и верованиями эфталитов, А. Д. Бабаев выдвигает гипотезу о том, что названные погребения принадлежат эфталитам²⁹.

В китайских летописях встречаются интересные сведения о Бадахшане и особенно о Вахане VII—VIII вв. Долины Западного Памира были заселены в то время оседлыми народами. Они занимались земледелием и скотоводством, продолжая традицию своих предков — основателей поселений даваньского периода греко-бактрийского времени. Китайский путешественник Сюань-Цзан (или Сюань-Чжуан), в 640 г. посетивший Вахан, писал, что жители «...сеют немного пшеницы... культивируют в небольшом количестве овощи... Страна эта производит отличных лошадей небольшого роста, но легко выдерживающих долгие путешествия... Одежда употребляется шерстяная. Глаза у большей части жителей зелено-голубые... Прежде эта страна не знала учения Будды и поклонялась злым духам»³⁰.

Во второй половине VIII в. эти области вошли в сферу влияния арабов. Арабские географы и историки описывают страны Бадахшана, в том числе и Западного Памира. В сочинениях арабского историка IX в. Ал-Якуби упоминается царь Шугнана и Бадахшана Чумар-бек или Хумар-бек³¹. Истахри (951 г.) на-

зывает в Припамирье три государства: Вахан, Шугнан и Керран, которые населены «неверными»; из этих стран вывозят мускус и рабов. В. В. Бартольд³² считал Керраном Рушан и Дарваз. В X в., по мнению Бартольда, хотя эти области и были подчинены в политическом отношении мусульманам-арабам, но народы их оставались язычниками.

В X в. Бадахшан, в том числе и Западный Памир, являлись крайней восточной границей владений Саманидов и Арабского халифата в целом. В конце X в. в Вахане был таможенный и охранный пост арабов³³.

В эпоху Саманидов закончился процесс формирования таджиков как народности. Сложение таджиков шло на основе таджикского языка, вытеснявшего с территории их формирования восточноиранские языки (сохранившиеся до нашего времени в СССР только у припамирских народностей и у ягнобцев в долине Зеравшана). В основе сложения таджиков и припамирских народностей лежали одни и те же племена. Общность происхождения припамирских народностей с таджиками подтверждается их принадлежностью к одному антропологическому расовому типу, а именно — брахицефальной европеоидной расе Среднеазиатского междуречья. В составе этой расы Л. В. Ошанин выделяет три варианта или подтипа. В настоящем исследовании рассматриваются только два. К первому, «горному», он относит горных таджиков, являющихся «наиболее типичными, ярко выраженными представителями расы Среднеазиатского междуречья», а ко второму — «припамирскому» — «ираноязычные племена юго-западных Припамирских стран — Рушана, Шугнана и Вахана. Этот подтип близок к подтипу горных таджиков, но отличается от него некоторыми признаками, сходными с признаками так называемой переднеазиатской расы»³⁴. Припамирские народности в силу географической изолированности и упомянутых выше исторических и социально-экономических причин, оказавшись к X в. на периферии территории этнического формирования таджиков, сложились в самостоятельные народности со своими, отличными от таджикского языками. Ввиду того что родные языки припамирских народностей, хотя и принадлежат к одной памирской группе восточноиранских языков, исключают взаимопонимание

²⁹ А. Д. Бабаев. Крепости и погребальные сооружения..., стр. 242; см. также: Л. Н. Гумилев. Эфталиты и их соседи в IV в. ВДИ, 1959, № 1.

³⁰ Н. А. Аристов. Этнические отношения на Памире и в прилегающих странах по древним, преимущественно китайским, историческим известиям. «Русский антропологический журнал», 1902, кн. II, № 3, стр. 62—63; кн. IX, № 1, стр. 68; см. также: Н. Я. Бичурин. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена, т. II. М.—Л., 1950, стр. 323.

³¹ А. Е. Снесарев. Религия и обычай горцев Западного Памира. «Туркестанские ведомости», 1904, № 90; А. М. Мандельштам. Материалы к историко-географическому обзору..., стр. 178.

³² В. В. Бартольд. Туркестан в эпоху монгольского нашествия, ч. II. СПб., 1900, стр. 66—67. «Худуд-ал-Алем». Рукопись Туманского, с введением и указателем В. В. Бартольда. Л., 1930, стр. 27.

³⁴ Л. В. Ошанин. Антропологический состав населения Средней Азии и этногенез ее народов, ч. I. Ереван, 1957, стр. 94.

говорящих на этих языках (кроме рушанско-шугнанской группы), таджикский язык (*форси*) издавна употреблялся для общения этих народностей между собой и с соседними народами³⁵.

Общность происхождения припамирских народностей подтверждается и данными палеоантропологии. О распространении памиро-ферганской расы³⁶ говорят исследования Л. В. Ошанина³⁷, В. В. Гинзбурга³⁸, Г. Хить³⁹, Ю. Г. Рычков⁴⁰ отметил, что антропологическая экспедиция 1957 г. «подтвердила вывод Л. В. Ошанина о едином антропологическом типе населения Западного Памира» и что «статистический и географический анализ среднеазиатских палеоантропологических материалов VI в. до н. э. — VII в. н. э. не подтвердил мнения о происшедшей в этот период трансформации палеоевропейского типа степных сако-скифских племен в памиро-ферганский тип, свойственный оседлому населению Припамирья. Можно говорить лишь о метисации этих типов, что вполне отражает историю Средней Азии в названный период»⁴¹.

В 1958 г. А. Н. Зелинский впервые раскопал домусульманский могильник в Ишкашимском р-не. Найденный в этом могильнике череп отнесен автором и Ю. Г. Рычковым «к индо-афганскому варианту средиземноморской расы, соответствующему сакам Восточного Памира, но также может рассматриваться и как занимающий промежуточное положение между этой и памиро-фер-

ганской расой, свойственной современным черепам Западного Памира»⁴².

Заселение глухих долин верхнего Пянджа, по мнению большинства исследователей, происходило в виде ряда миграционных волн, идущих с Запада (с территории современного Афганистана, Ирана, южных районов Таджикистана). Особенно усилилась миграция населения после V—VI вв. в связи с продвижением в Среднюю Азию тюрок (а впоследствии и монголов), от которых местное ираноязычное население спасалось в ущельях, не привлекавших завоевателей-скотоводов, нуждавшихся в больших степных просторах.

Таким образом, в этногенезе каждой из припамирских народностей участвовали местные, аборигенные, племена и пришлые, родственные между собой этнические элементы. Об этом пришлом населении сохранилось на Западном Памире много интересных преданий.

Миграционные движения населения в этом районе не прекращались, судя по нашим полевым материалам, и до самого последнего времени (от двух до пяти поколений тому назад).

Трудность общения в высокогорных условиях не привела к полной изоляции припамирских народностей. Они издавна поддерживали экономические и культурные связи с левобережным Бадахшаном, Читралом и Дарвазом. Высочайшие хребты имеют труднопроходимые перевалы, но все же доступные в летние месяцы для пеших переходов. Через Вахан, как известно, действовал и караванный путь в Бадахшан и Читрал; особенно важен был путь через Вахан из Кашгара (или Яркенда) в Бадахшан и районы современного Северного Афганистана, где он соединялся с «великими международными путями, идущими на юг, юго-запад и северо-запад»⁴³. Этот путь пользовался популярностью потому, что был наиболее труднопроходимым и в связи с этим «реже подвергался опасности быть внезапно закрытым из-за политических потрясений и военных столкновений, поскольку труднодоступность и замкнутость Бадахшана создавала относительную безопасность в этом отношении для движения торговых караванов и путешественников»⁴⁴.

⁴² А. Н. Зелинский. Древние памятники в Вахане. «Географическое общество СССР. Доклады по этнографии», вып. 1 (4). Л., 1966.

⁴³ Т. Г. Абава. Очерки истории Бадахшана. Ташкент, 1964, стр. 58.

⁴⁴ Там же, стр. 59; А. А. Вобриной. Горцы верховьев Пянджа. М., 1908, стр. 7; Н. А. Аристов. Этнические отношения на Памире..., стр. 42; А. Е. Снесарев. Памир в средние века и Великий памирский путь. «Изв. Туркестанского отд. РГО», т. VII. Ташкент, 1907, стр. 88.

³⁵ М. С. Андреев. Материалы по этнографии таджиков. Сб. «Таджикистан». Ташкент, 1925, стр. 162; В. С. Соколова. Очерки по фонетике иранских языков, ч. II. М., 1953; Л. Ф. Моногарова. Материалы по этнографии язгулемцев, стр. 9—10; она же. Современные этнические процессы на Западном Памире. СЭ, 1965, № 6, стр. 23, 32—33.

³⁶ «Оба эти термина — «памиро-ферганская раса» и «раса Среднеазиатского междуречья» — приняты в советской антропологии и употребляются в качестве синонимов» (Л. В. Ошанин. Антропологический состав населения Средней Азии..., ч. 1, стр. 94).

³⁷ Л. В. Ошанин. Иранские племена Западного Памира, т. I; Л. В. Ошанин, В. Я. Зезенкова. Вопросы этногенеза народов Средней Азии в свете данных антропологии. Ташкент, 1953; Л. В. Ошанин. Антропологический состав населения Средней Азии..., ч. 1—3. Ереван, 1957—1959.

³⁸ В. В. Гинзбург. Горные таджики. «Труды по антропологии, этнографии и археологии», серия 2, 1937.

³⁹ Г. Хить. Группы крови у таджиков Памира. «Вопросы антропологии», 1960, вып. 1; она же. Распределение групп крови у населения Памира. «Вопросы антропологии», 1961, вып. 8; она же. Дерматоглифика населения Западного Памира. СЭ, 1961, № 5.

⁴⁰ Ю. Г. Рычков. Антропологическая экспедиция 1957 г. на Западном Памире. «Труды АН Тадж. ССР», т. СIII, вып. V, 1959, стр. 180; он же. Антропологическое исследование процесса изоляции на Памире и Кавказе. «Труды VII Международного конгресса антропологических и этнографических наук», т. I. М., 1968.

⁴¹ Ю. Г. Рычков. Антропология и генетика популяций Памира. М., 1966, стр. 7 (автореф. канд. дисс.).

Однако, на наш взгляд, нельзя приписывать ваханскому пути и долине Вахана той большой роли (в культурных, политических и торговых связях кушан, а через них и всего средиземноморского мира с бассейном Тарима, Китаем и всем Дальним Востоком)⁴⁵, как это делают Т. Г. Абаева, А. Н. Зелинский, а вслед за ними и А. Д. Бабаев. Ведь труднодоступность районов Памира подчеркивают все исследователи. Л. В. Ошанин специально останавливается на том, что «заселение Памира шло вдоль узкой щели Пянджа, замкнутой между очень труднодоступной стеной Гиндукуша и системой Памирских хребтов»⁴⁶.

Вполне вероятно, что именно с юга и запада на протяжении веков шли группы переселенцев в верховья Пянджа⁴⁷. В долине Пянджа есть потомки переселенцев из Бадахшана, Читрала, Индустана (из Хайдарабада), Хорасана⁴⁸. В Язгулеме некоторые каумы ведут свое происхождение от переселенцев из Афганского Бадахшана, Каратегина, Ванча, Шугнана, Бартанга⁴⁹. В Рушане ряд авлодов происходит из Афганского Бадахшана и Бартанга⁵⁰.

По нашим сведениям⁵¹, авлод Давлятишо (Вахан, кишлак Вранг) возник от потомков переселенцев из Иранского Хорасана; некоторые бартангцы рассказывают, что их предки прибыли из Хорасана⁵².

М. С. Андреев обратил внимание на то, что исмаилитское духовенство — *пир*ы (или *ишаны*) верховьев Пянджа считают себя потомками выходцев из Ирана или Самарканда⁵³.

Все эти сведения, относящиеся уже к более позднему времени, 200—100-летней давности, свидетельствуют о том, что отдельные миграции населения в этом изолированном горном крае име-

⁴⁵ Н. А. Зелинский. Древние пути Памира. Сб. «Страны и народы Востока», вып. III. М., 1964, стр. 118.

⁴⁶ Л. В. Ошанин. Иранские племена Западного Памира, т. I, стр. 127.

⁴⁷ М. С. Андреев, А. А. Половцев. Материалы по этнографии иранских племен Средней Азии. «Сб. МАЭ», т. IX. СПб., 1911, стр. 3.

⁴⁸ А. А. Бобринский. Горцы верховьев Пянджа, стр. 15.

⁴⁹ Л. Ф. Моногарова. Материалы по этнографии язгулемцев, стр. 11.

⁵⁰ Архив ИЭ АН СССР, ф. 13; полевые записи 1964 г.— ед. хр. 9; 1965 г.— 10; 1966 г.— 11; 1967 г.— 12. Полевые записи автора 24.X 1964 г., кишлак Рушан Рушанского сельсовета Рушанского р-на (далее указываются только полевая запись, дата и название населенного пункта, сельсовета и района).

⁵¹ Полевая запись автора 16.IX 1966 г., кишлак Вранг Врангского сельсовета Ишкашимского р-на.

⁵² Полевая запись автора 29.IX 1966 г., кишлак Басид Басидского сельсовета Рушанского р-на.

⁵³ М. С. Андреев. Таджики долины Хуф, ч. I. Сталинабад, 1953, стр. 13—15.

ли место и позже X в., т. е. уже после сложения таджиков и родственных горным таджикам отдельных припамирских народностей.

Н. А. Кисляков в работе «К вопросу об этногенезе таджиков»⁵⁴ подчеркивает этническую общность и единство происхождения памирских таджиков и таджиков Каратегина, Дарваза, Гисара, возможно и Куляба, говоривших в отдаленные времена на общих или близких наречиях или языках. Находит подтверждение и тот факт, что таджики перечисленных выше местностей отличаются резко бросающейся в глаза культурной общностью⁵⁵. Н. А. Кисляков вслед за И. И. Зарубиным и Н. И. Вавиловым считает, что на территории Таджикистана существовали две древние культурно-исторические области — согдийская (к северу и западу от Гисарского хребта) и тохарская (к югу и востоку от этого хребта). Он считает, что «таджики, населяющие территорию к северу и западу от Гисарского хребта, этнически, по-видимому, связаны с населением древнего Согда, для таджиков Гисара, Куляба, Каратегина, Дарваза и Припамирских районов характерна значительная культурная общность, которая в своей основе восходит, вероятно, к древним обитателям этого края — тохарам»⁵⁶.

*

А. Е. Снесарев⁵⁷ отмечает, что до XII в. Западный Памир населяли «огнепоклонники», называемые *сиях-пуши*, т. е. «одетые в черное». Он ссылается на арабские источники и народные предания. Например, развалины огромных крепостей легенды связывают со временем господства сиях-пушей. На основании этих данных А. Е. Снесарев делает предположение о том, что «рядом с таджиками жили сиях-пуши, нынешние обитатели Кафиристана... Народные предания довольно однообразно и определенно рисуют былое положение сиях-пушей как победителей таджиков и занимавших между последними привилегированное положение»⁵⁸. Такие предания распространены довольно широко среди язгулемцев, рушанцев, шугнанцев, ваханцев, ишкашимцев. Старики рассказывают, что в прежнее время на Западном Памире

⁵⁴ Сб. «Советская этнография», вып. VI—VII. М., 1947.

⁵⁵ Н. А. Кисляков. К вопросу об этногенезе таджиков, стр. 318.

⁵⁶ Н. А. Кисляков. Некоторые материалы к вопросу об этногенезе таджиков. КСИЭ, 1960, № 80, стр. 130.

⁵⁷ А. Е. Снесарев. Религия и обычай горцев Западного Памира.

⁵⁸ Там же.

жили «огнепоклонники» — *оташ-параст*⁵⁹. Следы культа огня в верованиях припамирских народностей по нашим материалам прослеживаются в почитании домашнего очага (когла), что проявляется особенно во время свадебного обряда (см. главу III), в поддержании зимой у язгулемцев «неугасимого» огня в общественном доме — *алоухона* (дом огня), в запрете дуть на огонь, чтобы погасить святильник (по поверью, дыхание человека «осверняет» огонь), и т. п.

Ссылаясь главным образом на сведения Робертсона (начало XIX в.), исследователи населения Нуристана (в прошлом Кафиристана), и А. Гарднера, известного путешественника по Средней Азии (конец XIX в.), А. Е. Снесарев делает вывод, что «в далекие времена сиях-пуши занимали огромную территорию в нагорной части Средней Азии»⁶⁰. Трудно согласиться с автором, что всю эту обширную горную область занимал один народ. Вероятно, несколько родственных народов назывались общим именем сиях-пушей, ставшим для арабских ученых синонимом «неверных», «кафиров».

Распространение ислама в верховьях Пянджа в форме исмаилизма началось в XI в.⁶¹ В XII в. население Западного Памира повсеместно приняло ислам. Марко Поло, проезжавший через Вахан в 1274 г., называет уже его население мусульманами⁶².

Проповедником исмаилизма был известный философ, поэт и путешественник Насир-Хисроу, живший в XI в. Исмаилизм, обожествлявший Али, зятя пророка Мухаммеда, является одной из двух главных сект шиитского направления ислама.

Появление секты в середине VIII в. исмаилиты связывают со спором о наследовании имамата (воплощения «мировой души») при шестом шиитском имаме Джафар-ас-Садыке, лишившем своего старшего сына Исмаила права наследования за пристрастие к спиртным напиткам. Некоторые из последовате-

лей Джафара с этим не согласились и объявили Исмаила законным седьмым имамом. Они создали секту исмаилитов, отколовшуюся от ортодоксального шиизма. Лишение Исмаила права наследовать имамат послужило лишь поводом для оформления новой секты, так как действительной причиной этого была «борьба между феодализмом и торговым капиталом»⁶³. Особенно много последователей исмаилизма находилось в среде «зажиточных и образованных слоев городской и сельской буржуазии... исмаилитские агитаторы проникали и в общественные низы того времени, в самую гущу эксплуатируемых классов»⁶⁴.

Вероучение исмаилитов основано на иносказательном толковании Корана. Исмаилиты считают, что бог недоступен восприятию человека и лишен каких-либо вещественных атрибутов. Поэтому у исмаилитов нет специальных молитвенных домов (мечетей). Бог проявился по своей воле в образе «мирового разума», его атрибут — знание. «Мировой разум» создал «мировую душу», ее атрибут — жизнь; эта душа породила «первичную материю», пассивно принимающую те формы, которые ей придает «разум». Душа все время стремится к познанию, чтобы в своем развитии подняться до природы «разума». «Мировая душа» воплощается в душе имама.

Для учения исмаилизма характерна вера в переселение душ — *танахус*. Пять ступеней ведут от человека к божеству.

В исмаилизме существует несколько направлений. Среди верующих припамирцев распространен исмаилизм того же направления, что и у исмаилитов в Иране, Афганистане, Индии, Северной и Восточной Африке, Сирии, в Западном Китае (у сарыкольцев). Это направление признает своим главой «живого бога» — Ага-хана, ведущего свое «божественное» происхождение от одной из ветвей фатимидских халифов. Резиденцией Ага-хана является г. Бомбей.

Во многих священных местах на Западном Памире (например, в Рушане у чинара на камнях вблизи бывшего мазара «Шо Толиб пайгамбар мазор» и других) встречается изображение пятерни — руки человека с растопыренными пальцами. Считают⁶⁵, что это Мухаммед, Али, Фатима и их дети — Хусейн и Хасан, т. е. «пять тел». «Если один палец отрезать, рука работать не

⁵⁹ Л. Ф. Моногарова. Материалы по этнографии язгулемцев, стр. 84.

⁶⁰ А. Е. Снесарев. Религия и обычаи горцев Западного Памира.

⁶¹ А. А. Бобринской. Секта исмаилия в русских и бухарских пределах Средней Азии. «Этнографическое обозрение», 1902, № 2, кн. 1, стр. 1—21; А. Е. Снесарев. Религия и обычаи горцев Западного Памира; А. А. Семенов. Носыри-Хосров о мире духовном и материальном. «Сб. Туркестанского восточного ин-та в честь проф. А. Э. Шмидта». Ташкент, 1923, стр. 124—133; он же. Из области религиозных верований шугнанских исмаилитов. «Мир ислама», 1912, т. I, № 4; Массэ. Ислам. М., 1962, стр. 145—152; Е. Беляев. Мусульманское сектанство. Сб. «Ислам». М., 1931, стр. 61—71; И. П. Петрушевский. Ислам в Иране. Л., 1966.

⁶² «Книга Марко Поло». М., 1956, стр. 76.

⁶³ Е. Беляев. Мусульманское сектанство, стр. 62.

⁶⁴ Там же, стр. 63.

⁶⁵ Полевая запись автора 24.X 1964 г., кишлак Рушан Рушанского сельсовета Рушанского р-на.

будет», — говорят верующие. «Имам Ага-хан все дает людям, как Бог на Земле, как воплощение Бога»⁶⁶.

Верующие среди припамирских народностей обыкновенно имеют в доме деревянные или стеклянные синие с белым четки — *тусби* (шуги.) — из 101 бусины, которые перебирают, читая молитву *пир и шо*. Каждая семья имела своего ишана (называвшегося у припамирцев, как и его помощник халифа, — *пиром*), своего духовного наставника. Каждый, имевший духовного наставника, считался его мюридом и обязан был подчиняться ему беспрекословно, так как пир являлся представителем самого имама. Ослушание его — ослушание имама. У исмаилитов как мужчина, так и женщина могли стать мюридом определенного пира. В богатых семьях и девочек учили арабской грамоте, но халифом мог быть только мужчина. Чтобы приобщиться к вере, стать мюридом пира, надо было совершить обряд *дасти пир*⁶⁷ — взять большой палец на руке пира и поцеловать его. В Шугнани при этом обряде проводилось испытание холодной водой, очищение огнем (прыгали через огонь). Здесь обряд совершался в зрелом возрасте, лет с 40, так как считалось, что с этого возраста человеку легче вести более «праведную» жизнь. В Рушани же считали, что если человек совершит дасти пир в молодом возрасте (по достижении 18 лет), то и вся жизнь у него будет «праведная». После совершения этого обряда пиру подносили небольшой подарок.

В каждом кишлаке были мюриды (последователи, ученики) разных пиров. Например, в кишлаке Вранг в Вахане в 1902 г. три пира — Шо-Заде-лейс, Карам-Али-шо, Саид-Абдуррахман — имели каждый своих мюридов⁶⁸. До установления Советской власти в Поршневе (Шугнан) большим влиянием пользовался ишан (пир) Юсуф-Али-шо⁶⁹. Верующие на Западном Памире особенно почитали Насир-Хисроу — первого проповедника исмаилизма в этих высокогорных районах. Они подчеркивали отличие своей веры от религии таджиков других районов Талжикистана. Основные отличия, по свидетельству наших информаторов, сводятся к следующему: 1) исмаилиты не признают сущест-

воления рая и ада. После смерти человека его душа жива и переселяется в другое живое существо (душа добродетельного человека — в человека, душа грешника — в то или иное животное в зависимости от «тяжести» грехов); 2) у исмаилитов-припамирцев нет молитвенных домов; 3) они не соблюдают пост — *рузу*; 4) нет обязательного пятикратного чтения в течение суток молитвы («намаз»); 5) они уважают другие народы, никого не презирают; 6) не нарушают общественный порядок; 7) не должны сплетничать; 8) не воровать; 9) не смотреть на жену соседа (т. е. не желать ее)⁷⁰ и т. д.

Философская сторона исмаилизма не понятна народу, да и многие лица из духовенства плохо разбираются в этом вероучении. То, что система исмаилитов сложилась в результате воздействия на ислам индийско-персидских учений⁷¹, явилось основным фактором, благодаря которому жившее в условиях патриархально-феодального строя и придерживавшееся древних анимистических верований население припамирских стран приняло исмаилизм. Большое значение имела и деятельность проповедников исмаилизма, которые, «верно определив потребности того или иного класса, в каждом отдельном случае представляли дело исмаилизма прямо совпадающим с интересами представителей того класса, к которому они обращались в данный момент»⁷².

Одной из основных причин принятия исмаилизма припамирскими народностями, на наш взгляд, можно считать большую терпимость его к различным народным верованиям, чем это наблюдается в других толках ислама. «Мы видим это хотя бы на примере памирских исмаилитов, где чуждое исмаилизму почитание мазаров, священных камней, вера в переселение душ и проч. явления широко уживаются с общепринятой религией, будучи введены если не в писаную догму, то в народную традицию с молчаливого согласия местных блюстителей уставов секты»⁷³.

Религия припамирских народностей представляет собой смешение народных анимистических верований с вероучением исмаилизма. Еще в 1929 г., по наблюдениям П. М. Майского, «почти каждая горная щель, каждое ущелье Памира имеет свою свя-

⁶⁶ Полевая запись автора 18 и 22.X 1964 г., кишлак Поршнев Поршневского сельсовета Шугнанского р-на.

⁶⁷ Полевая запись автора 24.X 1964 г., кишлак Рушан Рушанского сельсовета Рушанского р-на.

⁶⁸ Архив востоковедов, ф. 115, л. 7.

⁶⁹ Полевые записи автора 28.X 1965 г., кишлак Поршнев Поршневского сельсовета Шугнанского р-на; см. также: А. А. Бобринской. Секта исмаилия..., стр. 12—13.

⁷⁰ Полевая запись автора 18.X 1965 г., г. Хорог.

⁷¹ К. Маркс. Хронологические выписки. «Архив Маркса и Энгельса», т. V. М., 1938, стр. 127.

⁷² Е. Белая. Мусульманское сектанство, стр. 63—64.

⁷³ А. А. Семенов. К догматике памирского исмаилизма. Ташкент, 1926, стр. IX; см. также: П. М. Майский. Следы древних верований в памирском исмаилизме. СЭ, 1935, № 3, стр. 50—58.

тыню и свои особенности в верованиях... ваханцы совершенно игнорируют шугнанские и рушанские мазары, называя иногда даже самих рушанцев «кафирами» за их поклонение мехробе, курение опиума, свободные нравы их женщин и проч. В свою очередь рушанцы упрекают ваханцев за их поклонение камням в Наматготе и даже говорят, что ваханцы родом от кафиров — сию-пушей, что они произошли от брака вождя сию-пушей Кака'ха с его сестрой Зульфимор и т. д.⁷⁴

Мы сравнительно подробно останавливаемся на исмаилизме припамирских народностей, потому что религиозная принадлежность их к этой секте оказала огромное влияние на формирование культуры и быта населения. Одним из наиболее вредных элементов исмаилизма является фактическая нетерпимость к последователям других религий⁷⁵, порождавшая и в последующие века, и даже в конце XIX — начале XX в. отчужденность в отношениях с соседними народами другой веры: киргизами Восточного Памира, таджиками Дарваза и Северо-Восточного Афганистана и др. «Этноразделительную» роль религии в странах Азии, особенно мусульманских, следует всегда учитывать при изучении этнических процессов, потому что «религиозные различия имели в быту и в социальных отношениях большее значение, чем этнические»⁷⁶. Различная религиозная принадлежность припамирских народностей (исповедующих ислаимизм) и таджиков (суннитов по религии) сыграла одну из главных ролей в обособлении этнического развития припамирцев и была одной из основных причин, тормозивших до недавнего времени сближение этих народов.

Припамирские народности под властью Бадахшана и Бухары

История стран верховьев Пянджа в позднем средневековье и в новое время тесно связана с Бадахшаном и Дарвазом⁷⁷. В X—XVI вв. Вахан, Шугнан и Рушан с Дарвазом (два последних

⁷⁴ П. М. Майский. Следы древних верований..., стр. 57.

⁷⁵ А. А. Семенов. Из области религиозных верований..., стр. 529.

⁷⁶ В. И. Козлов. Типы этнических процессов и особенности их исторического развития. «Вопросы истории», 1968, № 9, стр. 102.

⁷⁷ Наиболее полные исследования по истории Восточного Таджикистана и Афганского Бадахшана см.: Б. И. Искандаров. Восточная Бухара и Памир в период присоединения Средней Азии к России. Душанбе, 1960; он же. Восточная Бухара и Памир во второй половине XIX в. ч. I. Душанбе, 1962; ч. II, 1963; Т. Г. Абаева. Очерки истории Бадахшана.

составляли в XVI в. одно владение) управлялись местными феодальными династиями и фактически были самостоятельными.

С XVII в. Рушан был в постоянной вассальной зависимости от Шугнана и разделял его судьбу. В XVIII в. Рушан с Шугнаном и Вахан вели борьбу против политической зависимости от Бадахшана, Кундуза, Дарваза; владетели Вахана и Шугнана с Рушаном стали вассалами дарвазских шахов и платили им дань. В 30-х годах XIX в., освободившись от власти кундузского правителя, эмир Бадахшана подчинил себе Шугнан (вместе с Рушаном) и Вахан. Население кроме повинностей своим феодальным владетелям должно было платить дань эмиру Бадахшана.

Натуральные повинности в пользу правителя — *ша* складывались из следующего: соблюдая очередность, обрабатывали землю *ша*, убирали урожай, пасли скот (верблюдов и лошадей), принадлежащий *ша*, расчищали снег у крепости (резиденции) *ша*, чинили и укрепляли тропы, мосты; зимой кормили скот, распределяемый по домам крестьян, ухаживали за ним и т. п. Подати состояли из ежегодной поставки шерстяных конских попон, *джурабов* (вязанных из цветной шерсти длинных носков), определенного количества коровьего масла и установленного числа голов овец и т. п.

Между владетелями Шугнана и Вахана, наиболее крупными и влиятельными по сравнению с другими феодалами, все время происходили междоусобные войны за Ишкашим, Горон (где издавна были рубиновые копи), Шахдару, Гунт. Феодальные войны велись и с киргизами Восточного Памира.

В 1878 г. Бухарское ханство завоевало Дарваз, куда входили Калаи-Хумб и долины Ванча и Язгулема.

Соперничество России и Англии за расширение сфер влияния в этом районе Средней Азии привело к тому, что эмир Афганистана Абдурахман-хан при поддержке Англии вторгся в 1883 г. в Вахан, Шугнан и Рушан. Афганцы значительно увеличили поземельный налог — *ушр*, который начали взимать в количестве, равном количеству высеянных на данном земельном участке семян. Афганцы взимали и так называемый подымный налог, т. е. налог с дома (дыма), независимо от того, жила ли там многолюдная большая патриархальная или малая семья.

Ф. Амануллаев отметил, что до 1891 г. памирские таджики платили дань афганцам не только деньгами и натурой, но и людьми, отдаваемыми в рабство. Рабы из Рушана и Шугнана ценились до 115 руб. серебром, что равнялось 10 быкам, либо

5—8 якам, либо 2 ружьям⁷⁸. Один из исследователей Памира капитан Ванновский писал, что «...жители нижнего Барганга платили подать детьми, мальчиками и девочками, которые назначаются прислугой афганскому гарнизону, а равно бачами и наложницами офицерам и унтер-офицерам»⁷⁹.

Многие ваханцы бежали в Сарыкол, Читрал, Туркестан. «Житья нет от своеволия афганцев. Наших людей берут в рабство, заставляют строить дороги. Насилуют женщин. Придет в дом афганец в отсутствие мужа да еще галоши оставляет у входа. Муж воротился — его бьют: как смел войти, когда видит у дверей афганские галоши?»⁸⁰

Захватнические действия эмира Абдуррахмана вызвали ответную реакцию царской России. По договору от 25 февраля 1895 г. между Россией и Англией было проведено Памирское разграничение, по которому земли левобережного Дарваза, части территории Рушана, Шугнана и Вахана по левому берегу Пянджа отошли к Афганистану. Это разграничение, произведенное без учета народных интересов, принесенных в жертву политике соперничавших колониальных держав, осложнило дальнейшее этническое развитие народностей Западного Памира. Компенсируя бухарскому эмиру потерю западного Дарваза, по договору 1896 г. между Россией и Бухарой административное управление правобережным Ваханом, Шугнаном и Рушаном номинально передавалось эмиру бухарскому⁸¹.

Население левобережного Пянджа, спасаясь от усиливающегося гнета афганцев, массами переселялось на правый берег, на земли, отошедшие к Бухарскому ханству. Однако «господство бухарского эмира на Западном Памире вызвало неоднократные возмущения трудящихся масс края»⁸².

Во вновь присоединенные области были назначены бухарские чиновники, которые злоупотребляли своими правами и чинили всяческие насилия над жителями, что заставляло припамирцев просить русских военных представителей на Памире о присоединении их края к России. Вот выдержки из одного характерного для того времени прошения, которое было послано жителями

⁷⁸ Ф. Амануллаев. Развитие сельского хозяйства колхозов Советского Памира. «Труды АН Тадж. ССР», т. VI, 1960, стр. 14.

⁷⁹ Архив востоковедов, ф. 115, л. 80.

⁸⁰ Путья. Очерк экспедиции на Памир, Сарыкол, Вахан и Шугнан, 1883 г. «Сб. географических, топографических и статистических материалов по Азии», вып. X. СПб., 1884, стр. 26—27; В. И. Искандаров. Восточная Бухара и Памир..., ч. II, стр. 223.

⁸¹ Ф. Амануллаев. Развитие сельского хозяйства..., стр. 14.

⁸² В. И. Искандаров. Восточная Бухара и Памир..., ч. II, стр. 143.

Вахана на имя начальника Мургабского поста: «Да будет Вам известно, что из Шугнана приехал Мансура-хан для того, чтобы сделаться правителем нашей страны... Мы никогда не были подчинены бухарскому эмиру... В настоящее время мы надеемся, что вы нас никому не отдадите, мы ваши подданные... Если прошение наше не достигнет цели, мы бросимся в реку и... уничтожим себя»⁸³.

Все социальные группы населения на Западном Памире сопротивлялись введению бухарских порядков, которые нарушали установившиеся здесь определенные социальные отношения. Последние проявлялись, в частности, в сохранении значительных общинно-родовых пережитков при общем господстве феодальных отношений. Старшее поколение до настоящего времени хорошо помнит свою принадлежность к различным семейно-родственным группам (называемым *каум* в Язгулеме, *тухм* — у ваханцев, *гирю* — у шугнанцев, *каум* или *кында* — у ишкашимцев⁸⁴). Члены этих групп ведут свое происхождение от реально жившего 7—12 поколений тому назад предка (после 12-го поколения — уже не родные, а чужие).

Экономическое и идеологическое единство каждой семейно-родственной группы позволяет в настоящее время рассматривать ее как пережиточную форму патронимии, т. е. как группу патриархальных семей, образовавшуюся вследствие сегментации одной большой (первичной) патриархально-семейной общины и дальнейшего разрастания выделившихся из нее дочерних патриархальных семей⁸⁵.

Принадлежащие к определенной патронимии жили, как правило, в одном квартале селения, имели свои постоянные общие пастбища, вода находилась в общем пользовании.

Сельская община — *кабиль* у народностей верхнего Пянджа состояла из одной или нескольких (в больших кишлаках) патронимий. Родственные связи по прямым и боковым линиям были очень крепки (и в настоящее время родственники стараются располагать усадьбы рядом, хотя при современном разрастании кишлаков принцип расселения каумами нарушается). М. С. Ан-

⁸³ Центральный гос. исторический архив Узб. ССР, ф. 2, с/з, оп. 1, д. 50, л. 103.

⁸⁴ Л. Ф. Моногорова. Материалы по этнографии язгулемцев, стр. 53—55; Полевые записки автора 22.X 1964 г., Рушан, Рушанского сельсовета Рушанского р-на; 18.X 1965 г., г. Хоррог; 14.IX 1966 г. и 18.IX 1966 г., кишлак Вранг Врангского сельсовета Ишкашимского р-на; 17.IX 1966 г., кишлак Лянгар Зунгского сельсовета Ишкашимского р-на; 23.IX 1966 г., кишлак Миденшор Поршневого сельсовета Шугнанского р-на; 29.IX 1966 г., кишлак Басид Басидского сельсовета Рушанского р-на.

⁸⁵ Л. Ф. Моногорова. Материалы по этнографии язгулемцев, стр. 11—12, 51—55.

дреев и А. А. Половцев писали, что «... у горцев в верховьях Пянджа родственные чувства сильно развиты. Например, в случае нанесения обиды за потерпевшего вступаются его родственники: если на кого-нибудь наложен штраф или пеня, то родственники же помогают при выплате, производя раскладку между собою. Перед началом какого бы то ни было дела затевающий его всегда совещается с родственниками и только тогда принимает окончательное решение»⁸⁶.

У каждой из припамирских народностей существовало и словесное деление⁸⁷. Господствующее (благородное) и подчиненное (податное) сословия делились на группы. Господствующее сословие состояло из светской феодальной аристократии (*ша* — самостоятельные правители; *миры* — правители вассальных мелких владений; *акобиры* — военная аристократия из родовой знати) и духовенства (*шо*, или *пиры*, или *ишаны* — духовные наставники верующих исмаилитов, *халифа* — помощники пиров, лица, исполняющие требы верующих, *шейхи* — хранители мазаров — священных мест). М. С. Андреев видит в них представителей существовавшего в прошлом жреческого сословия⁸⁸. «Благородное» сословие пользовалось особой привилегией — оно было освобождено от всяких повинностей, податей и налогов, кроме выплаты Ага-хану $\frac{1}{10}$ годового дохода.

Воины-дружинники — *полтан* или *чокар*, состоявшие на службе *ша*, также были освобождены от налогов.

У подчиненного, податного, сословия, трудящихся крестьян — *факири*, *райят*, выделялись зажиточные — *беки*. Податное сословие платило своим владельцам поземельный налог не с урожая, а с площади посева, так как земля измерялась количеством высеваемых на данной площади семян. Он составлял $\frac{1}{8}$ их часть. Взимали налог и в пользу воинской дружины.

В странах верховьев Пянджа были распространены земли следующих категорий⁸⁹:

1) шахские земли (*шо замин* или *шо мюльк*) — земли, которыми владели на правах частной собственности светские (*ша*, *миры*) и духовные (*ишаны* или *пиры*) феодалы;

2) наследственно-владельческие, т. е. отцовские (*мюльки хонаи падар*, *замини хонаи падар*), — земли, находившиеся в пользовании крестьян;

3) султанские земли (*мюльки султони* или *мюльки подшохи*) — государственные земли (после передачи стран верховьев Пянджа бухарскому эмиру в этот фонд вошли земли бежавших представителей местной правящей династии, светских феодалов);

4) «вакуфные земли». На наш взгляд, название это неудачное, так как в Припамирских странах действительно «вакуфных земель»⁹⁰, т. е. земель, передаваемых по завещанию или пожертвованных в пользу духовного учреждения или святыни, не было, однако некоторые исследователи — Ф. Амануллаев, З. Бахрамов — называют «вакуфными» земли, на которых располагались культовые памятники (например, мазары); возможно, более подходящее название для этих земель — *замини саркорй*, т. е. «божьи земли», как отметил И. Мухиддинов⁹¹;

5) общинные земли (*пастбища* — *иль*, *ель*, сенокосы, леса, водопой, пустоши), которые находились в неразделенном общем пользовании определенной кишлачной (сельской) общины (*кабиль* или *джамсету*).

Большая часть шахских земель в Рушане и Шугнани принадлежала духовным феодалам. Обычно эти земли были расположены чересполосно с землями других категорий. З. Бахрамов⁹² считает, что разбросанность участков объясняется стремлением ишана иметь лучшие земли в каждой общине. К этому следует добавить и заинтересованность его в обработке земли. Живущие в разных кишлачных общинах мюриды одного ишана в

⁸⁶ М. С. Андреев, А. А. Половцев. Материалы по этнографии иранских племен Средней Азии, стр. 19, 20.

⁸⁷ Там же, стр. 8—10; М. С. Андреев. Таджики долины Хуф, ч. I, стр. 36—37; Л. Ф. Моногарова. Материалы по этнографии язгулемцев, стр. 51—52; Полевые записки автора 24.X 1964 г., кишлак Рушан Рушанского сельсовета Рушанского р-на; 18 и 19.X 1965 г., г. Хорог.

⁸⁸ М. С. Андреев. Таджики долины Хуф, ч. I, стр. 38—39.

⁸⁹ Ф. Амануллаев. Развитие сельского хозяйства..., стр. 16; З. Бахрамов. Земельные отношения в Шугнани в конце XIX — начале XX в. (1895—1920). Сб. «Очерки по истории Таджикистана», т. I. Сталинабад, 1957, стр. 49; И. Мухиддинов. Земледелие памирских таджиков Вахана и Ишкашима в XIX — начале XX в. (Историко-этнографический очерк). Автореф. канд. дисс. М., 1971, стр. 6—7.

⁹⁰ Сравни: Н. А. Кисляков. Патриархально-феодалные отношения среди оседлого сельского населения Бухарского ханства в конце XIX — начале XX в. М.—Л., 1962, стр. 75—79, 97—99.

⁹¹ И. Мухиддинов (см.: «Земледелие памирских таджиков...»), анализируя материалы по землевладению в Вахане и Ишкашима, отмечает, что «вакуфные земли», по сведениям его информаторов, были только в кишлаке Зунг, в Вахане. Эти участки были подарены мазару «Шо-камбар». Автор называет и категорию земель типа «вакуфных», так называемые божьи земли — наследственные земли, подаренные их владельцами Ага-хану в лице их пира для спасения жизни заболевших близких родственников. Причем только «половину урожая с этих участков пир брал себе, якобы «для бога», а другую половину отдавал работавшим на участке его мюридам с условием, что каждый из них устроит общественное угощение в честь мазара (в память местного святого).

⁹² З. Бахрамов. Земельные отношения в Шугнани..., стр. 50—51.

порядке общественной взаимопомощи — *кырыар* — безвозмездно обрабатывали его земли. Здесь барщина была замаскирована отношениями духовного наставника и его мюридов. Согласно статистическим данным 1902 г., в Вахане ишаны имели различное число мюридов в одних и тех же кишлаках, расположенных по правому берегу Пянджа⁹³.

Жестокая эксплуатация, зачастую захват ишанами земель своих мюридов вызывали недовольство крестьян. З. Бахрамов правильно отмечает, что духовной зависимости оказалось недостаточно, чтобы удерживать мюридов под влиянием их духовных наставников — ишанов⁹⁴. Ишаны, теряя земли по ряду причин в левобережном Вахане и Ишкашиме, стремились укрепить свое влияние в селениях правобережья Пянджа. Например, известный ишан Шо-Заде-лейс имел мюридов и в кишлаках к северу от Читрала. А в этом районе, по сведениям начальника Ишкашимского поста штаб-капитана Туманова, вел агитацию за обращение в суннизм один мулла, воспитанник Пешаварской школы. Перешло в суннизм 70 шиитских (исмаилитских) домов. Все они были мюридами Шо-Заде-лейса, и он пользовался их участками⁹⁵.

Перейдя в суннизм, бывшие мюриды Шо-Заде-лейса потребовали у него обратно свои участки, но ишан вернуть их отказался. Крестьяне обратились к английским властям, но якобы на основании давности пользования этими участками они остались за ишаном. Англичанам было выгодно, оставив землю за ишаном, расположить к себе исмаилитское духовенство, через которое они надеялись усилить свое влияние на памирцев-исмаилитов.

Все свое внимание ишаны обратили на верующих правобережья Пянджа. Однако и здесь, особенно перед Великой Октябрьской революцией, увеличивалось число *пиргахта* — «отошедших, отвернувшихся от пира» (т. е. принявших суннизм)⁹⁶.

Ишаны владели на правах частной собственности лучшими отгонными пастбищами и сенокосами. Крестьяне же пользовались, как правило, расположенными в отдаленных местах худшими пастбищами и сенокосами (которые находились в общем пользовании членов сельской общины).

⁹³ Архив востоковедов, ф. 115, л. 1—3.

⁹⁴ З. Бахрамов. Земельные отношения в Шугнанах..., стр. 51.

⁹⁵ Архив востоковедов, ф. 115, л. 2, 3.

⁹⁶ З. Бахрамов. Земельные отношения в Шугнанах..., стр. 51.

Верховным собственником всей земли в конце XIX и начале XX в. считался бухарский эмир (с 1895 г.). Однако земли светских и духовных феодалов в Припамирских областях не были его собственностью. Землями других категорий — наследственно-владельческими и частично султанскими (государственными), фактически находившимися в пользовании крестьян на правах потомственного владения, — распоряжались чиновники эмира бухарского, которые давали разрешение на отчуждение участков таких земель⁹⁷. Крестьяне за пользование земельными участками этих категорий обязаны были платить ренту-налог бухарскому эмиру в размере $\frac{1}{8}$ части урожая, $\frac{1}{20}$ с поголовья скота и «очистительную милостыню» — *саркорй* — налог ишанам и главе исмаилитов Ага-хану в размере $\frac{1}{10}$ части годового дохода (золотом)⁹⁸.

Крестьяне платили также *ушр* — ренту-налог с урожая плодовых деревьев, в том числе тутовника. Кроме того, выделяли сборщику налогов $\frac{1}{160}$ урожая. В порядке взаимопомощи крестьяне заставляли работать на султанских землях под наблюдением сельских старост.

По размерам землепользования податное сословие разделялось на четыре группы: к первой, зажиточной, группе относились хозяйства, имевшие от 5 до 25 десятин (5,8%); ко второй группе — середняки — от 2 до 5 десятин (27,3%); к третьей — бедняцкие хозяйства — до 2 десятин (66,9%, из них 60% имели до 1 десятины земли); к четвертой — безземельные⁹⁹.

Бедняцкие хозяйства (66,9%) имели 40% рабочего скота, а середняки и зажиточные (вместе составлявшие 33,1%) — 60%. Бедняцкие и безземельные хозяйства не могли обеспечить потребности своих семей и вынуждены были продавать свою рабочую силу на кабальных, полунаемных условиях: 1) пользовались $\frac{1}{10}$ — $\frac{1}{12}$ частью обработанных ими посевов, урожай с которых составлял всего 5—6 пудов зерновых; 2) получали от 145 до 290 кг зерна в год (работа за натуральную плату); 3) работали за «харчи». Крестьяне платили и натуральный налог — *молиет* с каждой из четырех категорий хозяйств, причем каждая категория хозяйств обязана была отдать определенное количество скота, масла, тканей и т. п. Безземельные платили подать в размере 2 баранов или 1 руб. 20 коп. в год.

⁹⁷ Там же.

⁹⁸ Там же, стр. 61; Ф. Амануллаев. Развитие сельского хозяйства..., стр. 19.

⁹⁹ Ф. Амануллаев. Развитие сельского хозяйства..., стр. 16—17; З. Бахрамов. Земельные отношения в Шугнанах..., стр. 61—62.

Основной формой эксплуатации крестьян были натуральные подати, хотя барщина на землях феодалов сохранялась вплоть до установления Советской власти, а каждый верующий пересылал Ага-хану $\frac{1}{10}$ часть своего годового дохода еще и в первые годы Советской власти.

Трудовое население Западного Памира страдало под гнетом феодальной Бухары. Крестьяне поднимали восстания, отказываясь платить налоги и выполнять многочисленные повинности. Царское правительство, хорошо осведомленное о крестьянских восстаниях 1885—1886, 1890 гг., решило пойти на уступки. С 1905 г. административное управление фактически перешло к начальнику Памирского отряда. Рента-налог была снижена до $\frac{1}{20}$, налог на скот — до $\frac{1}{60}$ части. Отменены все другие налоги.

Султанские земли были поделены между крестьянами. За пользование ими платили налог Русскому государству. После 1906 г. эти государственные земли постепенно перешли в собственность их владельцев — райятов¹⁰⁰.

Освободившись от власти Бухарского эмирата, местные духовные феодалы (ишаны) усилили эксплуатацию своих мюридов — крестьян, приспособиваясь к проникающим новым товарно-денежным отношениям. Кроме барщины мюриды платили подать натурой и деньгами — золотом и серебром. В предреволюционные годы $\frac{1}{10}$ часть годового дохода верующего поступала ишану часто в денежном выражении. Эти деньги со специальными людьми направлялись Ага-хану в Бомбей.

Ишан (пир) получал от своих мюридов, приходивших к нему на поклон, *салом* — обязательные подарки, особенно в дни религиозных праздников и семейных торжеств. При очищении от «грехов» «дыханием пира» мюрид платил ему за это баранами, маслом и другими продуктами. По случаю различных семейных событий или хорошего урожая, совпадавших случайно с приходом ишана в кишлак, ему следовало отдать все лучшее, что имелось в хозяйстве: лучшего барана, лучший кусок местного сукна, лошадь¹⁰¹.

В случае же болезни мюрида или стихийного бедствия, падежа скота и т. п. пиру выделялось пожертвование. Это пожертвование часто приносилось кишлачной общиной. Мюриды по очереди устраивали общественное угощение — *худои* для всех общинников не менее двух раз в год, выделяя одну-две головы скота, а большая часть этого жертвования отдавалась пиру или

¹⁰⁰ Б. Искандаров. Восточная Бухара и Памир..., ч. II, стр. 52.

¹⁰¹ З. Бахрамов. Земельные отношения в Шугнане..., стр. 70—72.

халифе. За малейшие проступки ишан штрафовал своих мюридов, забирая барана, а за большой грех — быка или корову. По религиозным представлениям исмаилитов «грех» переходит на «жертвенного» барана или быка и «грешный» мюрид очищается.

В кишлачной общине происходил в это время постепенный переход от барщины к натуральным налогам, что усилило ее социальное расслоение. В начале XX в. крестьянство на Западном Памире не представляло собой однородной массы. Зажиточные баи занимались также ростовщичеством, а так как рынков на Западном Памире не было, — то и торговым посредничеством, перепродажей, значительно наживаясь на этом. Феодалы и кулаки-баи наделяли батрака маленьким клочком земли, тем самым привязывая его к своему хозяйству и уменьшая количество отходников.

Средняки и бедняки два раза в год должны были выполнять государственную повинность: чинить дороги, строить мосты, давать лошадей под выюки (перевоз фуража и провианта) в Хорогский и другие военные русские посты. Работавшие при русском военном отряде крестьяне получали деньгами по установленным ценам за тот или иной вид работ (за заготовку топлива, ремонт зданий и т. п.). Некоторые местные жители занимались доставкой почты — их называли почтовыми джигитами. Например, в долине р. Гунт было 10 почтовых джигитов, в Риваке (31 хозяйство) — 3, в Вире (22 хозяйства) — 1, в Горджевине (10 хозяйств) — 6¹⁰².

Местные феодалы и баи при поддержке русской администрации усиливали эксплуатацию крестьян. Древние патриархальные традиции общественной взаимопомощи — *киряр*, как и у других народов Средней Азии и сопредельных стран, использовались в качестве средства маскировки самой жестокой эксплуатации¹⁰³. Бедняки, взявшие в долг зерно, обрабатывали совместно землю кредитора. Бедняцкие хозяйства, имевшие недостаточное количество рабочего скота, объединялись в группы по два-три хозяй-

¹⁰² Архив востоковедов, ф. 115, л. 1—2.

¹⁰³ А. Д. Давыдов. Афганская деревня. М., 1969, стр. 66—67, 79; Т. Г. Абаева. Очерки истории Бадахшана, стр. 45; Р. Я. Рассудова. Занятия населения. Сб. «Этнографические очерки узбекского сельского населения». М., 1969, стр. 69; она же. Формы организации труда в общинах некоторых районов орошаемого земледелия Средней Азии (конец XIX — начало XX в.). «Среднеазиатский этнографический сборник», т. III. «Труды ИЭ АН СССР», т. XXVII. Л., 1971, стр. 274—282; И. Мухиддинов. Земледелие памирских гаджиков..., стр. 6.

ства, поочередно обрабатывая каждый участок¹⁰⁴. Осенью тоже поочередно производили обмолот зерна. Объединялись в группы взаимопомощи — *амбоз* и при жатве, заготовке кормов, выносе удобрений на поля и т. п.

Февральская буржуазно-демократическая революция 1917 г. не изменила положения трудящихся масс на Западном Памире. Начальник Памирского отряда, бывший царский полковник, содействовал приходу к власти в Шугнанском волостном исполнительном комитете местных феодалов, которые отобрали султанские земли, переданные крестьянам русским правительством в 1905 г., стали взимать налоги в размерах, установленных афганцами во второй половине XIX в.

До Великой Октябрьской социалистической революции припамирские народности, как мы видели, жили не в условиях единого централизованного государства, а в полузависимых феодальных владениях, находившихся почти в непрерывных междоусобных войнах и постоянной борьбе этих мелких феодальных владений против политической зависимости от более могущественных и развитых соседей — Бадахшана, Кундуза, Дарваза, позже Афганистана и Бухарского эмирата. Эта политическая зависимость и междоусобицы тормозили развитие производительных сил и сдерживали дальнейшее развитие социального строя, характеризовавшегося феодально-патриархальными отношениями. В условиях политического и социального угнетения «консервировалась» экономическая и культурная отсталость припамирских народностей, обрекавшая их на нищету и вымирание.

Естественно, что в таких условиях тормозилось и национальное развитие народностей Западного Памира. Особенно осложнилось оно после англо-русского разграничения сфер влияния в 1895 г., приведшего к неестественному разделению ряда наиболее крупных народностей — ваханцев, шугнанцев и рушанцев — между двумя государствами (см. стр. 36) — Афганистаном и Бухарским эмиратом. Десятилетний гнет феодальной Бухары, усиливаемый и религиозным преследованием, вызвал волнения доведенных до отчаяния крестьян, и Россия вынуждена была взять на себя управление этими областями. Были уменьшены подати, часть их ликвидирована, прекратились религиозное преследование, междоусобицы. Однако крестьяне продолжали страдать от жестокой феодальной эксплуатации местного духо-

¹⁰⁴ З. Бахрамов. Земельные отношения в Шугане..., стр. 81; Л. Ф. Моногарова. Язгулемцы (Опыт этнографического описания). Автореф. канд. дисс. М., 1951, стр. 6; А. Д. Давыдов. Афганская деревня, стр. 79—80.

венства. Углубление социального расслоения, вызванное проникновением товарно-денежных отношений, увеличивало число отходников в крестьянских семьях. «Массовый уход населения Восточной Бухары и Памира в пределы Туркестана был результатом экономической нужды»¹⁰⁵. В. И. Ленин считал, что «...неземледельческий отход представляет из себя явление прогрессирующее. Он вырывает население из заброшенных, отсталых, забытых историей захолустий и втягивает его в водоворот современной общественной жизни»¹⁰⁶. Это высказывание В. И. Ленина имеет самое непосредственное отношение к отходникам из областей Западного Памира. Интересно, что именно из среды этих отходников выросли на Памире первые местные кадры партийных и советских работников.

Победа Советской власти и образование Горно-Бадахшанской автономной области в составе Таджикской ССР

Известие о Великой Октябрьской социалистической революции в России дошло и до глухих ущелий Западного Памира. Трудящиеся массы крестьянства начали подниматься на борьбу со своими угнетателями. Крестьяне Рушана подняли восстание против рушанского ша и казаков, осадили крепость Калаи-Вомар — резиденцию ша, но потерпели поражение. 30 августа 1918 г. приказом по Рабоче-Крестьянской Красной Армии Памирский отряд¹⁰⁷ был непосредственно подчинен управляющему обороной Военного комиссариата Туркестанской АССР (образованной в мае 1918 г. в составе РСФСР). Однако начальник Памирского отряда, бывший царский полковник, не признал Советскую власть и пытался сохранить дореволюционные порядки. Революционно настроенное население отказывалось подчиняться распоряжениям командования Памирского отряда (платить налоги, выполнять различные повинности, доставлять зерно, топливо и т. п.). Часть белогвардейских офицеров во главе с начальником Памирского отряда в ноябре 1918 г. эмигрировала в Индию, а революционные солдаты отряда совместно с трудящимися крестья-

¹⁰⁵ «История таджикского народа», т. II, М., 1964, стр. 222.

¹⁰⁶ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 3, стр. 576.

¹⁰⁷ «История таджикского народа», т. III, М., 1964, стр. 62—70; З. Бахрамов. Земельные отношения в Шугане..., стр. 84.

янами создали Памирский революционный комитет. Для утверждения Советской власти на Памире Совет Народных Комиссаров Туркестанской АССР направил туда вооруженный отряд и специальную Военно-политическую комиссию. Коммунисты руководили работой ревкома, разъясняли населению сущность и законы Советской власти, права, которые она давала трудящимся. Однако сопротивление исмаилитского духовенства установлению Советской власти на Западном Памире продолжалось. По указанию агентов Ага-хана, находящегося под влиянием английских империалистов¹⁰⁸, ишаны вели антисоветскую пропаганду среди своих мюридов. При поддержке афганских реакционеров басмачи и белогвардейцы, действовавшие в этих районах, свергли Советскую власть в октябре 1919 г. Победы Красной Армии в Фергане и на юге Киргизии вскоре вынудили белогвардейцев бежать в Индию. Крепость в Хороге была занята народной милицией, однако влиятельные ишаны, в том числе шахдаринский Санд-Махмуд и поршневецкий Юсуф-Али-шо, обратились за помощью к дарвазскому беку. В Хорог прибыл представитель бухарского эмира, и народная милиция, значительная часть членов которой находилась под религиозным влиянием исмаилитского духовенства, сдала крепость без боя. Были восстановлены старые порядки Бухарского эмирата.

Поддерживаемая беднейшим крестьянством революционная часть народной милиции и преданные Советской власти бывшие солдаты Памирского военного отряда, возглавляемые коммунистами, подняли восстание и в конце июня 1920 г. захватили Хорогскую крепость, арестовали главарей антисоветского переворота и восстановили Советскую власть.

В декабре 1920 г. правительство Туркестанской АССР направило на Памир отряд Красной Армии. Отряд охранял государственную границу, восстановил пограничные посты. Трудящееся население активно помогало отряду продовольствием, строительными материалами при ремонте мостов и дорог и т. п.

В сентябре 1921 г. на Памир прибыл отряд из 200 человек под командованием Г. М. Дьякова. Была образована Военно-политическая тройка Памира (ВПТ): Шириншо Шотемор (представитель населения Западного Памира, молодой памирец, студент Среднеазиатского университета), П. Хусейнбаев (представитель Восточного Памира) и Т. М. Дьяков (представитель пограничного отряда и Туркестанского ЦИК — председатель тройки).

¹⁰⁸ «История таджикского народа», т. III, стр. 64, 134.

ВПТ организовывала в крае революционные комитеты, подготавливала условия для создания Советов¹⁰⁹.

В деле укрепления Советской власти в отсталых в прошлом национальных районах нашей страны В. И. Ленин придавал важное значение путям, способным «... облегчить переход от патриархальщины, от мелкого производства к социализму»¹¹⁰. Одним из таких путей Ленин считал организацию Советов и обращал внимание партийных и советских работников на то, что «идея советской организации проста и может быть применяема не только к пролетарским, но и к крестьянским феодальным и полуфеодальным отношениям»¹¹¹.

Советское правительство и Коммунистическая партия нашей страны уделяли огромное внимание национально-государственному строительству и развитию экономики народов Средней Азии, в том числе и памирских таджиков. Для проведения в жизнь ленинской национальной политики большое значение имело разработанное Лениным на материалах народов России учение об общественно-экономических укладах. Определяя элементы различных общественно-экономических укладов, существовавших в нашем государстве в переходный период от капитализма к социализму, В. И. Ленин назвал и «...патриархальное, т. е. в значительной степени натуральное, крестьянское хозяйство»¹¹². Элементы данного уклада в хозяйстве припамирских народностей, как мы видели, являлись к моменту установления Советской власти преобладающими и сочетались с патриархально-феодальными отношениями. Именно такие, отставшие в своем экономическом и культурном развитии народы, как припамирские, и имел в виду В. И. Ленин, когда писал о переходе отсталых стран к советскому строю, к коммунизму, минуя стадию капиталистического развития¹¹³.

Учитывая местные особенности (преобладание патриархального уклада, отсутствие местного рабочего класса, большую власть ишанов над мюридами, бездорожье, изоляцию от революционных центров и т. п.), Военно-политическая тройка, подготавливая переход к Советам, стала создавать революционные коми-

¹⁰⁹ М. Шергазиев. Борьба Коммунистической партии за ликвидацию экономической и культурной отсталости Советского Памира (1920 — июнь 1941 г.). Автореф. канд. дисс. Душанбе, 1966, стр. 6; М. А. Аллавердов, А. М. Дьяков, Ф. Митрофанов, И. Крылов. Заря над Памиром. «Пограничник», 1967, № 2, стр. 34.

¹¹⁰ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 43, стр. 229.

¹¹¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 41, стр. 244—245.

¹¹² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 43, стр. 207.

¹¹³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 41, стр. 246.

теты, которые здесь не назначались, а выбирались населением. Эти выборы проходили в условиях острой классовой борьбы. Население разоблачало и проваливало на выборах ставленников баев и ишанов. На Восточном Памире местная родовая знать организовывала басмаческие отряды для расправы с коммунистами и активистами, однако к декабрю 1921 г. и здесь была восстановлена Советская власть. В этом большая заслуга принадлежат созданной тогда же при пограничном отряде в Хороге партийной ячейке, в которой было 53 коммуниста и «которая в конце 1921 и начале 1922 г. приняла в ряды Коммунистической партии около 20 человек из числа местного населения»¹¹⁴. Эти коммунисты возглавили в дальнейшем всю партийную работу.

Английских империалистов беспокоило установление Советской власти на Памире. Они стали действовать через Ага-хана, который через своих агентов подстрекал ишанов и их мюридов на борьбу против Советской власти. Однако революционно настроенные трудящиеся массы крестьянства активно помогали коммунистам в борьбе за Советскую власть.

В 1924 г. в Хороге была создана первая гражданская партийная ячейка. Местные коммунисты-пропагандисты вели большую разъяснительную работу среди трудящихся крестьян, помогая им постепенно освобождаться от влияния исмаилитского духовенства.

Для преодоления вековой отсталости припамирских народностей большое значение имели практические мероприятия Советского государства и Коммунистической партии в развитии экономики края.

На Западном Памире после укрепления Советской власти первоочередной задачей являлось проведение земельно-водной реформы. Весной 1922 г. земельно-водная реформа была проведена в шугнанских и рушанских кишлаках, а у ваханцев (находившихся в то время еще под сильным влиянием своих религиозных наставников — пиров) велась подготовка к ней.

Крестьянам были переданы земли, конфискованные у баев и духовенства. В результате общего передела земель крестьяне получили на одного человека от одного до трех *кавчей* (площадь земли, на которой можно высеять около 23 кг зерна)¹¹⁵. Государство давало беднякам безвозвратные ссуды для приобретения сельскохозяйственного инвентаря и рабочего скота. В результате проведения земельно-водной реформы авторитет Советской

¹¹⁴ М. Шереазиев. Борьба Коммунистической партии..., стр. 7.

¹¹⁵ «История таджикского народа», т. III, стр. 134—135.

власти среди трудящихся неизмеримо вырос и в выборах Советов, проходивших в 1922 г., участвовало подавляющее большинство мужчин и женщин»¹¹⁶.

Народности Западного Памира, еще в начале XX в. добровольно соединившие свои судьбы с русским народом, пошли по пути социалистического переустройства хозяйственной и культурной жизни, определившему также их дальнейшее национальное развитие.

Ликвидацию фактического неравенства народов окраин бывшей царской России Коммунистическая партия и Советское правительство осуществляли последовательно, оказывая политическую, экономическую и культурную помощь отсталым народам, в том числе таджикам и припамирским народностям. Именно эти меры сделали возможным переход от докапиталистических, патриархально-феодальных отношений к социализму.

25 июня 1922 г. в Хороге состоялся 1-й съезд Советов Западного Памира. Делегаты одобрили все мероприятия по проведению земельно-водной реформы, приняли ряд важнейших постановлений, определивших дальнейшее хозяйственное и культурное развитие припамирских народностей. До 1923 г. Памирский р-н входил в Ферганскую область Туркестанской АССР. Учитывая этнографические особенности населения Западного Памира, в 1923 г. Памирский р-н на правах самостоятельной административной единицы — Памирской области — был включен в Туркестанскую АССР.

2-й съезд Советов Западного Памира (1—5 апреля 1924 г.)¹¹⁷ имел большое значение в преобразовании хозяйственной жизни области. На этом съезде были приняты решения о создании трудовых артелей для общественной обработки земли, о восстановлении старой и строительстве новой ирригационных систем, об организации кооперативной торговли, о восстановлении народных судов, которые действовали параллельно с судами казиев.

Коммунисты, опираясь на сельских активистов, проводили большую разъяснительную работу, подготавливая трудящихся к проведению социалистической реконструкции хозяйства, к преодолению различных, в том числе и религиозных, пережитков в быту. Значительная часть населения находилась под влиянием исмаилитского духовенства, платила ежегодный налог Ага-хану (в 1923 г. сумма его составляла более 12 тыс. руб., в 1924 г. —

¹¹⁶ Там же, стр. 135.

¹¹⁷ Там же, стр. 136.

уже 10 тыс. руб. золотом)¹¹⁸, а это значительно подрывало экономику области. Поэтому партийная организация должна была усилить антирелигиозную агитационно-массовую работу среди трудящихся. Ее успешность в значительной мере зависела от того, что большинство партийных и советских руководителей в области были местными уроженцами. Многие из памирских коммунистов, которые вступили в Коммунистическую партию на Памире в первые годы ее организации, «впоследствии стали руководителями советскими и партийными работниками в Таджикистане (например, Шириншо Шотемор был секретарем ЦК Компартии Таджикистана)¹¹⁹.

Политика Коммунистической партии и Советского правительства в области национально-государственного строительства ярко проявилась в практическом осуществлении национально-территориального размежевания республик Средней Азии. Это нашло свое отражение и в преобразовании экономической и культурной жизни населения Западного Памира. Памирская область 2 января 1925 г. была преобразована в Горно-Бадахшанскую автономную область Таджикской АССР (с 1929 г. Таджикистан стал союзной республикой).

Создание своей автономной государственности в составе Таджикской республики, национализация земель, лесов, вод и т. п., отмена частной собственности на землю имели большое значение для дальнейшего развития хозяйства и культуры населения Западного Памира. С первых же лет социалистического переустройства хозяйства и культуры началось преодоление замкнутости между отдельными припамирскими народностями и обособленности их от таджиков Дарваза, Каратегина и других районов. Единое плановое хозяйство Таджикской республики в целом определило и пути сближения припамирских народностей не только между собой, но и с таджиками других районов Таджикистана, что нашло свое выражение в усиливающихся экономических и культурных связях.

¹¹⁸ «История таджикского народа», т. III, стр. 136.

¹¹⁹ А. М. Аллахвердов, А. М. Дьяков, Ф. Митрофанов, И. Крылов. Заря над Памиром, стр. 37.

2

Социалистические преобразования хозяйства и материальной культуры припамирских народностей

В хозяйстве и материальной культуре припамирских народностей имеется много общих черт с соседними горными таджиками, особенно дарвазцами. Это объясняется в известной мере родством происхождения, социально-экономическим уровнем развития и общностью географической среды. Последнее обстоятельство определяет сходство навыков ведения сельского хозяйства, земледельческих и ремесленных орудий труда, типов жилых и хозяйственных помещений, а также некоторых особенностей планировки и интерьера жилищ, элементов национальной одежды, связанных с учетом климатических и других природных условий.

Хозяйство и материальная культура припамирских народностей в дореволюционном прошлом изучены недостаточно полно¹, но имеются сведения, характеризующие их, поэтому мы более подробно остановимся на социалистических преобразованиях в быту и культуре народностей Западного Памира и современного соотношения традиционных и новых форм.

¹ См.: А. А. Бобринский. Горцы верховьев Пянджа. М., 1908, главы IX—XI; М. С. Андреев, А. А. Половцев. Материалы по этнографии иранских племен Средней Азии. «Сб. МАЭ», т. IX, СПб., 1911, стр. 19—31, 36—38; A. V. Schultz. Zur Kenntnis der arischen Bevölkerung des Pamir. «Sonderabdruck aus der Zeitschrift orientalisches Archiv», Bd. 11. Leipzig, 1914, S. 26—28; М. С. Андреев. Таджики долины Хуф, ч. II. Сталинабад, 1958; А. К. Писарчик. Примечания и дополнения к кн.: М. С. Андреев. Таджики долины Хуф, ч. II (далее — А. К. Писарчик. Примечания...); она же. Припамирские таджики. стр. 664—676. Меньше материалов по бартангам и язгулемцам, живущим в труднодоступных высокогорных долинах; И. И. Зарубин. Материалы и заметки по этнографии горных таджиков. Долина Бартанга. «Сб. МАЭ», т. V, вып. I. Пг., 1917, стр. 108—117, 120—128, 134—139; В. Л. Воронина. Жилище Ванча и Язгулема. Сб. «Архитектура республик Средней Азии». М., 1951; Л. Ф. Моногарова. Материалы по этнографии язгулемцев. «Среднеазиатский этнографический сборник», т. II. «Труды ИЭ АН СССР», т. XLVII. М., 1959, стр. 13—51.

Земледелие

Основное занятие населения Западного Памира, как и таджиков (особенно горцев Дарваза), — земледелие высокогорного типа при искусственном орошении в сочетании с животноводством².

ГБАО характеризуется крайним малоземельем. По данным земельного баланса 1950 г., так называемые бросовые земли (ледники, скалы, крутые склоны, нагромождения камней) составляют здесь 95,09% всей земли³. Остальные 4,91% распределяются следующим образом: пастбища — 4,5%, сенокосы — 0,06, леса и заросли кустарников — 0,17, а продуктивные сельскохозяйственные земли (пашни, сады, посевы кормовых трав) — всего лишь 0,18%, причем богарных земель на Западном Памире очень мало.

Ирригационная система припамирских горцев своеобразна: от магистрального оросительного канала спуск воды (по вертикали на 1,5—2 км) осуществляется серией водопадов или сбросов — *шѳб* (здесь и далее терминология шугнанская) высотой иногда до 50 м. Из них вода по каналам (арыкам) отводится на вспаханные поля и оросительные борозды *кйх* (поливная — *волч* и выводные *кйх-бѳд*). Подачу воды и ее направление регулируют, закрывая арыки камнем и комьями земли. По характеру ирригационной техники, технике земледелия в целом и по видам сельскохозяйственных культур исследователи считают, что эта территория является одним из древнейших очагов земледельческой культуры⁴.

То, что ирригация существует в этих местах с глубокой древности, подтверждает опыт народных мастеров-ирригаторов, которые без нивелиров и других современных инструментов, учитывая особенность рельефа, могли на глаз и при помощи струи воды, пускаемой из источника (родника или горного ручья), наметить трассу будущего канала.

² Мухиддинов. Сельскохозяйственные орудия таджиков Ишкашимского района ГБАО Таджикской ССР. СЭ, 1971, № 1; см. же. Жатва и связанные с нею обряды в Вахане и Ишкашме (XIX — начало XX в.). СЭ, 1971, № 5; см. же. Земледелие памирских таджиков Вахана и Ишкашма в XIX — начале XX в. (Историко-этнографический очерк). Автореф. канд. дис. М., 1971.

³ П. А. Баранов, А. В. Гурский, Л. Ф. Остапович. Земледелие и сельскохозяйственные культуры Горно-Бадахшанской автономной области Таджикской ССР. Душанбе, 1964, стр. 41.

⁴ Н. И. Вавилов, Д. Д. Букиннич. Земледельческий Афганистан. Л., 1929, стр. 221, 233; Н. И. Вавилов. У Памира (Дарваз, Рушан, Шугнан). В кн.: П. А. Баранов, А. В. Гурский, Л. Ф. Остапович. Земледелие и сельскохозяйственные культуры..., стр. 11—14, 20, 67—69; И. Мухиддинов. Земледелие памирских таджиков Вахана и Ишкашма..., стр. 7—11; см. же. Из прошлого ирригации на Памире. «Гидротехника и мелиорация», 1972, № 2, стр. 107—108.

Народности Западного Памира, как и жители других высокогорных районов центральной Гиндукушской системы, применяли так называемый ручьевого типа орошения⁵, по определению Б. В. Андрианова — «высокогорный ручейковый»⁶. Из больших рек — Пянджа, Язгулема и др. — воду никогда не брали, так как не умели выводить, т. е. «поднимать» ее на более высокий по сравнению с руслом реки уровень террас и конусов выноса, где расположены поля. Как отмечалось выше, воду ручьев при помощи каналов разводили системой более мелких каналов на поля. И. Мухиддинов⁷ выделил два основных типа искусственного орошения — валиковый и струйчато-бороздковый, или джуйичный, каждый из которых подразделяется на подтипы. Первый из них — валиковый — применяется в основном на лесовых, аллювиальных почвах и на ровных полях, а второй — струйчато-бороздковый — на каменистых, песчаных, лессовых и аллювиальных почвах, на полях, расположенных на склонах гор. «Самым характерным для традиционной системы орошения на Западном Памире, в частности у ваханцев и ишкашимцев, является сочетание крайне примитивных гидротехнических сооружений с очень высокоразвитой культурой полива полей»⁸.

Способ орошения по бороздам Н. И. Вавилов и Д. Д. Букиннич считают технически более усовершенствованным по сравнению с поливом «затоплением» полей. Он «имеет место и у каратегинских таджиков, составляющих одну этническую группу с афганскими горными таджиками»⁹.

При строительстве особо важных каналов «применялось визирирование при помощи самодельного уровня, горизонтальная линия устанавливалась при помощи воды, налитой в широкий сосуд из прозрачного стекла... Через ущелья поливная вода перебрасывалась (и в настоящее время перебрасывается) по деревянным лоткам (или желобам), выдолбленным из стволов тополя, ивы или туга; концы этих желобов поддерживались каменными или деревянными опорами. Каналы, трасса которых проходила вдоль вертикальных скалистых склонов, вели на каменных подпорных стенах, сложенных с большим искусством без применения глины и других связывающих растворов. По верху каменных стен насы-

⁵ Н. И. Вавилов, Д. Д. Букиннич. Земледельческий Афганистан, стр. 139.

⁶ Б. В. Андрианов. Изучение горной ирригации на юге Таджикистана и Западном Памире. «Итоги полевых работ Ин-та этнографии АН СССР в 1970 г.». М., 1971, стр. 66.

⁷ И. Мухиддинов. Земледелие памирских таджиков..., стр. 8; см. же. Из прошлого ирригации на Памире, стр. 101—108.

⁸ И. Мухиддинов. Земледелие памирских таджиков, стр. 9—10.

⁹ Н. И. Вавилов, Д. Д. Букиннич. Земледельческий Афганистан, стр. 166.

палась мелкая земля, конский навоз и дерн, для того чтобы вода канала не протекала вниз. В некоторых наиболее опасных местах на дно канала укладывались кошмы...»¹⁰ В настоящее время на строительстве каналов работают экскаваторы, а там, где использовать машины невозможно, применяют бурение шпуров и взрывчатые вещества. Новая техника дает возможность проводить многоярусные каналы. Для защиты от камнепадов, лавин и т. п. в опасных местах русло канала защищают бетонированными кровлями.

До установления Советской власти система водопользования¹¹ зависела от наличия воды вблизи кишлака, так как вода для орошения, как мы уже говорили, отводилась от горных ручьев и мелких речек. Там, где воды было много (например, в кишлаке Вомар, теперь на картах Рушан Рушанского р-на), не было никакой очереди на воду, но в других местах (например, в находящемся в 7 км от него кишлаке Барзуд) воды не хватало и *мироб* (*мирджуст*) регулировал распределение воды по очереди (через 10 дней), обычно 11—12 раз за сезон (в зависимости от почвы, на песчаную — чаще). Подача воды зависела от размера участка земли¹². Каждые 10 хозяйств получали воду в течение одних суток.

С первых дней Советской власти было уделено большое внимание развитию сельского хозяйства. Опираясь на разностороннюю помощь более развитых народов нашей страны, трудящиеся Горного Бадахшана добились колоссальных успехов в восстановлении хозяйства края и его социалистической реконструкции. Например, развитие земледелия в крае целиком зависит от ирригации. Большие успехи в дальнейшем развитии сельского хозяйства, особенно зернового, достигнуты благодаря большой помощи Советского государства в ирригационном строительстве. На эти цели только с 1925 по 1929 г. было отпущено 153 тыс. руб.¹³ Даже в тяжелые военные годы ирригационному строительству уделялось значительное внимание. В труднейших природных условиях проведен оросительный канал Барзуд (от верховьев р. Вомар-дара, протекающей в нижнем течении через населенный пункт

Вомар). Строительство его было начато в 1939 г. и окончено в 1941 г. Протяженность канала 12 км (из них 6,5 км проложены почти в отвесной скале), он имеет пять перепадов высотой от 27 до 42 м. Это была подлинно народная стройка, в которой участвовало более 500 колхозников. Проведение канала помогло оросить дополнительно 150 га земли.

Большая забота Коммунистической партии и правительства СССР о дальнейшем улучшении благосостояния народностей Западного Памира, поднятии уровня развития их экономики и культуры нашла свое отражение в освобождении с 1925 по 1929 г. населения ГБАО от сельскохозяйственного налога¹⁴.

Начало коллективизации связано с решением 2-го съезда Советов Западного Памира о создании трудовых артелей для коллективной обработки земли. Трудящиеся понимали полезность таких производственных артелей и горячо поддержали это начинание Советской власти. Производственные кооперативы простейшего типа (ТОЗы), создаваемые в области в 30-х годах, легко привились в быту припамирских крестьян, потому что формы коллективной работы, характерные для общинных отношений, дожили до нашего времени в обычаях родовой и коллективной взаимопомощи. Кроме того, беднейшие крестьяне объединялись в своеобразные товарищества — группы, состоящие из нескольких семейств, часто родственных, при жатве, выносе удобрений на поля и т. п. Нередко хозяйства, не имеющие тягловой силы или орудий труда, объединялись и пользовались ими по очереди; или два-три бедняцких хозяйства, у которых было по одному быку, а для пахоты требуются два, объединив рабочий скот и пахотные орудия, сначала сообща вспахивали поле одной семьи, потом следующей и т. д., затрачивая на пахоту несколько дней¹⁵. Н. И. Вавилов, приехавший в тот период на Памир, подчеркнул, что «большие селения живут коммунами. Применяется общинная работа по обмолоту и очистке зерна»¹⁶. Навыки коллективного, общинного труда сделали более понятными для крестьян первичные формы коллективизации сельского хозяй-

¹⁰ П. А. Баранов, А. В. Гурский, Л. Ф. Остапович. Земледелие и сельскохозяйственные культуры..., стр. 67, 68.

¹¹ И. Мухиддинов. Земледелие памирских таджиков..., стр. 5—6.

¹² Полевые записи автора 29.IX 1967 г., кишлак Барзуд Рушанского сельсовета Рушанского р-на.

¹³ М. Шергазиев. Борьба Коммунистической партии за ликвидацию экономической и культурной отсталости Советского Памира (1920 — июнь 1941 г.). Автореф. канд. дисс. Душанбе, 1966, стр. 8.

¹⁴ М. Назаршоев. Ленинским курсом. Сб. «Крыша мира». Душанбе, 1965, стр. VIII; С. Тошхуджаев. Работа партийной организации ГБАО по восстановлению и развитию народного хозяйства (1920—1929). «Сб. работ аспирантов Таджикского гос. ун-та, вып. 2. Душанбе, 1965.

¹⁵ Полевые записи Л. А. Булановой и Л. Ф. Моногаровой 29.X 1967 г., кишлак Барзуд Рушанского сельсовета Рушанского р-на; Л. Ф. Моногарова. Язгулемцы (Опыт этнографического описания). Автореф. канд. дисс. М., 1951, стр. 6; И. Мухиддинов. Земледелие памирских таджиков..., стр. 38—41.

¹⁶ Н. И. Вавилов. У Памира, стр. 24.

ства. ТОЗы преобладали в области до 1937 г. Коллективизация в ее высшей форме — сельскохозяйственные артели (колхозы) — началась на Западном Памире в 1933 г. Первые 20 колхозов объединили 3,5% крестьянских хозяйств и 7,1% всей посевной площади¹⁷.

Основываясь на ленинском принципе учета специфических условий экономики, культуры, быта и географической среды при осуществлении социалистических преобразований в сельском хозяйстве, местные партийные и советские организации, учитывая специфические условия Памира, не форсировали сроки проведения коллективизации сельского хозяйства. По сравнению с более развитыми районами республики на это потребовалось более продолжительное время.

Мы особо подчеркнули земельный «голод» Памира и большой процент так называемых бросовых земель, а в историческом очерке дали характеристику полунатурального хозяйства, преобладающих патриархально-феодальных общественных отношений, авторитета исмаилитского духовенства в среде припамирских народностей. Перечисленные обстоятельства обусловили то, что колхозы приходилось организовывать на землях крестьянского пользования в отличие, например, от долинной части Таджикистана, где колхозы получали земли из государственного фонда¹⁸. «Согласно постановлению ЦК КП(б) Таджикистана от 14 января 1933 г. «О Памире» основная задача парторганизации области в деле колхозного строительства состояла не в дальнейшей коллективизации сельского хозяйства, а в укреплении уже существующих 20 колхозов»¹⁹.

В этих колхозах благодаря организационно-хозяйственным мероприятиям, расширению посевных площадей за счет расчистки от камней и ирригационного строительства, повышению урожайности «только за 3 года, с 1933 по 1935 г., во многих колхозах доходы колхозников возросли более чем в 2,5 раза»²⁰.

Наглядные преимущества социалистического коллективного ведения сельского хозяйства и рост материального благосостояния колхозников обусловили начало массовой коллективизации на Западном Памире с 1937 г., когда насчитывалось 57,4% хозяйств, охваченных коллективизацией; к весне 1938 г. 70% хо-

¹⁷ М. Шергазиев. Борьба Коммунистической партии... стр. 14; А. Набиев. Из истории осуществления Ленинского кооперативного плана на Памире. «Уч. зап. Таджикского сельскохозяйственного ин-та», т. IV, серия общ. наук, вып. I, Душанбе, 1960.

¹⁸ М. Шергазиев. Борьба Коммунистической партии... стр. 12.

¹⁹ Там же, стр. 14.

²⁰ Там же.

зяйств было объединено в 86 колхозов. С 1939 по 1940 г. ТОЗы стали постепенно переводить на устав сельскохозяйственной артели. В 1940 г. колхозы уже объединяли 95,8% крестьянских хозяйств (на Восточном Памире этот процесс завершился несколько позднее)²¹.

Коллективизация сельского хозяйства обеспечила победу социалистических производственных отношений, что способствовало коренной реконструкции традиционной культуры и быта, приобщению к социалистической культуре более развитых народов Советского Союза, прежде всего русского и таджикского.

Все эти преобразования в экономической жизни и культуре были невозможны без развития транспортных связей, чему Советское правительство и Коммунистическая партия уделили огромное внимание. В прошлом на Западном Памире колесного транспорта не было, использовали только вьючный транспорт. Небольшие грузы переносили на спине, а более тяжелые перевозили вьюками на ослах и верблюдах (особенно в Рушане, на Бартанге). Лошадь служила исключительно для верховой езды. В некоторых долинах — Язгулем, Бартанг и др. — средством сообщения между кишлаками, расположенными в верхнем и нижнем течении рек, служили бурдюки — *зиноц* и плоты — *санач* из надутых шкур, снятых целиком с козла или барана. Подробное описание этого плота приводится в архиве А. Е. Снесарева²². В советские годы такие плоты употреблялись в долине Бартанга. Но в настоящее время с усовершенствованием троп и проведением автомобильной дороги до селения Сипондж плотами почти не пользуются. Через реки, в месте наименьшего расстояния между берегами, строят мосты. За годы социалистического строительства построено много новых мостов через Ванч, Язгулем, Бартанг и др. Только на р. Бартанг из-за особенностей ее течения переправа машин с грузом осуществляется паромом. Сооружение в 1934 г. автомобильного тракта Ош — Хорог, а в 1940 г. — высокогорной автомобильной дороги Душанбе — Хорог (рис. 3) явилось новым свидетельством всенародной помощи припамирцам и положило начало изживанию их географической обособленности. Даже в годы Отечественной войны были найдены средства для проведения областных и районных дорог Хорог — Ишкашим — Лянгар, Ишкашим — Мургаб, а также в

²¹ П. А. Баранов, А. В. Гурский, Л. Ф. Остапович. Земледелие и сельскохозяйственные культуры..., стр. 74; Ф. Амануллаев. Развитие сельского хозяйства колхозов Советского Памира. Сталинабад, 1957, стр. 22.

²² Архив востоковедов, ф. 115, л. 97—98.

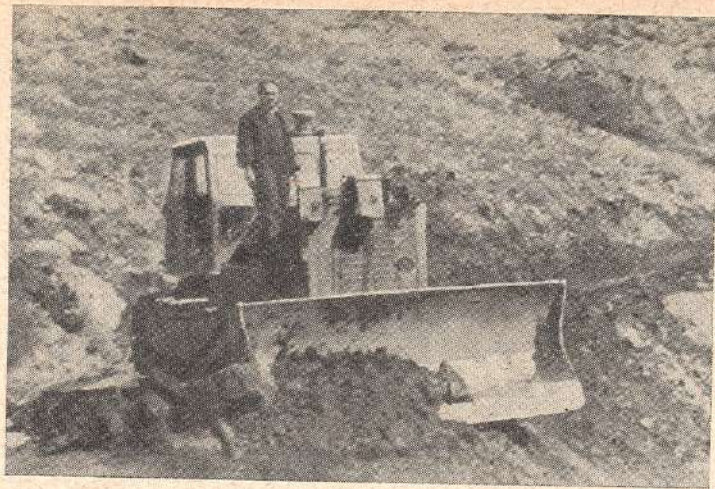

Рис. 3. Ремонт дороги (фото М. Мечева)

таких труднопроходимых ущельях, как Язгулем и Бартанг. От главной автомагистрали Душанбе — Хорог были построены дороги почти до центра сельсовета Язгулем и Сипондж (в долине Бартанга), от Хорога — до высокогорного пастбища Джаушангоз. Налаживалась и воздушная связь области с центром республики и через него — с другими культурными центрами страны. С 1932 г. центральная авиалиния стала действовать постоянно. В настоящее время проложены и местные авиалинии, связывающие между собой районы Хорог — Мургаб, Хорог — Ванч — Калаи-Хумб.

Не менее ощущалась братская помощь народов Советского Союза и при развитии почтовой, телеграфной, телефонной, радиосвязи ГБАО. В 1925 г. были открыты отделения связи в Хороге и Мургабе. Х. Кабиров отмечает, что «перевозка вьюком, а местами и на руках только одного телеграфного столба из Душанбе в Калаи-Хумб обходилась более чем в тысячу рублей»²³. Протяженность почтовых маршрутов в ГБАО — 1677 км²⁴ (в том числе 554 км межрайонных и 1123 км — внутрирайонных). «Для

²³ Х. Кабиров. Развитие связи на Советском Памире. Душанбе, 1965, стр. 7.

²⁴ Там же, стр. 21

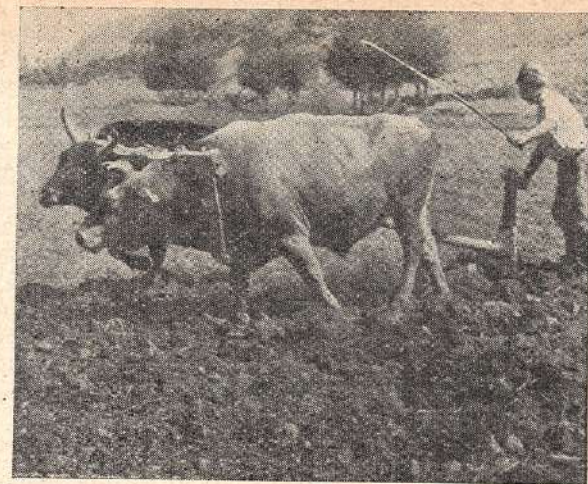

Рис. 4. Вспашка поля традиционным пахотным орудием, Шугванский р-н (фото М. Мечева)

организации постоянной радио-, телефонной и телеграфной связи с Бадахшаном по государственному бюджету было отпущено 70 тыс. руб.»²⁵

В 1927/28 бюджетном году Народный комиссариат почты и телеграфа СССР ассигновал средства на строительство в г. Хороге двухкиловаттной дуговой радиотелеграфной станции. К 1965 г. в ГБАО было радиофицировано 83% колхозных дворов²⁶. Телефонная связь из Хорога возможна не только с Москвой, но и со столицами других государств — с Прагой, Варшавой, Будапештом, Софией, Берлином²⁷.

Налаживание всесторонней связи, автомобильного и воздушного сообщения и особенно проведение новых дорог дали возможность обеспечить колхозы области недостаточным количеством сельскохозяйственной техники: тракторами, комбайнами, триерами, грузовыми автомашинами. Однако особенности горного рельефа не позволяют осуществлять механизацию всех видов сельскохозяйственных работ по всем районам области.

²⁵ Там же, стр. 48.

²⁶ Там же, стр. 31, 53.

²⁷ Там же, стр. 46.

В большинстве колхозов размеры полей и каменистая структура почвы вынуждают применять традиционные способы обработки. По сей день колхозники затрачивают много сил и энергии на обработку полей, расположенных на крутых склонах. Старинное орудие для пахоты — *сыпорн* на Памире такого же типа, как и у горных таджиков Дарваза²⁸, Афганского Бадахшана и сопредельных с ним районов Пакистана²⁹ (рис. 4). Изготавливается пахотное орудие из твердых пород орехового дерева — *фуз* и состоит из рабочей части, на конец которой надевается или литой (чугунный), или железный (кованый) наконечник, более приспособленный к каменистой твердой почве. Почти в середине рабочей части пахотного орудия имеется отверстие, куда вставляется деревянное дышло — *филвод*, а на конце ее, противоположном наконечнику, — рукоятка *мутак* для управления пахотным орудием. Дышло при помощи палочек — *тачарак* крепится к ярму — *йуф*. Шеи двух рабочих быков просовываются в петлю, образуемую двумя палочками — *сим-борг*, продеваемыми в отверстия по краям ярма и связывающимися под шеями быков веревкой.

Недостаток на Западном Памире железа в прошлом обусловил длительное бытование орудий из дерева, кости, рога, камня.

В настоящее время таджикский кетмень вытеснил древнюю припамирскую кельтообразную мотыгу — *чок* с изогнутой ручкой; старинные деревянные вилы — *выскунд* повсеместно заменены железными.

В современном хозяйстве припамирских народностей сохраняются лишь те орудия труда и приемы сельскохозяйственных работ, которые приспособлены к специфике местных природных условий³⁰, и применяют их там, где невозможно из-за условий рельефа местности использовать более совершенные орудия труда или машинную технику (рис. 5). До настоящего времени при чистке и рытье арыков, оросительных каналов, оросительных

²⁸ И. Муриддинов. Сельскохозяйственные орудия таджиков...; см. также: А. А. Семенов. Этнографический очерк Заравшанских гор, Каратегина и Дарваза. М., 1903, стр. 51—54; М. С. Андреев, А. А. Половцев. Материалы по этнографии иранских племен Средней Азии, стр. 21—27; Н. А. Кисляков. Старинные приемы земледельческой техники и обряды, связанные с земледелием у таджиков бассейна р. Хингоу. СЭ, 1947, № 1, стр. 108—127; М. Р. Рахимов. Земледелие таджиков бассейна р. Хингоу в дореволюционный период. «Труды АН Тадж. ССР», т. XLIII, 1957, стр. 221; он же. Сельское хозяйство. Сб. «Таджики Каратегина и Дарваза». Душанбе, 1966, стр. 116—144.

²⁹ Н. И. Вавилов, Д. Д. Букиннич. Земледельческий Афганистан, стр. 108—198 и др.

³⁰ И. Муриддинов. Сельскохозяйственные орудия таджиков..., стр. 93—95; он же. Земледелие памирских таджиков..., стр. 11—16.

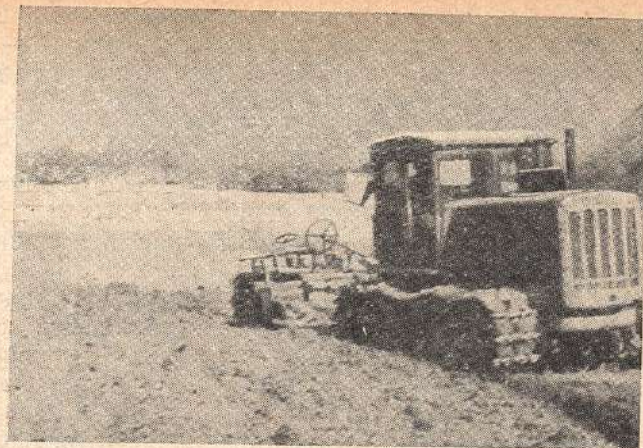

Рис. 5. Вспашка поля трактором, Ишкашимский р-н (фото М. Мечева)

борозд на полях и различных земляных работах применяется способ рытья при помощи лопаты с веревкой — *анчан*. Работают два человека: один — лопатой, второй, перекинув веревочную петлю в месте соединения ручки лопаты с ее рабочей частью, помогает вытаскивать лопату с грунтом. Все еще бытует в горных условиях перенос груза на спине при помощи деревянного приспособления и веревки, которая пропускается через это приспособление и стягивает груз, досок для переноса груза — *чоxt*, плетенных из веток корзин — *цимуд*.

Социалистические преобразования в сельском хозяйстве способствовали изменению некоторых местных приемов земледелия. У припамирских народностей в отличие от горных таджиков Дарваза применялся только яровой посев (иногда в Рушане кое-где сеяли озимые, а затем производили второй посев).

Ныне колхозы области (кроме Ишкашимского р-на) применяют озимый сев. Пшеницу на Западном Памире впервые начали сеять под озимые с 1930 г., а в 1958 г. «средняя урожайность озимой пшеницы в колхозах Ванчского р-на была 2,3 ц, Рушанского — на 3 ц выше урожаев яровой пшеницы»³¹. При озимом посеве зерновые созревают на 2—3 недели раньше, чем

³¹ Ф. Амануллаев. Развитие сельского хозяйства колхозов Советского Памира, стр. 30.

при яровом, что позволяет на этих же полях производить посев проса, маша и даже кукурузы. Первый полив — *хоков* производят теперь осенью, через 5—6 дней после озимого посева пшеницы, остальные поливы — летом.

Сохраняется имеющий важное значение обычай *сит-дёд* — посыпание земель снежного покрова на несолнечной стороне³², а когда много снега, то для скорейшего его таяния — и на солнечной. На полях, расположенных на летовках, этого обычно не делают, так как, пока приходит очередь вспашки этих полей, снег уже растает. Эти поля удобряют овечьим и козьим навозом, а поля в кишлаках — главным образом навозом крупнорогатого скота, иногда добавляя навоз овец и коз. Для поддержания плодородия полей припамирцы в прошлом применяли залежную или паровую систему, оставляя поле на несколько лет необработанным. Такие поля, зарастая травами, восстанавливали свое плодородие. Для этой же цели издавна использовались комбинированные посевы³³. В настоящее время способ оставления под паром не применяется, плодородие почвы восстанавливается чередованием посевов зерновых и бобовых, а также их комбинированным посевом, применением минеральных удобрений. Пахота начинается в марте (Язгулем) и в апреле-мае (Вахан и Шугнан); урожай убирают в июле-августе, даже в сентябре и октябре (Шахдара), озимую пшеницу — в июле, высеванные на этих же полях после уборки озимой маш или проса — в конце сентября.

За годы социалистических преобразований в сельском хозяйстве состав сельскохозяйственных культур пополнился многими новыми видами. В дополнение к пшенице, ячменю, ржи, просу, бобовым (чин, маш, горох), брюкве, льну и горчице стали возделывать картофель (с 1934—1936 гг.), который дает богатые урожаи (до 80—100 ц с гектара), овощи (капуста, лук, морковь, свекла, огурцы и помидоры), бахчевые (дыни и арбузы) были и прежде, но очень немного). Часто в садах между деревьями практиковали посевы зерновых и бобовых. Из плодовых деревьев в долинах Ванча и Язгулема росли абрикос, тутовник, груша, яблоня, вишня, грецкий орех, в Рушане и в Шугнани те

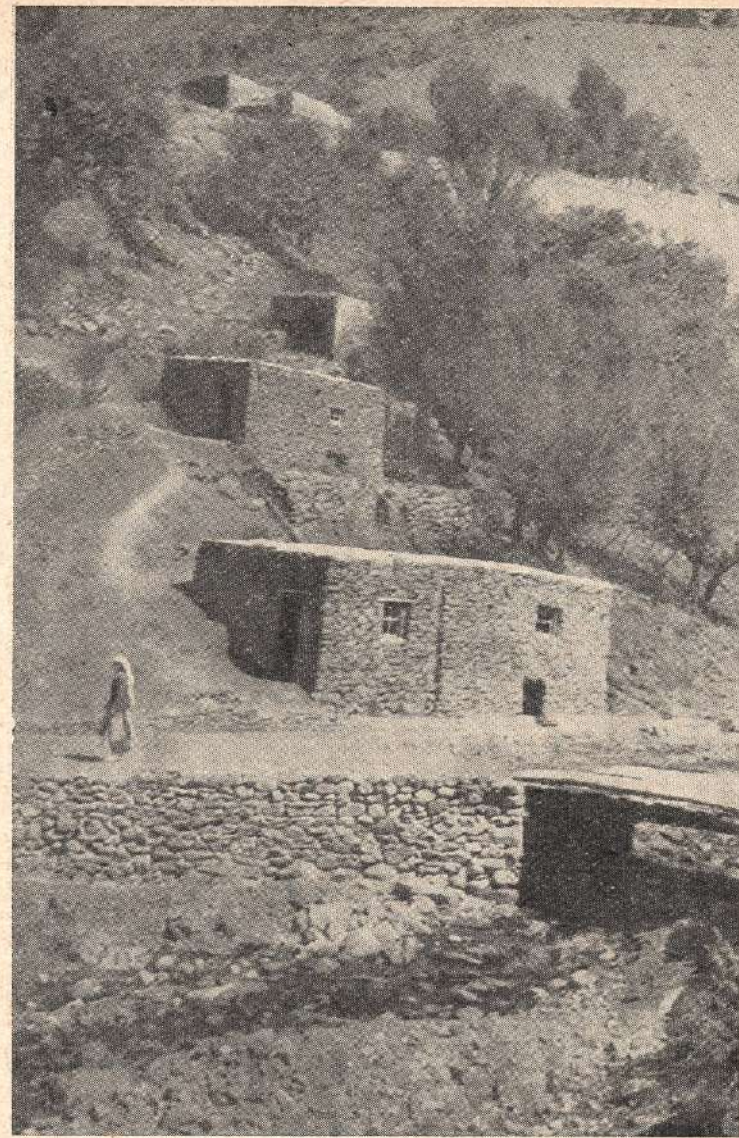

Рис. 6. Водяные мельницы, Шугнанский р-н (фото автора)

³² Полевые записи Л. А. Булановой, сентябрь-октябрь 1967 г. (Барзуд, Рушан, Рашткала); Н. А. Кисляков. Язгулемцы. «Изв. Всесоюзного географического общества», 1948, т. 80, № 4, стр. 366; Л. Ф. Моногорова. Материалы по этнографии язгулемцев, стр. 13; М. Р. Рахимов. Земледелие таджиков бассейна р. Хингоу..., стр. 54—55; М. С. Андреев. Таджики долины Хуф, ч. II. Сталинабад, 1957, стр. 56; А. К. Писарчик. Примечания..., стр. 291.

³³ И. Мухиддинов. Земледелие памирских таджиков..., стр. 18—19.

же деревья, кроме вишни, грецкого ореха и меньше было тутовника. В Вахане — главным образом абрикос, немного яблонь. Плоды тутовника являлись основной пищей населения некоторых долин, например Язгулема, в особенности летом, когда наступало голодное время до сбора урожая. Плоды употребляли в сушеном виде, их растирали в каменных ступках — *джуназа* (углубление в каменной плите, а пестиком служил более тонкий овальной формы камень) или на каменных зернотерках, состоящих из каменной гладкой плиты и большого круглого камня, либо перемалывали в тутовую муку на примитивных водяных мельницах (*хидорч*) (рис. 6). Из плодовых, кроме того, росли дикие яблони, вишни, а в Рушане и виноград. В Рушане, где наиболее теплый климат, раньше сеяли хлопок в небольшом количестве для изготовления домотканых материалов, теперь в связи с хорошим снабжением тканями хлопок не возделывают. Из кормовых увеличались посевы люцерны и кукурузы. С 1965 г. стали выращивать табак в колхозах Рушана и Шугнана. Памирский Ботанический сад проводит огромную работу по акклиматизации различных видов культур и внедрению их в хозяйство колхозов. Коллективное ведение хозяйства позволило внести изменения и в некоторые приемы земледелия.

До коллективизации после сбора урожая поля оставались неспаханными, в январе-феврале их удобряли навозом и посыпали землей, а после таяния снега — в конце марта или в апреле и мае (Вахан, некоторые местности Шугнана, например Шахдара) — на неспаханном поле производили сев, вручную разбрасывая семена, затем пахали. Теперь же в колхозном производстве введена обязательная предпосевная пахота. Пашут поле до сева два раза, проводя при повторной пропашке оросительные канавки, почти не боронят.

Сельскохозяйственная техника (тракторы марок ДТ-14, ДТ-20 и даже гусеничные) применяется для пахоты там, где позволяют размеры и рельеф полей. Иногда тракторы используют и для обмолота зерна на току — *ширум* (вместо обмолота путем вытаптывания ногами быков). К трактору (как и к быкам) привязывают волокуши (*чапар*)³⁴ — связанные жгутами из коры ветки дерева, верхушками в разные стороны. Раньше в Припамирье чапара не знали. Обмолот при помощи рабочего скота все еще занимает в колхозах значительное место.

Жатва производится везде теперь не только мужчинами, но и женщинами вручную, серпами, а провенание и очистка зерна — триером, комбайном, но в некоторых местах веют вначале деревянными вилами, а второй раз — подбрасывая солому и зерно деревянной лопатой с учетом направления ветра. Зерно просеивают через решето — сначала с крупными отверстиями, затем с мелкими. Веяние производят мужчины, очистку зерна через решета — женщины³⁵.

Зерно в кишлаках перемалывают в муку на водяных мельницах (*хидорч*), сложенных из камня, скрепленного глиной. Плоская дощатая кровля опирается на опорные столбы. В деревянный конус — *дур* засыпают зерно, которое перемалывается двумя большими каменными жерновами, из них верхний приводится в движение водой, проходящей через лопасти водяного колеса, а нижний неподвижный.

Зерно хранят в амбарах (*зудун*), расположенных неподалеку от дома. При постройке в основание кладут четыре камня по углам, на них — пол из бревен, между бревнами закладывают колючки, предохраняющие от вредителей-грызунов. Стены возводят из камня, потом обмазывают глиной. Внутри амбар разделен стенками на четыре отделения, в каждое засыпают определенный вид зерна³⁶.

В ходе социалистического строительства развилась новая отрасль — выкормка гусениц тутового шелкопряда. С 1933—1934 по 1950 г.³⁷ этим занимались главным образом в личных хозяйствах колхозников, а после 1950 г. практикуется общественная выкормка. Особого развития шелководство достигло в Калаи-Хумбском, Ванчском (долины Ванча и Язгулема), Рушанском и отчасти Шугнанском районах, где этому благоприятствует климат.

«Природные условия в значительной мере определяют высотные границы возделывания разных сельскохозяйственных культур. Однако вертикальная граница сельскохозяйственных культур зависит также и от экономических условий, от количества труда, затраченного на селекцию и агротехнику сельскохозяйственных культур для их внедрения в высокогорные зоны»³⁸.

³⁴ М. С. Андреев. Таджики долины Хуф, ч. II, стр. 89—90; Л. Ф. Моногарова. Материалы по этнографии язгулемцев, стр. 19—20.

³⁵ Полевые записки Ф. Д. Люшкевич 30.IX 1966 г., кишлак Сиповдж Сипонджского сельсовета Рушанского р-на.

³⁶ Р. Турсунов. Растет хозяйство и культура памирских колхозов. «Сельское хозяйство Таджикистана», 1954, № 10, стр. 18.

³⁷ П. А. Баранов, А. В. Гурский, Л. Ф. Останович. Земледелие и сельскохозяйственные культуры..., стр. 45.

³⁴ Полевые записки Л. А. Булановой 28—30.IX 1967 г., кишлак Рушан Рушанского сельсовета Рушанского р-на.

За последние годы граница большинства сельскохозяйственных культур, возделываемых в ГБАО, значительно поднялась вверх³⁹. Главной зерновой культурой Западного Памира является пшеница, повышение урожайности которой, как выше уже говорилось, достигается озимыми посевами; второе место занимают бобовые, третье — ячмень⁴⁰. Только с 1954 г. стали выращивать кукурузу. Большие урожаи овощных культур (лука, моркови, капусты, свеклы, огурцов и помидоров, правда, в меньшем количестве, чем вышеперечисленных культур) колхозы получают благодаря внедрению агротехники.

В ГБАО созданы научно-исследовательские учреждения, оказывающие практическую помощь колхозам, например в 1940 г., как отмечалось, в Хоробе на высоте 2400 м над уровнем моря был основан Ботанический сад Академии наук Таджикской ССР. С 1936 г. на Восточном Памире на высоте 3860 м над уровнем моря организована биологическая станция, как опорный пункт Института земледелия Академии наук Таджикской ССР, занимающийся выведением высокоурожайных и морозостойких сортов сельскохозяйственных культур⁴¹. На базе Ботанического сада учрежден в 1969 г. Биологический институт АН Таджикской ССР.

Большие успехи в сельском хозяйстве, достигнутые благодаря повседневной помощи колхозам со стороны государства, благоприятно отразились на повышении благосостояния колхозников. Изменился и характер их приусадебного хозяйства. Если в первые годы коллективизации на приусадебной земле сеяли в основном зерновые культуры, то в настоящее время преобладают овощи, во многих усадьбах есть и фруктовые деревья. В личной собственности колхозников имеется крупный рогатый скот хорасанской породы⁴² (в том числе яки — кутасы в Вахане и долине Шахдары, в Шугнана овцы породы «гадик» и козы).

Характерно, что почти повсеместно колхозники не держат птицу. Разведение домашней птицы (кур) было в свое время заимствовано из Дарваза, но так как зерна почти всегда не хватало, то кур старались не держать. У колхозников долины Ванча и Язгулема в личных хозяйствах больше коз, а в общественном — овец. С середины 1950-х годов в долине Язгулема в индивидуальных хозяйствах стали разводить индюков. В общест-

венном хозяйстве некоторых колхозов есть небольшие птицефермы.

Прежде, до организации колхозов, женщины почти не были заняты на полевых работах; они помогали только при расчистке полей от мелких камешков, собирали колоски после жатвы, обмолачивали палкой колосья и очищали зерна на току при помощи решет. В Вахане женщины еще вязали снопы во время жатвы.

В настоящее время женщины принимают широкое участие в общественном колхозном производстве, однако сохраняется разделение мужского и женского труда. Мужчины чистят и ремонтируют дороги и арыки, переносят грузы на спине, осуществляют полив, пахоту, жатву, обмолот, веяние. Женщины очищают зерна, участвуют в прополке, жатве, сборе урожая овощных культур и фруктов, ухаживают за гусеницами тутового шелкопряда, работают на птицефермах. Выращивание тутта (прежде его называли хлебным деревом Бадахшана) в области имеет две цели: расширение культуры плодового тутта и создание кормовой базы для выкормки гусениц тутового шелкопряда⁴³.

В прошлом с земледельческим циклом было связано много обычаев и обрядов⁴⁴, хорошо освещенных в литературе, значительное число их бытует среди верующих стариков и теперь. Интересно отметить, что у язгулемцев, рушанцев, бартангцев и других припамирцев в прошлом широко был распространен народный календарь, по которому счет времени года велся по освещению лучами солнца частей тела мужчины. Особенно торжественно отмечался первый день Нового года — *шогу-айум* (21—22 марта, в день весеннего равноденствия).

³⁹ Ф. Амануллаев. Развитие сельского хозяйства колхозов Советского Памира, стр. 34; А. А. Бобринской. Горцы верховьев Пянджа. М., 1908, стр. 98—102; М. С. Андреев, А. А. Половцев. Материалы по этнографии иранских племен Средней Азии, стр. 27—31; П. М. Майский. Исчисление полевых периодов сельскохозяйственных работ у горцев Памира и Верхнего Ванча. СЭ, 1934, № 4; Л. Ф. Моногарова. Язгулемцы Западного Памира. СЭ, 1949, № 3, стр. 92; М. С. Андреев. Таджики долины Хуф, ч. II, стр. 153—165; А. К. Писарчик. Примечания..., стр. 316—329; Полевые записи Л. Ф. Моногаровой и Л. А. Булановой 5.X 1967 г., Рощткала Рощткалинского сельсовета Шугнанского р-на.

⁴⁰ Полевые записи Л. Ф. Моногаровой и Л. А. Булановой 11.X 1967 г., кишлак Рощткала Рощткалинского сельсовета Шугнанского р-на. Сравни: Н. А. Кисляков. Старинные приемы земледельческой техники и обряды..., стр. 84—87; М. Р. Рахимов. Сельское хозяйство, стр. 115, 116, 183, 184. И. М. Мухиддинов. Жатва и связанные с нею обряды..., стр. 123—127; он же. Земледелие памирских таджиков..., стр. 21—23; он же. Земледелие памирских таджиков...

³⁹ Ф. Амануллаев. Развитие сельского хозяйства колхозов Советского Памира, стр. 29.

⁴⁰ Там же.

⁴¹ Там же, стр. 58.

⁴² П. А. Баранов. Памир и его земледельческое освоение. М., 1940, стр. 14.

Рост культуры населения за годы Советской власти, в том числе неуклонное повышение уровня образования, отход массы населения от религии, а также широкое распространение агротехнических знаний оказали большое влияние на исчезновение многих бытовавших ранее земледельческих обрядов. Однако народная традиция торжественно отмечать начало нового сельскохозяйственного года сохраняется и теперь. Колхозники устраивают в этот день общественное угощение и народные развлечения. Не менее торжественно отмечают и окончание сельскохозяйственного года — День урожая, чего не было прежде. В этот день после митинга, так же как и в Новый год, устраивают общественное угощение, концерты художественной самодеятельности или специально приглашенных артистов, показывают кинофильмы. Даже из дальних кишлаков, если проведена дорога, колхозников привозят на машинах на центральную усадьбу, а после окончания праздника развозят по домам.

Животноводство

Скотоводство отгонно-пастбищного типа издавна было одним из основных занятий припамирцев. Пастбища везде делились на весенние — *шузак*, расположенные на расстоянии 2—3 км от селения, летние — *йавил*, *йел*, самые дальние, и осенние — *шрименак*, еще ближе к селению, чем весенние. После жатвы крупный рогатый скот — *ситур* пускали на поля. Выпасы были общинные, ими пользовались все авлоды (каумы) сообща⁴⁵. Располагались эти выпасы по ущельям протоков рек, на высокогорных лугах.

Сложились определенные традиции ведения скотоводческого хозяйства. Выбирали «счастливым» день для выгона скота на летние пастбища⁴⁶. Перед этим мужчины чинили, подновляли жилище на летовке, загоны для скота — *хед*, кладовые для хранения заготовленных впрок молочных продуктов. Затем выгоняли скот.

Выход на пастбища отмечался торжественно. Вечером каждый хозяин зажигал факел — *ганцак* и обносил его вокруг

⁴⁵ Полевые записи автора 24.IX 1966 г., сельсовет Поршнево Шугнанского р-на.

⁴⁶ Отгон скота на летовки в различных кишлаках производили в разные месяцы (апрель — июнь) в зависимости от географического расположения кишлаков.

своего жилища и скота. Затем устраивались общие игры, состязания в борьбе и т. д.

Со стадом на летовки шли женщины. От каждого хозяйства полагалось пойти одной женщине. В течение нескольких первых дней (от трех до семи и более) ни один мужчина не должен был появляться на летовке (по поверью, для благополучия скота). Через три дня всеми почитаемые старики отправлялись туда, готовили овечий сыр — *айюк*, смешивали его со сметаной, маслом, и начиналось обильное угощение. Женщины на летовках занимались доением, заготовкой молочных продуктов, а мужчины по одному от каждой семьи поочередно через несколько дней приходили выпасать и охранять скот от волков, снежных барсов. Пастушеских собак не было. Зверей отгоняли преимущественно огнем и камнями.

Иногда за скотом всего небольшого селения ухаживала одна семья, и после возвращения с летовок каждый владелец получал соответствующее количество масла, которое заготавливала жена пастуха, а пастух получал от сельской общины плату натурой: одежду, обувь (*пехи*), 20 кг тутовника, определенное количество муки (от каждого хозяина), масло.

Коров пасли всегда отдельно от коз и овец. Поили скотину три раза в день.

Шугнанцы долины Шахдары разводили также яков, которые паслись на пастбище круглый год без пастухов.

Крупному рогатому скоту, козам (*ваз*), овцам (*миу́йч*) некоторые хозяева делали метки (*тамга*) — пятно краской на голове или привязывали ленточки. Лошадей (*ворч*) иногда выгоняли на пастбища, а ослов (*маркаб*) и верблюдов (*хитур*) пасли в близлежащих к кишлаку местностях.

В кишлаке обычно оставляли по одной-две коровы для получения молочных продуктов, необходимых для питания семьи, особенно детей.

У язгулемцев, бартангцев и части шугнанцев существовала своеобразная молочная артель *пейвоз* — такая же, как и у горных таджиков *ноубати шир*⁴⁷. В этой артели пять-шесть хозяек

⁴⁷ Е. М. Пещерева. Молочное хозяйство горных таджиков и некоторые связанные с ним обычаи. В кн.: М. С. Андреев. По Таджикистану, вып. 1, стр. 49—52; Н. А. Кисляков. Древние формы скотоводства. «Изв. АН Тадж. ССР», 1949, стр. 45; М. С. Андреев. Таджики долины Хуф, ч. II, стр. 138; Л. Ф. Моногорова. Материалы по этнографии язгулемцев, стр. 24; она же. Материалы по скотоводству населения Южного Таджикистана и Западного Памира. Сб. «Итоги полевых работ Ин-та этнографии в 1970 г.», М., 1971, стр. 68—72.

поочередно сливали все молоко одной хозяйке в течение недели, чтобы дать ей возможность быстрее заготовить молочные продукты. Масло сбивали в глиняных (*паўнйз*) или деревянных (*талаш*, Ванч, Язгулем, Бартанг) маслобойках.

На летовках через каждые полтора-два месяца по мере таяния снега перегоняли скот на другое, более высокое пастбище. В стадах вместе с матками находились бараны и козлы, поэтому не было одновременного окота всех маток стада.

Для ягнят устраивали особое заграждение (*джецак*). К овцам и козам подпускали ягнят и козлят после дойки, а к коровам наоборот; сначала подпускали теленка, корова начинала давать молоко, теленка отгоняли, а после доения опять подпускали к матке. При перегоне стада слабых телят или ягнят часто переносили на спине в заплечной корзине или привязывали к спине.

В стрижке (*мол-пихёд*) коз и овец принимали участие и женщины. Коз стригли ножницами один раз в год в марте, а овец — два раза (март, август). Перед стрижкой скот мыли в речке. Регулярно через две недели скот прогоняли через арьки.

На летовках заготавливали сено (*вох*) и переносили на спине в кишлаки. По возможности заготавливали на зиму сено и в кишлаках, складывая его в стога (*лай*) на крыше хлева. Скрепляли его, втыкая сверху вниз длинную жердь. Зимой скот держали в загонах, в хлевах, ягнят отдельно от овец; кормили скот сеном и соломой. Припамирским народностям свойственно особое отношение к овце, которая считалась «чистым» животным, и к дикому горному козлу — *киик* (тадж.), *чундор* (шугн.)⁴⁸.

После возвращения скота с летовки каждая семья устраивала у себя обильное угощение.

За годы социалистического строительства выросли местные кадры агрономов, зоотехников, которые хорошо знают специфи-

⁴⁸ Охота на дикого козла сопровождалась рядом интересных обычаев и обрядов, связанных с тотемическими верованиями. Так, перед охотой язгулемец-охотник должен был пристрелять ружье и увидеть во сне, что он удачно охотился. Убив козла, охотник приносил в селение его голову, ноги и внутренности. Тушу прятал в камнях, за ней шел человек, не участвовавший в охоте. Затем устраивали общественное угощение; каждый человек, живущий или даже находящийся в кишлаке, имел право получить свою долю добычи. См.: Л. Ф. Моногарова. Материалы по этнографии язгулемцев, стр. 24, 25, 76; М. С. Андреев. Таджики долины Хуф, ч. II, стр. 127, 222—226; сравни: Н. А. Кисляков. Охота таджиков долины р. Хингоу в быту и фольклоре. СЭ, 1937, № 4, стр. 104—119; Н. Х. Нурджанов. Охота. Сб. «Таджики Каратегина и Дарваза», стр. 291—310.

ку ведения хозяйства в данных природных условиях. Это способствовало развитию животноводства, его резкому подъему. поголовье общественного скота в колхозах увеличилось⁴⁹. Большое внимание уделяется кормовым культурам, особенно силосным. Скот находится под повседневным контролем квалифицированных зоотехников, наблюдающих за своевременным выгоном на сезонные пастбища, соблюдением регулярного окота и отела, сохранением молодняка. На летовках строятся помещения для животных, введена охрана стад с помощью пастушеских собак. При стрижке овец применяются стригальные аппараты.

Колхозы, где мало хороших пастбищ, получают в настоящее время возможность выпасать скот на пастбищах других колхозов и районов и даже других республик. Так, например, скот колхозов долины верховьев Бартанга выпасается на пастбищах Мургабского р-на. Киргизская ССР предоставила ГБАО в аренду на 90 лет отгонные пастбища в Алайской долине (участок Сарик-могол)⁵⁰. Ими пользуются колхозы Шугнанского, Ишкашимского и Мургабского районов. Колхозы Рушанского р-на выпасают скот на отгонных пастбищах в Гармском р-не Таджикской ССР и Калаи-Хумбском районе ГБАО — Сангвор, Сагердашт. Для колхозов долины Шахдары предоставлено отгонное пастбище в Джаушангозе.

Большое внимание уделяется в настоящее время целенаправленному развитию животноводства. Выводятся новые породы скота и улучшаются местные. Так, на смену маломолочному скоту завезен мясо-молочный скот шведской породы, улучшает-ся порода заимствованной у киргизов курдючной овцы.

В ГБАО отгонно-пастбищное животноводство является одной из основных отраслей хозяйства на Западе и основной — на Востоке.

В общей сумме валового сбора продуктов, по данным Ф. Амануллаева⁵¹, удельный вес продуктов животноводства увеличивается, что указывает на возрастающее преобладание последнего в экономике колхозов⁵². Произведенный Ф. Амануллаевым анализ доходности отраслей сельского хозяйства ГБАО показал, что «в формировании доходов колхозов ГБАО решающее значение имеет животноводство»⁵³.

⁴⁹ Р. Турсунов. Растет хозяйство и культура..., стр. 17.

⁵⁰ Полевые записи автора 2—3.X 1967 г. (данные Земельного управления ГБАО).

⁵¹ Ф. Амануллаев. Развитие сельского хозяйства колхозов Советского Памира, стр. 6.

⁵² Там же, стр. 48.

⁵³ Там же, стр. 58.

Несмотря на достигнутые успехи в развитии сельского хозяйства, уровень развития экономики ГБАО ниже, чем в других районах Таджикистана⁵⁴. Это объясняется недостаточной возможностью применения сельскохозяйственной техники в ГБАО. И. М. Клеандров, Ф. Амануллаев и другие исследователи, а также местные опытные работники сельского хозяйства предлагают повысить производительность труда за счет внедрения малогабаритных сельхозмашин, усовершенствования имеющихся и создания новых, приспособленных для горного рельефа и местных почв. В структуре земледелия необходимо предусмотреть увеличение производства кормов, так как ведущей отраслью должно стать животноводство. Второе место после животноводства должно занять выращивание картофеля как товарной культуры для продажи в соседние районы Южной Киргизии и Ферганской долины Узбекистана. Планируется также наладить промышленное производство инжира и кишмишных сортов винограда, особенно в Калаи-Хумбском р-не, и в колхозах осуществлять промышленную переработку — сушку плодов. В благоприятных по природным условиям районах будет развиваться садоводство для обеспечения местных потребностей⁵⁵.

Таким образом, перспектива сельскохозяйственного развития ГБАО — комплексное сочетание животноводства с выращиванием овощных культур, особенно картофеля, при ведущей роли животноводства, а в Мургабском р-не — только животноводства⁵⁶. В 1966 г. в районах области был проведен опыт выращивания табака. С 1 ц получили 269 руб. дохода. В 28 хозяйствах посадили табак на 23 га и при плане 8 ц с 1 га получили 12,2 ц. Доход составил 70 000 руб. Табак дает хороший урожай в Калаи-Хумбском, Ванчском и Рушанском районах. Колхоз «Коммунизм» Ванчского р-на имел 2 га посева табака и получил урожай по 25,2 ц, что дало 11 000 руб. дохода. Колхоз «Рушон» Рушанского р-на посеял табак на 1 га, снял урожай, давший доход свыше 4400 руб. Многие колхозы области, особенно Калаи-Хумбского, Ванчского, частично Рушанского и Шугнанского (в зависимости от климата) районов, решили увеличить посе́вы табака, оказавшегося рентабельнее, чем шелководство.

⁵⁴ И. М. Клеандров. Развитие народного хозяйства Горно-Балахшанской автономной области. Сб. «Проблемы развития и размещения производительных сил Таджикской ССР». Душанбе, 1967, стр. 253.

⁵⁵ Там же, стр. 261—263.

⁵⁶ Полевые записи автора в октябре 1967 г., Шугнанский и Рушанский районы, г. Хорог.

Продолжает развиваться и пчеловодство, которым стали заниматься с 1956 г.

Намечается некоторая специализация районов. Шелководство и табаководство в основном будут развиваться в Калаи-Хумбском, Ванчском и некоторых колхозах Рушанского районов. В Шугнанском р-не предполагается развитие главным образом животноводства и картофелеводства.

Во всех колхозах за счет уменьшения посевов зерновых будут увеличены посевные площади под овощные, в том числе кормовые, культуры. Поэтому намечается увеличение завоза зерновых⁵⁷.

Домашние промыслы в прошлом и современная промышленность

Натуральное хозяйство (вместе с домашними промыслами, не отделившимися от сельского хозяйства) обеспечивало в прошлом всем необходимым семьи припамирских крестьян.

Домашние промыслы припамирцев — главным образом обработка шерсти, выделка тканей, узорное вязанье из цветной шерсти длинных носков (*цираб*), кошмоваляние, обработка дерева, кузнечное дело, изготовление ювелирных украшений, ручное женское гончарство, охота — при сходстве отраслей с промыслами горных таджиков характеризовались некоторыми специфическими чертами⁵⁸.

Обработкой овечьей и верблюжьей шерсти (взбиванием и прядением) занимались женщины (рис. 7). Взбивали шерсть тетивой специального небольшого лука и пряли на ручном веретене с пряслицем или крестовинкой на нижнем конце, а также на прялке (*чарх*) обычного среднеазиатского типа. Из окрашенной (овечьей и верблюжьей) шерсти женщины вязали (четырь-

⁵⁷ И. М. Клеандров. Развитие народного хозяйства..., стр. 253.

⁵⁸ А. А. Бобринской. Орнамент горных таджиков Дарваза. М., 1900; М. С. Андреев. Орнамент таджиков верховьев Аму-Дарьи и киргизов Памира. Ташкент, 1928; он же. Таджики долины Хуф, ч. II, гл. VI, VII; Л. Ф. Моногарова. Материалы по этнографии язгулемцев, стр. 28—30; Сравни: Н. Н. Ершов. Домашние промыслы и ремесла. Сб. «Таджики Каратегина и Дарваза», стр. 195—308; Полевые записи автора 16.X 1964 г., сельсовет Поршнево Шугнанского р-на; 18, 22, 24.X 1964 г., кишлак Рушан Рушанского сельсовета Рушанского р-на; 19.X 1965 г., г. Хорог; 23—24.IX 1966 г., кишлак Мвденшор Поршнево сельского совета Шугнанского р-на; Полевые записи Ф. Д. Люшкевич 30.IX 1966 г., кишлак Сипондж Бартангского сельсовета Рушанского р-на; 24.X 1967 г., г. Хорог; 6, 8, 14.X 1967 г., кишлак Рошткала Рошткалинского сельсовета Шугнанского р-на.

Рис. 7. Традиционные домашние ремесла
1 — взбивание шерсти, Шугнанский р-н;
2 — прядение на прялке, Шугнанский р-н
(фото Р. Разинчевой)

2

1

мя деревянными спицами *сик*, а с 1920-х годов крючком — *як-сиха*, заимствованным из Читрала) богато орнаментированные длинные без пятки носки. Мужчины пряли шерсть яков и коз на ручном веретене (*ликйрэ*), которым служила обыкновенная палочка с расщепленным концом, где закреплялось начало нити.

Тканье было традиционным мужским занятием. Ткани для седины ткали на горизонтальном стане (*вихууч*), сходном со станом соседних горных таджиков. Ткани из овечьей и верблюжьей шерсти (а в Язгулеме и Рушане частично и из покупного хлопка) употреблялись для одежды, которую шили женщины.

Из шерсти коз и яков обычно зимой мужчины ткали полосатые безворсовые ковры (*палес*). Для этого употреблялся вертикальный ткацкий стан (*корга*).

Кошмовальние было заимствовано у киргизов. Кошмы выделявали преимущественно женщины; в Шугане — со вкатанными яркими узорами, в долине Бартанга — одноцветные, естественной окраски шерсти — белой, серой, коричневой (черных баранов и овец бартангцы убивали, так как по народному поверью они приносили несчастье).

В зависимости от почвенно-растительных условий существовала некоторая специализация промыслов в отдельных райо-

нах Западного Памира. Ванчцы, язгулемцы и рушанцы отличались мастерством изготовления деревянной утвари (особенно мисок — *табак*), резьбой по дереву, а ваханцы и шугнанцы — ручным женским гончарством (без гончарного круга)⁵⁹. Для изготовления посуды употреблялась серая глина (*цирай*), которую для придания большей прочности сосудам смешивали в определенной пропорции с козьей шерстью и растирали в порошок на каменной зернотерке. Обжигали посуду в течение суток, для чего разводили большой костер и все мастерицы приносили посуду для обжига в одно время. В Вахане также занимались резьбой по дереву, украшая ею отдельные элементы жилища, детские колыбели.

В Рушане добывали железо, и рушанские кузнецы были известны как умелые мастера. Кузнечным делом (из привозного железа) занимались все припамирские народности. Бартангцы и рушанцы славились изготовлением ювелирных изделий, очень красиво обрамляя гранаты в серебряную оправу. Изготовленные ими украшения ценились на рынках Афганистана и других близлежащих стран.

⁵⁹ Е. М. Пещерева. Гончарное производство в Средней Азии. М.—Л., 1959; Полевые записки автора 3.X 1967 г., г. Хорес.

Развита была обработка рога, особенно диких козлов. Из рога изготовляли рукоятки для ножей, гребни.

Между отдельными припамирскими народностями и соседними с ними мургабскими киргизами существовала меновая торговля. Интересен связанный с нею своеобразный институт «партнерства по обмену»⁶⁰. Часто припамирец (особенно шуганец долины Шахдары, верховьев Гунта, бартангец или ваханец) дружил с кем-либо из киргизов. Они ездили периодически друг к другу в гости и обменивались товарами своего хозяйства: изделия киргизов — уздечки, сбрую, подседельники, конские плети, хурджины, выючные сумы, кошмы припамирцы приобретали в обмен на зерно, шерстяную ткань для халатов (*гилим*). Кузнецы припамирских народностей постепенно сами научились изготовлять по киргизскому образцу уздечки и т. п. Киргизы же заимствовали вязку шерстяных носков и формы некоторых орудий (например, серпов).

Иногда на Западный Памир заезжали торговцы из Кашгара, привозившие ювелирные изделия (коралловые бусы, серьги, различные амулеты), шелковые ткани, чай. Из Читрала везли хлопчатобумажные ткани, в том числе ситец, из Афганского Бадахшана — соль, котлы для варки пищи, опий, бархатные верхние халаты; из Индии — чай, хлопок; из Китая — чай, пиалы, бумагу и т. д. Из Дарваза привозили долбленные из дерева туфли (*кафх*) с тремя шипами на подошве; местное население научилось их изготовлять, и они постепенно широко распространились в Ванче, Язгулеме, Рушане, некоторых местах Шугнана. В Вахане их носили очень немногие. Иногда сами припамирцы ездили со своими изделиями в соседние страны на базары, так как на Западном Памире базаров не было. Бартангцы и рушанцы ездили в Афганский Бадахшан с ювелирными украшениями, язгулемцы продавали или выменивали на зерно свои деревянные изделия. В конце XIX — начале XX в. базар бывал иногда на афганской стороне напротив впадения р. Гунт в Пяндж.

За годы Советской власти с развитием государственной и кооперативной торговли основные виды домашних промыслов исчезли. Остались лишь плотницкие и кузнечные работы; кое-где мужчины ткнут паласы, а женщины занимаются кошмовальнием. Повсюду сохраняется вязка узорных носков с пятками (по новому фасону, чтобы надевать в ботинки) и традиционных

⁶⁰ Б. В. Андрианов, Л. Ф. Моногорова. Ленинское учение об общественно-экономических укладах и его значение для этнографии. СЭ, 1970, № 1, стр. 40—41.

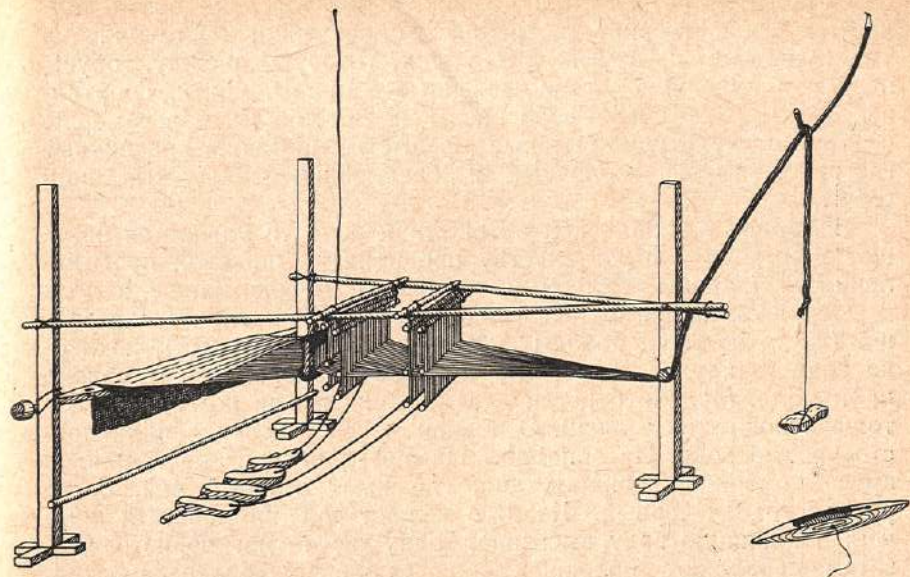

Рис. 8. Горизонтальный гапакский станок для изготовления шерстяных и хлопчатобумажных тканей, г. Хорог, Областной краеведческий музей (рис. Р. Разинчевой)

без пятки, которые носят с местной обувью (рис. 9), а также варежек и перчаток; научились вязать и свитеры, кофты. Из хлопчатобумажных ниток женщины научились от русских вязать кружева для наволочек, накидок, покрывал, занавесей на окна.

За годы Советской власти созданы предприятия местной промышленности (швейная фабрика, комбинат бытового обслуживания и др.), которые во многом удовлетворяют потребности населения. Это привело к изменениям и в домашних промыслах.

В г. Хороге комбинат бытового обслуживания раздает в зимнее время надомницам (главным образом колхозницам в сельсоветы Дарморахт, Сучан, Рошткала и жителям г. Хорога) шерсть и краску для изготовления носков. Эти носки находят широкий сбыт не только у местного населения, но и у приезжающих жителей различных городов и районов других республик, у участников многочисленных туристских и альпинистских отрядов, сотрудников научных экспедиций.

Сеть государственной и кооперативной торговли почти полностью удовлетворяет потребности населения, поставляя из Таджикистана и других республик готовую одежду, обувь, посуду и кухонную утварь, швейные машины, книги, спортивный инвентарь, в том числе велосипеды и мотоциклы, парфюмерию и другие культурно-бытовые предметы, а также различные гастрономические, молочные и бакалейные продукты, консервы.

В Горно-Бадахшанской автономной области уделяется большое внимание и строительству предприятий пищевой промышленности (заводы — хлебный, молочный, мясокомбинат и др.).

Основной пищей большей части населения прежде была лепешка (часто из муки бобовых или в смеси с бобовыми), похлебка типа затирухи, овечий сыр и кислое молоко. Чай и молоко пили мало. Молоко берегли детям, а чай могли позволить себе только зажиточные люди. Основная масса населения пила просто чистую воду. На западном Памире в отличие от таджиков других районов Таджикистана, где пьют зеленый чай, более распространен черный. Из него делают так называемый *шир-чой*: в кипящую воду высыпают одну-две пачки черного чая, затем добавляют молоко и соль. Особенно было распространено питье чая в Вахане (его привозили из Читрала)⁶¹. Иногда, разливая этот чай, кладут в каждую пиалу кусочек сливочного масла. Припамирцы очень любят этот напиток и пьют его утром, днем и вечером.

Употребление шир-чоя в настоящее время — одна из этнографических особенностей припамирских народностей. В Ванче и ниже по Пянджу, как и у горных таджиков Дарваза, пьют зеленый чай. Вечером, придя с работы, едят различные супы (даже борщ), жареный и вареный картофель, молочные пшеничную и рисовую каши, больше употребляют мяса, овощей, фруктов и сладостей. Женщины научились от русских варить варенье, и это характерно не только для живущих близ г. Хорога, но и для отдаленных селений.

В каждом районном центре и сельсовете, кроме продовольственных магазинов, есть столовые и чай-хоны, куда завозят различные крупы, макаронные и мучные изделия, в том числе хлеб, лепешки, печенье, а также чай, сахар, сгущенное молоко, рыбные, мясные и фруктовые консервы, сладости.

В столовых и чай-хонах готовят шурпу (суп с бараниной и картофелем), рагу, плов, украинские борщи и котлеты и т. п.

⁶¹ А. К. Писарчик. Примечания..., стр. 396.

Широкий ассортимент продуктов в магазинах, новые блюда в столовых повлияли на характер питания населения: оно стало калорийнее и разнообразнее.

*

В Хороге и в области действуют предприятия легкой и пищевой промышленности: мясо-молочный комбинат, хлебозавод и хлебопекарня, комбинат бытового обслуживания. Комбинат занимается и изготовлением мебели по индивидуальным заказам, но накладные расходы по перевозу ее очень дороги, и не во все горные кишлаки ее можно доставить. Проектируется создание отделений промкомбината в каждом районе области. Промкомбинат имеет ателье индивидуального пошива мужской, женской и детской одежды.

В ГБАО построены бетонный завод, новые гидростанции. Есть типография.

Памир богат полезными ископаемыми, но еще не выявлены все месторождения, «на базе которых могли бы быть созданы экономически эффективные горнорудные предприятия»⁶². Имеется некоторое количество золота в песках р. Язгулем и в Рангкуле; в Тункузбулаке — месторождение свинцовых руд с содержанием 1,5—2% свинца. Месторождения форсторита и эксторита в Ишкашимском р-не — источник ценного сырья для радиотехнической промышленности. Издревле Бадахшан славится месторождениями драгоценных и поделочных камней. Можно наладить производство облицовочного камня из гнейса и мрамора для вывоза за пределы ГБАО⁶³.

По запасам гидроэнергии Таджикская республика занимает второе (после РСФСР) место среди союзных республик; основными водостоками, где сосредоточено $\frac{4}{5}$ экономически пригодных к использованию гидроэнергетических ресурсов, являются реки Вахш и Пяндж⁶⁴. По среднему течению Пянджа намечено строительство гидроэлектростанций, в том числе Калаи-Хумбской, Туганской и Рушанской⁶⁵. «Для электроснабжения высокогорных районов Памира, не охваченных государственной энергосистемой, намечено строительство и ввод ряда изолированных ГЭС общей мощностью 8 тыс. квт. Крупнейшие

⁶² И. М. Клеандров. Развитие народного хозяйства..., стр. 253.

⁶³ Там же, стр. 262—265.

⁶⁴ Сб. «Проблемы развития и размещения производительных сил Таджикской ССР». Душанбе, 1967, стр. 14.

⁶⁵ Там же, стр. 35.

из них — Шуджанская, Намангутская и в Хороге (гидростанция наращивает мощность до 10 тыс. квт)»⁶⁶.

Горно-Бадахшанская оросительная система представляет собой до настоящего времени мелкие участки орошения из разных водных источников; они рассеяны на большой территории⁶⁷.

В ближайшие годы планируется завершить начатые объекты и перейти к строительству оросительных каналов на не используемых в настоящее время землях с целью их освоения⁶⁸. Туда, где трудно провести самотечные каналы, придет на помощь электроэнергия; в Хороге уже работают центробежные насосы, приводимые в движение электрическим током⁶⁹.

*

Материалы, приведенные нами для характеристики социалистических преобразований в хозяйстве припамирских народностей, позволяют сделать вывод о том, что правильное осуществление национальной политики Коммунистической партии и правительства привело к тому, что за годы Советской власти благодаря всенародной помощи, в первую очередь русского и таджикского народов, припамирцы, преобразуя натуральное, полупатриархальное хозяйство, перешли к социалистическому. Коллективизация сельского хозяйства и ирригационное строительство позволили увеличить полевые площади к 1960-м годам по сравнению с 1925 г. почти в 4 раза. поголовье скота за этот период увеличилось в 2,3 раза⁷⁰. Экономика ГБАО тесно связана в настоящее время с экономической жизнью других районов Таджикистана и остальных республик Советского Союза.

В общественном производстве многих районов ГБАО из-за особенностей климата, рельефа местности и структуры почв до сих пор продолжают бытовать традиционные, приспособленные к местным условиям орудия, способы и приемы земледелия.

За годы социалистической реконструкции хозяйства благодаря созданию всех видов связи — автомобильных дорог, авиационных и почтово-телеграфных линий, телефона и радио

⁶⁶ «Проблемы развития и размещения производственных сил Таджикской ССР», стр. 38.

⁶⁷ Там же, стр. 156.

⁶⁸ И. М. Клеандров. Развитие народного хозяйства..., стр. 256—257.

⁶⁹ П. А. Баранов, А. В. Гурский, Л. Ф. Остапович. Земледелие и сельскохозяйственные культуры..., стр. 202.

⁷⁰ И. М. Клеандров. Развитие народного хозяйства..., стр. 252—253.

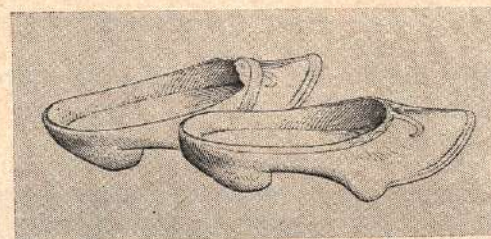
Орнаменты (а, б) на чулках из цветной шерсти (вязка на спицах), Рушанский р-н

6

1

2

Рис. 9а. Традиционные кустарные изделия

1 — шерстяной носок нового типа, Шугнанский р-н;
2 — деревянная обувь, музей средней школы № 69
Рошткалинского сельсовета, Шугнанский р-н
(рис. В. Агафонова)

изжита была хозяйственная и географическая обособленность населения Памира. Это обстоятельство играет важную роль в процессе сближения припамирских народностей с таджиками и установления разнообразных связей с другими народами нашей страны, в первую очередь с народами сопредельных Среднеазиатских республик.

Традиционные и новые формы материальной культуры

В материальной культуре, особенно в поселениях, жилище, одежде в той или иной мере находят свое отражение и происходящие этнические процессы. Следует подчеркнуть, однако, что культурное взаимовлияние народов и вызванные этим изменения элементов культуры, особенно материальной, не являются факторами, определяющими характер и направление этнических процессов, — последние лишь находят в них в той или иной мере свое отражение. Так, в формировавшейся в течение

веков традиционной материальной культуре припамирских народностей можно заметить некоторое культурное влияние преимущественно таджиков Бадахшана и Дарваза. За годы Советской власти благодаря расширению экономических и культурных связей этих народностей в развитии элементов их материальной культуры можно проследить, как мы постараемся это показать ниже, черты значительного сближения с современной материальной культурой не только таджиков, но и других народов Средней Азии, а также русского и глубокое проникновение элементов общесоветской культуры, особенно в национальную одежду и жилище.

Поселения и жилище

Как отмечалось выше, древнее автохтонное население Западного Памира — оседлые земледельцы — жили в постоянных селениях по долинам р. Пяндж и ее притоков: Вахандары, Гунта с Шахдарой, Баратанга, Язгулема, Ванча (Ванджа). Селения располагались прежде и располагаются теперь на конусах выноса рек и реке — на речных террасах (рис. 10).

У припамирских народностей, живших в одинаковых природных условиях, вследствие общности их происхождения, а также близости хозяйственного и культурно-бытового уклада сложился и общий тип расселения семейно-родственными группами — патронимиями (*каумами, тухмами, гиру* и т. п.). В каждом селении жила одна или несколько патронимий, причем в последнем случае квартал занимала одна определенная патронимия, состоявшая из больших патриархальных (в последней стадии их развития — неразделенных) и малых семей (см. план кишлака Андербак в долине Язгулема, рис. 11). Такой тип поселения был характерен также и для горных таджиков Каратегина и Дарваза⁷¹. Планировка улиц в кишлаке отсутствовала. Жилище с примыкающими к нему хозяйственными помещениями — усадьбами (*ашли*) располагалось непосредственно среди полей, садов и огородов (рис. 12). Обычно двери

⁷¹ Л. Ф. Моногарова. Материалы по этнографии язгулемцев, стр. 37—38; Полевые записки автора 17.IX 1966 г., кишлак Лянгар Зунгского сельсовета Ишканимского р-на; см. также: Н. А. Кисляков. Следы первобытного коммунизма у горных таджиков Вахио-Боло. М.—Л., 1936, стр. 22—23; Р. Л. Неменова, А. К. Писарчик. Селения Каратегина и Дарваза. Сб. «Таджики Каратегина и Дарваза», стр. 77—107.

жилища и хозяйственных построек всегда обращены во внутренний двор, так что с внешней стороны были видны лишь глухие стены, образующие замкнутый прямоугольник. Внешнего двора не было, его заменяла открытая площадка перед домом. В кишлаках, изобилующих камнем, пахотные участки часто имели ограды из камней, собранных при очистке этого поля; тропинки, соединяющие между собой кварталы селения, также были обрамлены каменными стенами. В таком узком проходе трудно порой разойтись вьючным животным. В кишлаках, где было мало камней, тропинки прокладывались между открытыми участками пашни, огорода или сада.

Общественным центром в прошлом в кишлаках при отсутствии в Припамирье базаров и мечетей были либо общественные дома (в Язгулеме) типа алоу-хона горных таджиков, служившие часто местом общественных трапез и увеселений для мужчин определенного каума (с проникновением в Язгулем

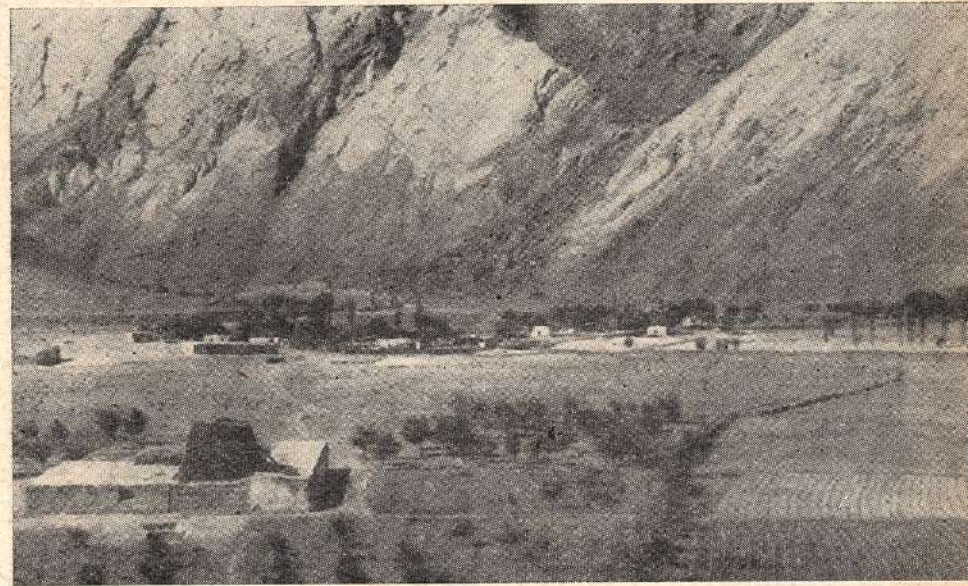

Рис. 10. Кишлак Сипондж в долине Бартанга, Рушанский р-н (фото М. Мечева)

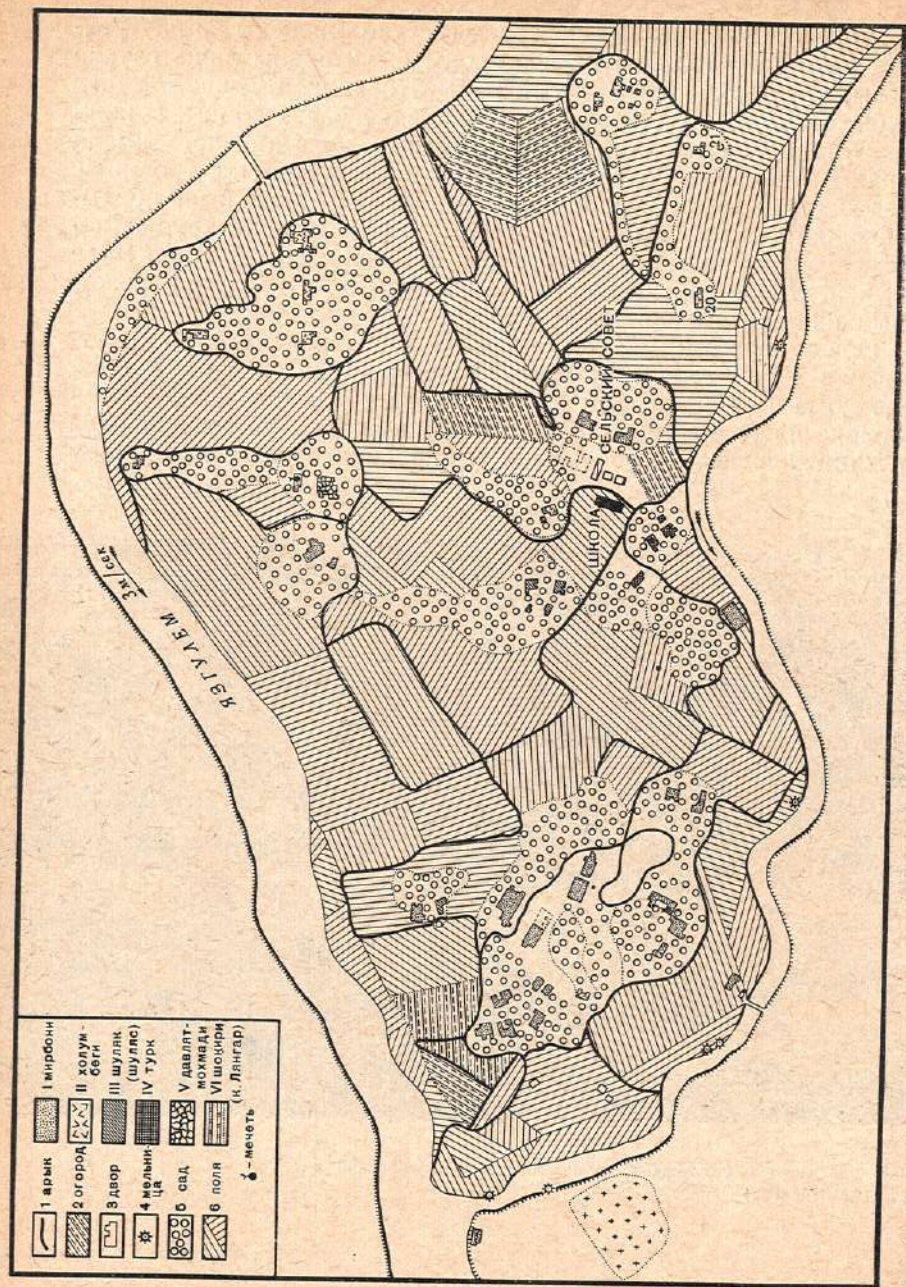

Рис. 11. План кышлака Андербак в долине Язгулема, Вайчский р-н (рис. автора)

суннизма эти дома были приспособлены под мечети и продолжали играть роль своеобразного мужского клуба⁷²), либо дом старейшего уважаемого главы авлода. У исмаилитов — рушанцев, шугнанцев, ваханцев, бартангцев и других — общественный характер носили встречи их со своими духовными наставниками — пирами, устраиваемые обычно поочередно в доме того или иного из мюридов и состоявшие из бесед и угощений. Часто местом для общественных собраний и праздников в кышлаке становилась тенистая и самая большая по величине лужайка в кышлаке. И. И. Зарубин заметил, что «не только в Рушане, но и во всех Припамирских областях вовсе нет базаров с их чайхана и караван-сараями... Поэтому в горных поселках не существует и общественной жизни в том виде, в каком она типична для равнинного Туркестана»⁷³.

Следует отметить, что характер кышлаков зависит в очень сильной степени от рельефа местности. Кроме многоквартирных кышлаков в таких высокогорных долинах, как Хуф, долина Язгулема, существовали до недавнего времени и выселки — кышлаки-хутора, состоящие из одной — четырех усадеб⁷⁴. Иногда, если селения располагаются в удобной местности, на широкой террасе или большом конусе выноса, то кышлак растягивается на несколько километров или несколько кышлаков сливаются друг с другом, так что приезжему человеку трудно определить, где конец одного и начало другого кышлака (например, кышлаки сельсовета Поршнево в Шугнанском р-не).

Вплоть до Великой Октябрьской социалистической революции и в первые годы Советской власти «на Памире почти полностью сохранились издавна сложившиеся особенности расселения. Из всех населенных пунктов около 70% насчитывало менее 20 хозяйств в каждом. Для подавляющего большинства памирских поселений типичной пока остается их малая людность... Малая людность объясняется не только историческими причинами, но и условиями производственной деятельности населения, осуществляемой на выборочно пригодных участках узких речных долин и крутых склонов гор. Все население Горного Бадахшана на 1 июня 1965 г. распределялось между 369

⁷² Л. Ф. Моногорова. Материалы по этнографии язгулемцев, стр. 54—55.

⁷³ И. И. Зарубин. Материалы и заметки по этнографии горных таджиков. Долина Бартанга. «Сб. МАЭ», т. V. Пг., 1917, стр. 110 (отдельный оттиск).

⁷⁴ А. К. Писарчик. Примечания... стр. 420—421; Л. Ф. Моногорова. Материалы по этнографии язгулемцев, стр. 37.

постоянными населенными пунктами (без Хорога)»⁷⁵. По данным Н. С. Гинзбург, оптимальная численность населения кишлаков в узких речных долинах типа Шахдары, среднего и верхнего Гунта составляет 350—400 человек, а в низовьях этих рек и в среднем течении р. Пянджа — до 1000 человек, как в предгорных и низинных районах Средней Азии⁷⁶.

Малолюдность поселений (особенно расположенных в труднодоступных верхних частях горных долин и ущелий Язгулема и Бартанга) затрудняет культурное и медицинское обслуживание населения, снабжение промышленными товарами и продуктами. Поэтому здесь, как и в других высокогорных районах страны, было решено предоставить возможность жителям кишлаков переселяться в другие, более удобные для них местности⁷⁷. Исследования Н. С. Гинзбург «показали и подтвердили устойчивость заселения важнейшей срединной высотной зоны Памира (от 1500 до 2500 м над уровнем моря), население которой росло и продолжает расти»⁷⁸. Наши полевые материалы, собранные в долине Язгулема и Бартанга, подтверждают это положение⁷⁹. Из выселков и небольших кишлаков верховьев этих долин население переселяется в более крупные кишлаки средней части долин.

На наш взгляд, целесообразно, по возможности, проводить организованное переселение жителей из кишлаков верховьев рек в кишлаки, расположенные в средних и нижних течениях этих же долин или других местностей, желательна на территории ГБАО.

В кишлаках жилые дома и хозяйственные постройки располагаются по традиции среди полей и огородов. Как жилые, так и хозяйственные постройки в большинстве своем, особенно в старинных усадьбах, обращены дверями во внутренний двор. В больших кишлаках группы усадеб по-прежнему составляют кварталы, хотя родственный принцип расселения нередко нарушается.

В центре кишлака в настоящее время находятся школа,

⁷⁵ Н. С. Гинзбург. Особенности расселения на Памире (в Горно-Бадахшанской автономной области). Сб. «География населения и населенных пунктов СССР». Л., 1967, стр. 257, 265.

⁷⁶ Там же, стр. 272.

⁷⁷ Там же, стр. 271.

⁷⁸ Там же, стр. 271—272.

⁷⁹ Полевая запись автора 28. 29.X 1964 г., кишлак Андербак Язгулемского сельсовета Ванчского р-на; 27.IX 1966 г., кишлак Сипондж Бартангского сельсовета Рушанского р-на.

Рис. 12. Усадьба с домом старого типа в долине Шахдары, Шугнанский р-н (фото В. Агафонова)

правление колхоза, сельский Совет, клуб с кинозалом и библиотекой, продовольственный и промтоварный магазины, аптека. На окраине кишлаков, за усадьбами колхозников размещаются хозяйственные постройки колхоза (фермы, овощехранилища, сараи для хранения сена, сельскохозяйственных орудий, а также водяные мельницы, гараж для автомашин, тракторов и других сельскохозяйственных машин), часто медпункт или больница.

При строительстве новых общественных и жилых зданий используют современные строительные материалы (например, шифер), кровли делают двух- или четырехскатными.

Традиционная строительная техника и планировка жилых, хозяйственных и общественных построек, в основном сохраняющаяся и в настоящее время, одинакова и несложна у припамирских народностей и таджиков Дарваза и отличается от строительной техники и типа жилища горцев Зеравшана, а также Каратегина, где столб поддерживает крышу в центре, пол приподнят от земли на метр и представляет ровную площадку, обмазанную

глиной. Отсутствует и ступенчатый свод⁸⁰. На Западном Памире, там, где есть хорошая лессовая земля, ее смешивают с водой и при помощи прямоугольной деревянной формы изготавливают сырцовые кирпичи, идущие на кладку стен. Фундамент складывают из необработанного камня, сцементированного глиной. В кишлаках, где нет подходящего леса, постройки воздвигают из того же материала, что и фундамент. При строительстве индивидуальных домов до сих пор распространена взаимопомощь, преимущественно родственная. Хозяин строящегося дома кормит работающих три раза в день, а после окончания постройки устраивает хорошее угощение для всех участников. Сначала план дома (*чид*) размечают на земле при помощи веревки, после этого приступают к кладке фундамента и стен. В плане жилища припамирцев представляет собой обычно однокамерное, реже двухкамерное помещение, состоящее из сеней и собственно жилого дома. Очень часто к той стене, в которой устроена входная дверь, примыкает открытая с одной стороны терраса (*дализ* или *пехвоз*).

Традиционная кровля представляет собой ступенчатый, сужающийся кверху свод (*чор-хона*), сложенный из балок и досок, образующих над серединой жилища четырехугольные квадратные рамы. Эти рамы накладываются одна на другую так, что угол каждой следующей, меньшей по размеру, попадает на середину сторон квадрата предыдущей, а последняя, самая маленькая, рама венчает этот ступенчатый потолок, образуя отверстие для выхода дыма и для освещения. В прошлом это отверстие закрывали деревянным щитом на ночь и в непогоду. Потолок ступенчатой формы характерен для определенной стадии развития строительной техники Средней Азии (в Фергане получил декоративное значение), Закавказья (Грузия, Армения), Афганистана, Индии⁸¹. Такой способ устройства кровли, облегчавший давление балок на стены, давал возможность строить жилой дом большого размера для семейной общины. Кровля поддерживается деревянными опорными столбами (*стан*) и

⁸⁰ В. Л. Воронина. Жилище Ванча и Язгулема. Сб. «Архитектура республик Средней Азии». М., 1951; М. С. Андреев. Таджики долины Хуф, ч. I, стр. 51; *он же*, ч. II, 1953, стр. 267—273; А. К. Писарчик. Примечания..., стр. 420—486; Л. Ф. Моногарова. Материалы по этнографии язгулемцев, стр. 37—51; Н. А. Кисляков. Материальная культура, быт и религия. Сб. «История таджикского народа», т. II, кн. II, стр. 296; *он же*. Таджики. В кн.: «Народы Средней Азии и Казахстана», т. I, стр. 596—598.

⁸¹ См.: М. С. Андреев. Таджики долины Хуф, ч. II, стр. 267—273; А. К. Писарчик. Примечания..., стр. 420—486; В. Л. Воронина. Жилище Ванча и Язгулема.

балками, идущими вдоль стен. Четыре деревянных центральных столба имеют вид колонн, часто украшенных резным орнаментом, особенно один из них главный — *шастан*. Такая конструкция кровли, как отметил И. Мухиддинов, — «один из старинных памирских секретов сейсмостойкости»⁸², так как при землетрясении, даже значительном, такая кровля не обрушивается.

На поверхность опорных столбов в канун Нового года наносят традиционные рисунки, часто горных козлов, втыкают ветки с задранной корой, образующей лепестки, за балки. Особое значение имеет деревянная доска (*бучки-йич*), соединяющая на расстоянии приблизительно полутора метров от уровня пола (*пойга*) ближайший к двери центральный столб с дополнительным столбом деревянного каркаса. Эта доска и теперь украшается резным орнаментом. По исмаилитскому обычаю ее украшали пятью небесными телами: солнцем, луной, тремя звездами. В настоящее время наносят любой рисунок, иногда — пятиконечные звезды. На бучкигидж можно видеть рога горного козла, положенные хозяином «на счастье». К этой перекладине привязывают тушу убитого на охоте горного козла или зарезанного барана, когда снимают шкуру. Кровь стекает на пол. Данный обычай, широко распространенный в прошлом, можно рассматривать как своего рода жертвоприношение духам предков, духам — покровителям домашнего очага. Следы почитания домашнего очага находили отражение и в других обрядах. После окончания постройки нового жилого дома хозяин брал немного золы из очага старого дома и переносил ее в очаг нового дома; невеста, прощаясь с родным домом, кланялась очагу и брала с собой горсть золы; жених тоже кланялся очагу перед поездкой за невестой и т. п.

В стенах укрепляют балки потолка — поперечные и продольные, а пространство между ними заполняют досками или небольшими брусками. Двери навешивают на шипах, которые входят в выдолбленные в притолке и пороге пазы. Деревянные двери раньше часто украшали резьбой.

Внутри дома по его трем стенам сооружают глинобитные (на каменном фундаменте) нарты (*нэх*), которые разделены на несколько частей небольшими (до 15 см) возвышениями — валиками; каждая часть имеет свое назначение. Эти нарты обрамляют узкое пространство земляного пола.

⁸² И. Мухиддинов. Памир. «Вокруг света», 1972, стр. 36.

На середине одной из нар слева или справа от двери находится очаг (*кицор*). Он представляет собой углубление в нарах круглой или слегка овальной формы, расширяющееся книзу. Боковое отверстие служит топкой, топливом — кизяк, хворост; в прошлом топили «по-черному», без дымохода. Очаг служит как для отопления, так и для приготовления пищи. Женщины стряпают на нарах, вокруг очага и перед ним. На этих же нарах спала и теперь спит вся семья, причем на своих строго определенных местах. Днем на нарах, обычно у торцовой стены, работают мужчины, там же прежде стоял и ткацкий стан. В углу ближе к двери размещали утварь и продукты.

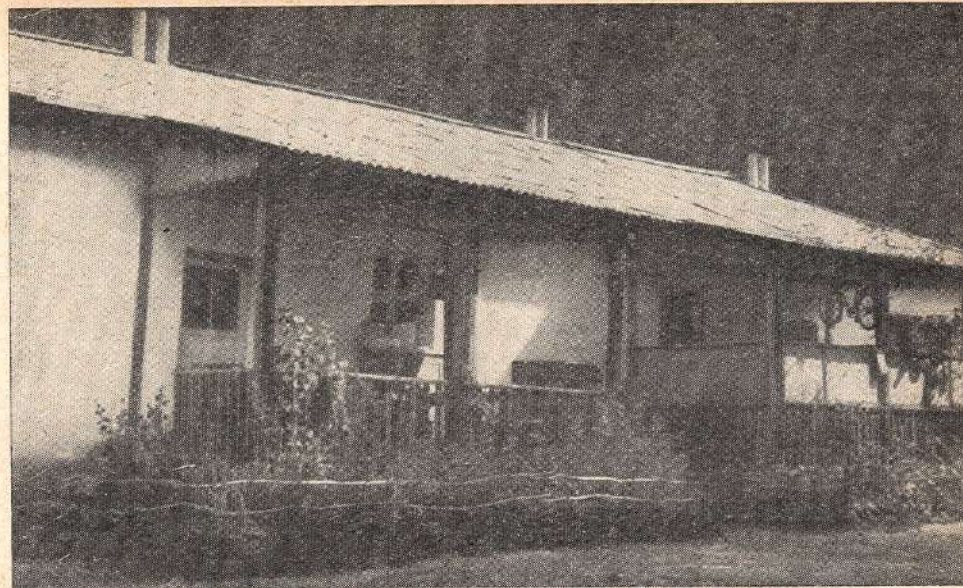
Одежду хранили в деревянных сундуках или круглых коробках. Нары застилали паласами, на сундуки складывали кошмы и ватные одеяла. Жилище освещалось огнем от очага или светильником типа лучины (прут, обмазанный составом, в который входят зерна льна, вставлялся в деревянную подставку и укреплялся на столбе).

Небольшие различия в интерьере традиционного жилища припамирских народностей носят частный характер. Так, у шуганцев все нары застилают паласами, а в Рушане нары против двери не застилают, объясняя это тем, что на них кладут умерших. В Шугнани и Рушане нех невысокий (за исключением того, где помещался очаг), а в Вахане — намного выше и имеет более высокие валики между отделениями.

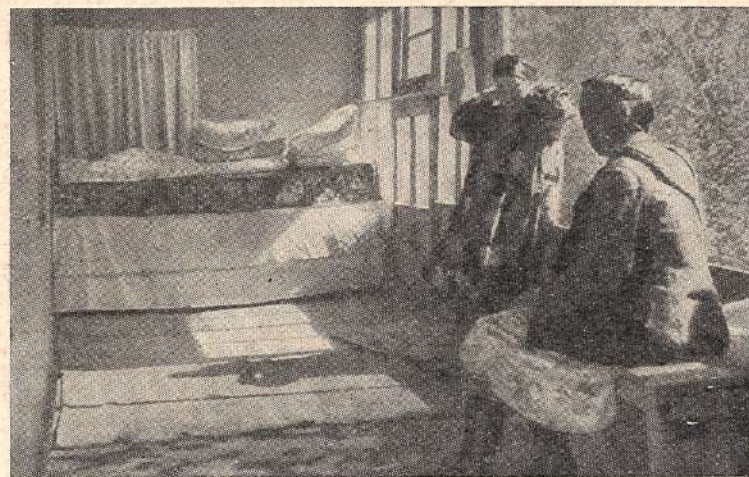
Хозяйственные постройки (хлевы, конюшни, кладовые) обычно примыкают к дому очень тесно, так что имеют смежные стены и кровли их сливаются в одну. Иногда амбары ставят отдельно, используя каменную глыбу как фундамент. Изредка их устраивают на крыше.

Народное жилище припамирских народностей принадлежит к общему типу горного жилища, распространенного у горных таджиков Дарваза (особенно Ванча и бассейна р. Хингоу с его «арзынгской разновидностью» — тремя центральными столбами и расположением очага ближе к входной двери в одном из углов), населения Афганского Бадахшана, Читрала, Мунджана⁸³.

⁸³ А. А. Бобринской. Горцы верховьев Пянджа, стр. 72—77; O. Olufsen. Through the unknown Pamirs, Vaskan and Garan. London, 1904, стр. 76—77; A. Hamilton. Afghanistan. London, 1906, стр. 165—167; И. И. Зарубин. Материалы и заметки по этнографии горных таджиков..., стр. 120—121; Н. А. Кисляков. Патриархальная семья у таджиков долины Ванджа. Сб. «Вопросы истории доклассового общества». М.—Л., 1936, стр. 764—765; он же. Жилище горных таджиков бассейна р. Хингоу, стр. 163—170; А. Н. Кондауров. Патриархальная домашняя община и общинные дома у янгобцев. М.—Л., 1940; Бурхан-уд-Дин-хан-и-Кушкеки. Каттаган и Бадахшан. Ташкент, 1926, стр. 141—188.

1

2

Рис. 13. Жилой дом нового типа

1 — общий вид дома в кишлаке Рошткала, Шугнанский р-н (фото В. Агафонова); 2 — современная терраса, кишлак Поршнево, Шугнанский р-н (фото Р. Разинчевой)

Устойчивое бытование этого типа жилища на Западном Памире объясняется суровыми горными климатическими условиями, сейсмичностью местности, замедленным в прошлом развитием общественных отношений (с длительным сохранением пережитков больших патриархальных семей) в силу былой обособленности припамирских народностей от развитых культурных центров Средней Азии и сопредельных стран.

Социалистические преобразования хозяйства и культуры оказали свое влияние и на жилище. Тип традиционного дома, хорошо приспособленного к суровым горным климатическим условиям, остается и теперь основным типом сельского жилища. В настоящее время произошло уменьшение размеров усадьбы, главным образом за счет уменьшения площади самого жилого дома в результате разделения больших семей и сокращения числа хозяйственных построек (например, теперь конюшен на усадьбе не строят, так как лошади обычно принадлежат колхозу и содержатся в общественных конюшнях). У всех припамирцев строят отдельные помещения для гостей — пристройки *куш-хона*. Они имеют не сообщающийся с жилым домом небольшой узкий проход и чрезвычайно расширенные нары, превратившиеся почти в несколько приподнятый над *пойга* второй пол. Здесь на паласах и кошах, застилающих нары, принимают и угощают гостей, а также живут молодожены. В этих пристройках появилась мебель городского типа: столы, стулья, этажерки, металлические кровати с сетками, матрацами, диваны и т. п. Обогревают такую комнату железной печью с выведенной через крышу железной трубой. Стены обмазывают глиной снаружи и внутри и обязательно белят. Именно в этих пристройках раньше, чем в жилом доме, начали делать застекленные окна, которые сначала были глухими и не открывались. Окна стали занавешивать тюлевыми занавесками, стены украшать фотографиями членов семьи, коврами, а нижнюю часть стен (до 80—100 см от пола) обтягивать, как это делается в домах всех таджиков и узбеков, пестрой хлопчатобумажной материей.

С начала 1960-х годов на Памире широко распространились современные приемы строительной техники, новые материалы (шифер для крыш, стекло для оконных рам, деревянный пол и т. д.). Совершенствуется и конструкция жилища.

Открытый очаг, отапливавший помещение «по-черному», в настоящее время почти во всех домах имеет дымоход — отводную железную трубу, проходящую под нарами и нагревающую их. Дым отводится через специально сделанное дымовое отверстие в крыше или через отверстие, образуемое *чор-хоной*. Топка за-

крыта железной дверцей. Деревянный щит, которым закрывали свето-дымоотводное отверстие *чор-хоны*, с середины 1950-х годов повсеместно вытесняется стеклянной двускатной рамой.

Стены жилого дома и снаружи, и внутри обмазывают глиной и белят; в некоторых жилищах низ внутренней поверхности стен до 40—60 см над уровнем нар окрашивают светлой масляной краской (иногда в рисунок). Двери делают современной конструкции — на железных петлях. Открытые с одной или двух сторон террасы перед домом у многих превратились в современные застекленные веранды. Теперь в колхозных селениях строят дома с окнами. Застекленные глухие рамы заменяются створчатыми, часто имеющими форточки. Внутри помещения в нишах стен и перегородок устраивают стенные шкафчики для посуды, книг и т. п.

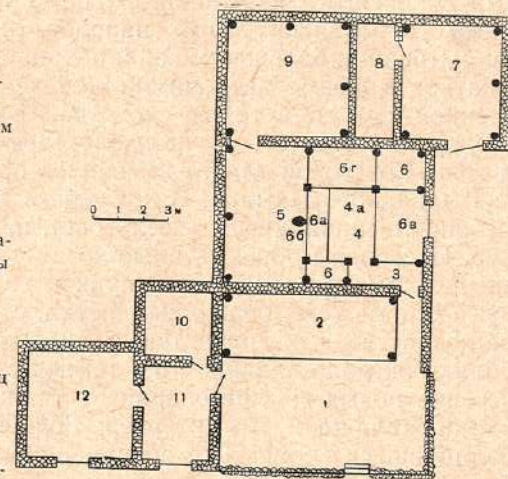
Большинство кишлаков электрифицировано и радиофицировано. Население широко пользуется различными бытовыми электроприборами: электроступами, электроплитками и т. д.

Национальный колорит придают жилищу его традиционная конструкция со ступенчатым сводом и нарами, расположенными вдоль трех стен.

Для убранства современного жилища характерно сочетание традиционных национальных элементов с элементами таджикской и общесоветской культуры: домоткаными паласами пользуются наравне с фабричными коврами, расстеленными на нарах, а в теплое время года — во дворе, на глинобитных суфах

Рис. 14. План усадьбы, кишлак Миденшор, Шугнанский р-н (рис. автора)

- 1 — сад (*боф*);
- 2 — глиняная суфа (*дакон*);
- 3 — тамбур перед входом в жилое помещение (*дведэбо*);
- 4 — жилое помещение, дом (*чид*);
- 4а — пол (*пойга*);
- 5 — нары с очагом (*кэчоч нэх*);
- 6 — нары (*нэх*);
- 6а — ларь для топлива перед очагом (*чалак*), там же нары перед очагом (*чалакин*);
- 6б — очаг (*кичор*);
- 6в — бар *нэх*;
- 6е — воз *нэх*;
- 7 — хлев для коровы и овец (*хэб*);
- 8 — помещение для дров (*жиб*);
- 9, 10 — кладовые (*магла*);
- 11, 12 — комнаты для гостей (*куш-хона*)

или деревянных диванов квадратной формы, имеющих с трех сторон спинки; окна в стенах сочетаются со свето-дымовым отверстием под застекленной рамой; традиционные новогондние рисунки на деревянных частях каркаса, а также орнаментированная солярными знаками деревянная доска с развешанными на стенах фотографиями родственников и друзей; глиняные кувшины, миски и другая утварь бытуют вместе с посудой фабричного производства, постепенно вытесняясь последней; ручная прялка — со швейной машиной. Горка сложенных по традиции постельных принадлежностей на нарах или на деревянном сундуке покрыта часто покупными пикейными покрывалами белого, голубого и других цветов; часто можно видеть теперь в доме памирца не только копушные шелковые таджикские сюзани, но и кружевные накидки, занавески, заимствованные от русских. Причем нередко эти кружевные изделия — собственного изготовления. Местные длинные прямоугольные подушки (*такья*) встречаются редко, их вытесняют квадратные, заимствованные, как и постельное белье, от русских непосредственно или через таджиков. Пищу в настоящее время готовят как на очаге, так и на электроплитке.

Появились и новые стандартные жилища, сооружаемые по типовым проектам не только в г. Хороге, но и в районных центрах. Традиционные элементы в этих жилищах сохраняются только во внутреннем убранстве (рис. 13).

Этнографическое изучение типов поселений и жилища у припамирских народностей позволяет прийти к заключению о том, что известная нам общность их происхождения с горными таджиками Дарваза и Бадахшана, сходство уровней социально-экономического развития у этих народов, выразившиеся в длительном бытовании большесемейной патриархальной общины и ее пережитков в форме патронимии (ее последней стадии — неразделенной семьи), а также сходство географического положения обусловили общность типов их поселений и жилища (рис. 14). За годы Советской власти изменился облик высокогорного кишлака Западного Памира. В колхозном кишлаке появились центры общественной жизни — сельсовет, правление колхоза, школа, клуб. Построены общественные хозяйственные помещения, магазины, открыты медицинские пункты, а в более крупных селениях — кроме того, больницы, аптеки, отделения связи. Расширение хозяйственных контактов с таджиками других районов республики оказало влияние и на замену строительных материалов, внесение новых заимствований от таджиков и русских в конструкции жилища и его интерьер. Современное жилище сочетает традиционные элементы с современными чертами таджикской и общесоветской культур.

Народная одежда

Национальную одежду припамирских народностей описывали многие авторы⁸⁴, однако в отличие от жилища специальных исследований по этой теме нет.

Одежда характеризуется общностью покроя; сходны элементы ее традиционного комплекса и материалы, из которых шили одежду. В прошлом это были исключительно материалы домашнего производства: домотканая из овечьей шерсти — ткани *гиллим* для халатов, а также овчины, кожа. Из привозного хлопка в Язгулеме, Ванче, Рушане и Шугнана иногда сами ткали хлопчатобумажную материю для рубах.

Традиционный покрой мужских и женских рубах (*пирохан* или *курта*) — туникообразный: в основном в полотнище (*қад*), перекинутом через плечи на грудь и спину, прорезают отверстие для головы. К этому основному полотнищу пришивают боковые, расширяющиеся книзу в виде клиньев. Рукава (*зўр*) вшивные, суживающиеся к кисти. Под мышкой вставляют ластовицы — *кулфак*. У мужских рубах (в том числе и для мальчиков) ворот плотно прилегает к шее. От ворота вниз идет (слева или справа) вертикальный разрез. Ворот и края разреза обшивают тесьмой из ткани другого цвета. У шей ворот завязывают тесемками (*так*). Длина мужских рубах несколько ниже бедер. Носят рубахи без пояса поверх очень широких в шагу (от 120 до 135 см) штанов (*танбун*). Штанины прямые, длиной чуть ниже колен. В холодное время года носят распашные без пояса шерстяные халаты, называемые, как и ткань, из которой они сшиты, — *гиллим*. Халат состоит из двух полотнищ, перекинутых через плечи и сшитых на спине. Рукава и боковины пришиваются так же, как и на рубахах.

Женские платья-рубахи отличаются от мужских длиной (ниже колен) и разрезом, который сделан по середине груди. Ворот, обшитый, как и разрез, тесьмой другого цвета, завязывают тесемками у шеи.

⁸⁴ А. А. Бобринской. Горцы верховьев Пянджа, стр. 52—53; И. И. Зарубин. Обувь горных таджиков долины Бартанга. «Сб. МАЭ», т. III. Пг., 1916; он же. Материалы и заметки по этнографии горных таджиков..., стр. 134—139; М. С. Андреев. Орнамент горных таджиков верховьев Аму-Дарьи и киргизов Памира, стр. 17—18; он же. Таджики долины Хуф, ч. II, гл. X; Л. Ф. Моногарова. Материалы по этнографии язгулемцев, стр. 30—36; Полевые записи автора 16, 19, 20—28.X 1964 г., сельсовет Поршнев Шугнанского р-на; 30.X 1964 г., кишлак Рушан Рушанского сельсовета Рушанского р-на; 18.X 1965 г., г. Хорог; 18.IX 1966 г., кишлак Вранг Врангского сельсовета Ишкашимского р-на; 24.IX 1966 г., кишлак Миденшор Поршневского сельсовета Шугнанского р-на; 29.IX 1966 г., кишлак Басид Басидского сельсовета Рушанского р-на; 10—14.X 1967 г., кишлак Рошткала Рошткалинского сельсовета Шугнанского р-на.

У женских шаровар (*тамбун*) штанины длиннее мужских, они суживаются к щиколотке, так что при этом получается напуск. В отличие от горных таджиков Дарваза и других районов Таджикистана⁸⁵ у припамирских народностей возрастных различий в одежде немного. В Язгулеме покрой детской одежды почти повторяет взрослую, только женщины носили шаровары до щиколотки, с напуском, а девушки — выше щиколотки и платье короче, чем женское. У других припамирских народностей девочки до 5 лет ходили в рубахе с закрытой грудью, с воротом «по шейке» и разрезом на плече, а с 5 лет им делали, как и у взрослых, разрез на груди. Из Афганского Бадахшана заимствованы бархатные женские пальто и безрукавки. Их носили в основном ваханки, ишкашимки и шугнанки долины Шахдары.

В холода мужчины в высокогорных долинах и верховьях рек надевали овчинные шубы (*пустйн*) покроя распашного халата.

Летом почти все ходили босиком, иногда в Вахане и Шугнана носили обувь типа сандалий (*нопуш*). Эти сандалии состояли из деревянной подметки на небольшом каблучке и тесемки. Тесемкой, которая проходила между большим и остальными пальцами, укреплялись сандалии на ноге. Обувь этого типа широко распространена в Индии, Пакистане, Афганском Бадахшане. Зимой и осенью ходили в обуви типа сабо — долбленных из целого куска дерева туфлях (*кафх*), имеющих три выступа на подошве (один — на пятке, два — на подошве ближе к пальцам), иногда с воткнутыми металлическими шипами для удобства хождения по горным тропам. Эта обувь была заимствована из Дарваза и широко распространилась в Язгулеме, Рушане, Бартанге, Шугнана. Встречалась она и в Афганском Бадахшане, Читрале, Мунджане⁸⁶.

Шерстяные носки, как уже упоминалось выше, пользуются известностью далеко за пределами Западного Памира. Носок укрепляется на ноге тесемкой из цветных шерстяных нитей, продернутой через петли верха носка, и специальной завязки у щиколотки. Выступающая из обуви верхняя часть носков украшена богатым орнаментом⁸⁷. Выделить специфику орнамента на носках у отдельных народностей Западного Памира довольно

⁸⁵ Сравни: С. П. Руслякина. Народная одежда таджиков Гармской области Таджикской ССР. «Среднеазиатский этнографический сборник», т. II. «Труды ИЭ АН СССР», т. XLVII. М., 1959, стр. 152—214; З. А. Широкова. Одежда таджиков горного Таджикистана. Автореф. канд. дисс. Душанбе, 1971.

⁸⁶ М. С. Андреев. Таджики долины Хуф, ч. II, стр. 259.

⁸⁷ М. С. Андреев. Орнамент горных таджиков верховьев Аму-Дарья и киргизов Памира.

трудно, так как именно в данном элементе национальной одежды отмечается усилившееся взаимовлияние этих народностей. Поверх носков надевали *пéx* — кожаные, сшитые наподобие чулок сапоги на мягкой подошве.

В Рушане сапоги шили короткие, но вязали длинные носки; в Шугнанае и сапоги, и носки делали длинные, в Язгулеме — сапоги и длинные, и короткие.

Охотники для хождения по глубокому снегу и скользкому насту надевали специальное приспособление с шипами типа ступательных лыж — из дерева, кожи и рога.

Шугнанцы и ваханцы в прошлом обычно носили памирской формы (круглые, с прямым околышем и плоским верхом) тубетейки (*токе*) разных цветов; рушанцы — чаще белый длинный, сшитый из сукна колпак (*паколь*), края которого при носке закатывали, и шапку из овчины (*гальпак*).

Основным головным убором женщин всегда было и остается теперь большое, от 1,5 до 2 м длиной и до 1 м шириной, покрывало, которое набрасывают на голову, а концами закрывают спину и грудь. Ишкашимки и ваханки носили также и тубетейки.

В настоящее время женщины почти все расчесывают волосы на прямой пробор. Девочки заплетают волосы в две косы, перекидывая их на грудь, а девушки и молодые женщины вплетают в косы две маленькие косички, идущие от висков, и две — от макушки. От места вплетения маленьких косичек в основные косы вплетают заимствованные из Дарваза искусственные шерстяные косы⁸⁸ (*печак*), концы которых связаны вместе и оканчиваются у девушек и молодых женщин кисточками, а у старух — просто узлом. Когда у женщины начинают сесть волосы, она заменяет красные косы на черные и завязывает их на концах в узлы. Во время траура все вплетают черные косы. У девушек и молодых женщин косы свешиваются вдоль спины, а у старух — на грудь. Девушки и молодые женщины оставляют у висков по 2—3 свободно вьющихся локона (*каҗак*). Теперь некоторые девочки и девушки носят короткую стрижку, а женщины собирают волосы в большой пучок на затылке.

Мужчины раньше брили головы и щеки, носили усы и бороды. Теперь большинство мужчин бреют не голову, а усы и бороду, молодые делают модную стрижку.

Распространены различные украшения — ожерелья из бус,

⁸⁸ М. С. Андреев. Таджики долины Хуф, ч. II, стр. 251.

часто кораллов, попеременно со старинными монетами, серьги, браслеты и кольца. Наиболее излюбленным из шейных украшений является местное ожерелье (*цемак*). Узор его каждая женщина и девушка подбирает на свой вкус из белых, черных и красных мелких бусин или бисера. Это украшение, плотно охватывающее шею, можно рассматривать как продолжение ворота платья.

Старинная традиционная одежда припамирских народностей наиболее древнего туникообразного покроя имела много общего с одеждой соседних таджиков Афганского Бадахшана и горных таджиков, особенно Дарваза.

За годы социалистического строительства с улучшением материального положения населения в национальной одежде произошли значительные изменения. В первые годы Советской власти фабричные ткани вытеснили дмотканые, но в одежде сохранился традиционный туникообразный покрой. Постепенно в costume припамирских народностей начинает проявляться влияние общесоветской, главным образом городской, культуры, распространяется одежда фабричного производства и заимствуются некоторые новые элементы, ставшие характерными для одежды таджиков других районов республики.

1

Рис. 15. Современная одежда

- 1 — современная одежда старой женщины, Шугнанский р-н (фото Р. Разинчевой);
 2 — Низорабегим Бахромова с мужем, детьми и семьей старшей дочери, Рошткала, Шугнанский р-н (фото В. Агафонов);
 3 — семья Саиддесо Мансурова, кишлак Миденшор, Шугнанский р-н (фото М. Мечева)

2

3

Современной одежде припамирских народностей свойственно различное сочетание элементов национальных, традиционных с современными общесреднеазиатскими и общесоветскими. Мужчины никогда прежде не носили ватные халаты, а только шерстяные и овчинные шубы, запахивали их слева направо. В 1940-е годы на Западный Памир стали завозить стеганные ватные халаты — *чапан* фабричного производства, распространенные у других народов Средней Азии, и мужчины начали их носить, подпоясывая поясом-платком, как таджики и узбеки. Однако уже в 1950-е годы почти все молодые мужчины и особенно юноши — учащиеся старших классов, студенты училищ — перешли на городскую одежду фабричного изготовления. Широко распространились белье, костюмы, брюки (в том числе галифе, спортивные), рубашки, обувь, плащи, пальто, кепи, фуражки, шляпы, зимой — ушанки. С этого же времени ватные халаты начали носить старики и старухи (рис. 15). Шерстяные местные *гилым* с 1960-х годов почти перестали шить, хотя в белом варианте они еще долго бытовали как обрядовый, свадебный костюм жениха. В настоящее время часто и в этих случаях его заменяет модный костюм.

Деревянная обувь вышла из употребления; носят сапоги фабричного производства, ботинки, полуботинки, сандалеты. Иногда, особенно старики, надевают вместо обуви резиновые калоши (глубокие, остроносые, среднеазиатского типа).

В одежде сельских жителей сочетание местных традиционных элементов с новыми проявляется и в рабочем костюме: так, для работы в поле надевают рубашку, брюки, иногда ватник, шерстяные носки и сапоги на мягкой подошве; на голову — тюбетейку. Шерстяные халаты, овчинные шубы, шерстяные носки и местного типа сапоги главным образом носят чабаны.

С конца 1930-х — начала 40-х годов у женщин платье-рубаха местного покроя постепенно заменилось платьем-рубахой общесреднеазиатского типа — *камарчи* (отрезное, на кокетке, к которой пришивается в сборку нижняя часть, с воротом-стойкой). Это платье сначала носили лишь молодые девушки и женщины, а с конца 1940-х годов — и многие старухи; тогда же молодые женщины начали шить отрезное на кокетке платье с отложным воротником. Платья шьют из среднеазиатского шелка, крепдешина, панбархата, шерсти, бархата, плюша. Женщины покупают шерстяные вязаные кофты фабричного производства, свитеры, демисезонные и зимние пальто, теплые пуховые и шерстяные платки. Чулки, носки, обувь также фабричного изготовления,

последняя чаще на невысоком каблуке. Девушки в качестве выходной имеют модную модельную обувь. В конце 1940-х годов молодые женщины начали носить тюбетейки памирского типа, с 1950-х годов — вышитые таджикские. Старухи с этого же времени также носят тюбетейки памирского типа. Летом ходят в тюбетейках, легких косынках, а иногда, как и многие мужчины, без головного убора.

На работу в поле женщины выходят в нарядных платьях, на ногах у них часто можно видеть надетые поверх чулок женские фабричные сапожки.

У молодых женщин и девушек широкое распространение получили узкие и короткие (8—10 см ниже колен) шаровары, которые называют здесь *стиль*, а женщины средних лет и старухи стали шить узкие шаровары, доходящие до щиколоток. Как и у девушек, концы штанинок они обшивают вышитой цветными нитками каймой — *шерози* по таджикскому образцу, а традиционного покроя шаровары с напуском сейчас уже почти не встречаются. В теплое время года шаровар поверх нижнего белья не надевают, в холодное же время их носят, заправляя в чулки, затем надевают сапоги, нередко даже валенки. Школьницы часто ходят в длинных спортивных шароварах (обычно из черного или синего сатина).

По одежде и мужчины, и женщины, за исключением жителей высокогорных отдаленных кишлаков, почти не отличаются в настоящее время от городского населения других областей Таджикистана и в целом Средней Азии.

Несмотря на чрезвычайную в прошлом географическую изолированность, население Западного Памира все же имело связи с соседними народами. Общность происхождения припамирских народностей с таджиками Дарваза и Бадахшана обусловила массовое бытование древнего туникообразного покроя традиционной одежды припамирских народностей еще в первые годы Советской власти. Отдельные элементы одежды в процессе культурного заимствования проникали к припамирским народностям и с юга — из Индии и Пакистана (например, сандалии ваханцев и шугнанцев *попуш* или вязанье крючком), и с севера — из равнинных районов Средней Азии (деревянные туфли на трех шипах *кафх*). Таким образом, в результате взаимовлияний культур и в отдаленные высокогорные долины Западного Памира проникали отдельные элементы культуры соседних народов.

Изучение этнографических данных советского периода свидетельствует, что припамирские народности в современных условиях расширения контактов с таджиками и другими народа-

ми Средней Азии, а также с русскими усваивают элементы не старой, отживающей, традиционной культуры этих народов, а в первую очередь — современные элементы их развивающихся национальных культур, т. е. те черты, которые принято называть общесоветскими. В частности, все больше входят в быт городские формы мужской и женской одежды, домашней утвари и т. д.

Можно с уверенностью говорить о том, что в настоящее время процесс сближения на общей экономической основе припамирцев с таджиками других, особенно горных, районов Таджикистана завершается. Для материальной культуры припамирских народностей на современном этапе ее развития характерно сочетание традиционных элементов, приспособленных к специфическим природным условиям Западного Памира, с элементами современной таджикской национальной и общесоветской культуры.

3

Изменение семейного быта припамирских народностей под влиянием социалистической культуры

Развитие современной формы семьи

Господство натурального хозяйства, крайняя отсталость и замкнутость жизни, зависимость от Бадрахшана, а позже от Афганистана и Бухарского ханства способствовали сохранению у народностей Западного Памира патриархально-феодалных отношений вплоть до начала XX в.

Социально-экономической ячейкой общества в то время была, как правило, большая патриархальная семья¹ (в поздней стадии развития — неразделенная семья²), состоящая из двух,

¹ Семья у припамирских народностей (и большая патриархальная, неразделенная, и малая) называется одним термином.

² В этнографическом изучении семьи большая заслуга принадлежит О. А. Сухаревой и М. А. Бикжановой, отметившим существование у узбеков во второй половине XIX — начале XX в. переходной формы семьи, названной ими, на наш взгляд, очень удачно — «неразделенной». По их мнению, неразделенная семья отличается от большой патриархальной семьи тем, что состоит из двух поколений: старшее — отец и мать, второе — женатые сыновья. Такая новая форма семьи — неразделенная — возникла, по их мнению, в процессе разложения большой патриархальной семьи и превращения ее в малую. Однако выделять в истории развития семьи новую форму и считать неразделенную семью одной из самостоятельных форм семьи неправомерно, так как экономическая основа неразделенной семьи и большой патриархальной одинакова, это — коллективная семейная собственность на землю и другие средства производства: орудия труда, рабочий скот и т. п. Кроме того, часто в такой семье есть и третье поколение — малолетние дети женатых сыновей. В связи с рассмотрением вопроса о развитии семьи мы считаем необходимым подчеркнуть, что большая патриархальная семья не «превращается в малую», а малая семья возникает в результате распада большой семьи и уже на новой экономической основе. См.: О. А. Сухарева, М. А. Бикжанова. Прошлое и настоящее селения Айкыран. Ташкент, 1955, стр. 173—177. См. работы о семье народов Средней Азии, в том числе Таджикистана; Н. А. Кисляков. Большая патриархальная семья у таджиков долины Ванджа. Сб. «Вопросы истории докалассового общества». М.—Л., 1936; М. С. Андреев. Таджики долины Хуф, ч. I. Сталинабад, 1953, стр. 179; Л. Ф. Моногарова. Материалы по этнографии язгулемцев; А. К. Писарчик. Припамирские таджики. В кн.: «Народы Средней Азии и Казахстана», т. I. Серия «Народы мира». М., 1962, стр. 676—679; Л. Ф. Моногарова. Семья и семейный быт. Сб. «Этнографические очерки узбекского сельского населения». М., 1969; Г. П. Васильева. Преобразование быта и этнические процессы в Северном Туркменистане. М., 1969; Я. Р. Винников. Хозяйство, культура и быт сельского населения Туркменской ССР. М., 1969; Э. Г. Гафферберг. Белуджи Туркменской ССР. Л., 1969, и др.

реже — трех поколений и обычно из двух или более брачных пар.

Неразделенная семья представляет собой, по нашему мнению, последнюю стадию в развитии большесемейной патриархальной общины в переходный период разрушения больших семей и становления малых. Население припамирских областей, как отмечалось выше, в XVIII—XIX и начале XX в. платило подати и натуральный оброк правителям Бадахшана, Дарваза или эмиру бухарскому, кроме того, отрабатывало барщину местным феодалам и производило сборы Ага-хану с каждого дома (т. е. хозяйства). «Подымный» налог, взимаемый с каждого хозяйства, т. е. с семьи независимо от числа ее членов, несомненно, содействовал сохранению неразделенных семей.

Основу кишлачной общины — *кабиль* на Западном Памире составляли семейно-родственные группы, иначе патронимии³, включавшие большие патриархальные семьи (в последней стадии их развития — неразделенные) и небольшое число малых семей. Семьи, входившие в такие патронимии, называемые *авлод* (у язгулемцев *каум*, у шугнанцев *гирӯ*, *гру*, у ваханцев *тухм*, у ишкашимцев *кында*), были связаны агнатным родством. Между патронимиями, жившими поблизости друг от друга, существовали тесные соседские отношения; они оказывали друг другу взаимную помощь — *кырыар* в сельскохозяйственных работах, выпасе скота, облавной охоте, при постройке жилого дома и хозяйственных помещений и т. п. Члены одной патронимии, кроме того, помогали взаимно в различных семейных событиях (свадьба, рождение ребенка, похороны и т. п.).

Идеологическая общность патронимии выражалась в признании авторитета и власти ее главы — старейшего родственника. С ним советовались главы семей по различным хозяйственным и бытовым вопросам, в его доме совершали молитвы духам предков, так как все сменявшие друг друга главы патронимии являлись потомками общего предка, жившего несколько поколений (до 10—12) назад. Каждая патронимия имела свое кладбище или определенное место на кладбище (в больших селениях, где жили две, три и более патронимические группы). В Язгулеме еще в 1950-е годы глава патронимии был обязан собственноручно опустить в могилу умершего мужчину. На похороны и поминки родственников, как и на другие семейные события, все семьи одной патронимии собирались без специального приглашения.

³ М. О. Косвен. Семейная община и патронимия. М., 1963; Л. Ф. Моногарова. Материалы по этнографии язгулемцев, стр. 11—12, 23, 37—38, 51—55.

Хозяйственная общность патронимии выражалась, по словам информаторов⁴, в том, что земля прежде считалась ее нераздельной собственностью. По мере увеличения числа семей в патронимии пахотную землю стали делить между ними. К середине XIX в. пашни превратились в частную собственность семьи. Пастбища, леса и вода все время, вплоть до организации колхозов, оставались в общем пользовании патронимии (если селение было небольшое и в нем патронимия и сельская община совпадали) или всей кишлачной общины (если пастбища были обильные и селение крупное, состоящее из нескольких патронимий).

Экономической основой большой патриархальной семьи (в ее позднейшей форме — неразделенной), так же как и малой, являлись земля, рабочий скот и орудия производства. Каждая семья представляла собой производственный коллектив, все члены которого по указанию главы выполняли определенную работу в зависимости от своих способностей.

Причинами, вызвавшими разделы семей, явились дальнейшее социально-экономическое развитие, проникновение товарно-денежных отношений, увеличение роли отходничества, дающего возможность отдельным брачным парам накапливать личные средства. При разделе выделявшаяся семья получала (в зависимости от состояния) некоторую часть мелкого рогатого скота (овец и коз), несколько коров (и, если были, яков), а также несколько паласов, котел для приготовления пищи, деревянную и глиняную посуду. Все мужчины семьи сообща строили выделявшемуся дом.

По обычному праву лучший участок пахотной земли при разделе доставался старшему сыну, а усадьба с отцовским домом — младшему. С ним по обычаю должны были жить и родители.

Исследователи отмечают многочисленность членов семей у припамирских народностей. Собранные полевой и архивный материалы⁵ убедительно свидетельствуют, что число членов семьи

⁴ Полевые записи автора 24.X 1964 г., кишлак Лянгар Рушанского сельсовета Рушанского р-на; 29.X 1964 г., кишлак Вомар Рушанского сельсовета Рушанского р-на; 18, 19.X 1965 г., г. Хорог; 28.IX 1967 г., кишлак Вомар Рушанского сельсовета Рушанского р-на; 29.IX 1967 г., кишлак Барзуд Рушанского сельсовета Рушанского р-на; см. также: Л. Ф. Моногарова. Материалы по этнографии язгулемцев, стр. 54—55.

⁵ Полевые записи автора за 1964—1967 гг., хранящиеся в архиве Ин-та этнографии АН СССР; Архив востоковедов, ф. 116; Архив Статистического управления Таджикской ССР, переписные листы Всесоюзной переписи населения 1959 г.; колхозная подворная книга колхоза «Рушон» Рушанского р-на за 1967 г.; похозяйственные книги: за 1966 г. сельсоветов Поршнев Шугнанского р-на и Вранг Ишкашимского р-на; за 1967 г. — сельсовета Рошткала (по колхозу «Соле») Рошткалинского сельсовета Шугнанского р-на.

далеко не всегда определяет ее форму. Определяющими факторами при отнесении семьи к той или иной форме являются, на наш взгляд, не численный ее состав и даже не число поколений, живущих вместе, а форма семейной собственности на землю и имущество и число брачных пар. Большая патриархальная семейная община основывается на коллективной общинной форме собственности. Неразделенная семья, являющаяся последней ступенью развития большой патриархальной семьи, наряду с коллективной собственностью на землю и имущество имеет и зачатки частной собственности на имущество у брачных пар, формирующихся в недрах этой семьи в малые индивидуальные семьи. Многочисленная семья (свыше 10—15 человек) может состоять только из двух поколений — родителей и их малолетних детей, т. е. представлять собой малую семью; в то же время малочисленная семья (в 6—8 человек) может состоять из двух или трех поколений, включать родителей с детьми и одного их женатого сына или родителей и двух женатых сыновей с внуками и являться по форме неразделенной семьей, так как сообща владеет землей и обрабатывает ее, вместе питается, хотя каждая брачная пара имеет и небольшое собственное имущество.

Для характеристики процесса распада неразделенных семей нами составлены таблицы по некоторым кишлакам различных районов ГБАО. Выбор кишлаков определялся наличием архивных материалов⁶, позволивших сравнить наши данные 1959 г. с материалами 1902 г. Были выбраны кишлаки: Вир — сельсовета Вир Шугнанского р-на и Вранг — сельсовета Вранг Ишкашимского р-на. Поэтому названные кишлаки, а также кишлак Миденшор Поршневого сельсовета Шугнанского р-на, кишлак Рушан Рушанского сельсовета Рушанского р-на, кишлак Рошткала Рошткалинского сельсовета Шугнанского р-на служили стационарами при кустовом методе сбора материала. Табл. 1—4 позволяют судить об изменении численного состава семьи у припамирских народностей за последние 60 лет.

Приведенные материалы говорят о тенденции уменьшения численности семей, как можно предположить, главным образом неразделенных.

Учитывая данные литературных источников⁷, характеризующих семейный быт припамирских народностей, рассмотрим ста-

⁶ Архив востоковедов, ф. 115, л. 7.

⁷ Кроме приведенных на стр. 103, см.: Д. Л. Иванов. Шугнан. «Вестник Европы», 1885, № 6—7, стр. 650—651; А. А. Бобринской. Горцы верховьев Пянджа, стр. 79—80; М. С. Андреев, А. А. Половцев. Материалы по этнографии иранских племен Средней Азии. «Сб. МАЭ», г. IX. СПб., 1911, стр. 20—21; Бурхан-уд-Дин-хан-и-Кушкеки. Катта-

Таблица 1

Статистические сведения о семьях кишлака Вир за 1902 г. *

Имя главы семьи	Число членов семьи				Всего
	мужчин	женщин	мужчин и женщин старше 50 лет	детей до 12 лет	
Хер-Мамад	3	3	—	1	7
Айом-Бек	3	2	1	4	9
Мухтар	3	3	1	5	11
Галомб-Ша	2	2	—	4	8
Асоль-Бек	2	2	—	3	7
Ры-Джип	4	5	1	5	14
Амур-Бек	3	2	1	5	10
Мазор	4	4	1	5	13
Самд-Амат	4	4	—	4	12
Саид-Зульфekar	3	2	1	4	9
Карамша	3	3	2	6	12
Мирза-Ша	4	4	2	5	13
Киммот-Ша	4	4	2	4	12
Алим-Ша	3	3	—	3	9
Нур-Дин	3	4	2	3	10
Ша-Давлет	4	4	2	7	15
Низраб-Ша	6	6	2	11	23
Мостан-Ша	3	4	2	7	14
Шокар-Бек	7	7	—	6	20
Зариван-Ша	2	3	1	1	6
Шанос-Рыдыл	3	3	2	3	9
Симик	4	3	2	4	11
Итого	77	77	25	100	254

* Архив востоковедов, ф. 115.

тистические данные по кишлаку Вир за 1902 г. (табл. 1). По числу мужчин и женщин в семьях можно полагать, что мы, вероятно, имеем дело в основном с неразделенными семьями, каждая из которых включает несколько взрослых мужчин и жен-

ган и Бадахшан. Ташкент, 1926, стр. 140—141; Н. А. Кисляков. Патриархальная семья у таджиков долины Ванджа. Сб. «Вопросы истории доклассового общества». М.—Л., 1936; он же. Язгулемцы. «Изв. Всесоюзного географического общества», т. 80, вып. 4, 1948, стр. 371; Л. Ф. Моногарова. Язгулемцы Западного Памира. СЭ, 1949, № 3, стр. 105—106; Т. Г. Абаева. Очерки истории Бадахшана. Ташкент, 1964, стр. 24—25, 27—28, и др.

Таблица 2*
Численный состав шугнанских семей кишлака Вир в 1902 и 1959 гг.

	1902 г.													Всего	
	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	20	23	человек	семей	
Число членов семьи	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	20	23	254	22	
Число семей	1	2	1	4	2	2	3	2	2	1	1	1			
% к общему числу семей	—	9,1	—	18	9,1	—	13,6	9,1	9,1	—	—	—			

	1959 г.													Всего	
	1	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	человек	семей	
Число членов семьи	1	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	430	60	
Число семей	3	5**	3***	3	10	6	11	7	4	5	2	1			
% к общему числу семей	—	—	—	—	16,6	10	18,3	—	6,7	8,3	3,3	—			

* Здесь и далее в таблицах показан только процент семей, наибольших по числу их членов.

** Из них 3 семьи рушанских.

*** Из них 1 семья рушанская.

щин, владеет определенным количеством скота и участком земли. Анализируя материалы 1959 г. (табл. 2), мы видим, что неразделенных семей в это время в кишлаке Вир было 16, что составляет 26,7% общего числа семей (60). Из этого числа неразделенных семей в пяти семьях (31,3%) совместно живут два женатых брата, а в 11 (68,7%) живут с отцом и ведут совместное хозяйство его женатые сыновья, причем семей, где с отцом живет один женатый сын (с потомством или без него), — восемь, а два женатых сына — три.

Структурный состав современных неразделенных семей шугнанцев интересен тем, что он показывает нарушение в настоящее время норм обычного права. По обычному праву с главой семьи не могли жить дети его сестер и дочери (вдовы или разведенные)

его, так как они должны были жить в семье своего отца; не могла проживать и сестра матери главы семьи. В настоящее время в таких семьях кроме родителей, их малолетних и не состоящих в браке детей, их женатых сыновей (с потомством и без него) живут иногда дедушка и бабушка главы семьи (или один из них), родные и двоюродные братья и сестры или дочь (вдова или разведенная), опдаленный родственник главы семьи с детьми или родственники по боковой линии — жена умершего брата главы с детьми, сестра матери, племянники (дети умершего или выехавшего куда-либо брата главы семьи или реже — дети его сестры от первого брака).

У ваханцев численность и состав семьи были рассмотрены на материалах кишлака Вранг (табл. 3 и 4).

В 1902 г. ваханская семья в кишлаке Вранг насчитывала в среднем 19 человек. Самая многочисленная состояла из 55 человек, самая малочисленная — из 7. В 1959 г. средняя семья состояла из 8,8 человек, наиболее многочисленная — из 21 человека (две семьи, или 2% от общего числа 100 семей); самая малочисленная — из 2 человек; их три (3%).

Таблица 3
Статистические сведения о семьях кишлака Вранг за 1902 г.*

Имя главы семьи	Число членов семьи						Всего
	мужчин		женщин		детей		
	младше 50 л.	старше 50 л.	младше 50 л.	старше 50 л.	мальчиков	девочек	
Джагиль	13	1	9	1	11	6	41
Рафи	2	1	1	1	2	1	8
Мабашир	4	1	4	2	3	1	15
Амра-хан	3	—	2	—	2	2	9
Саиб-Назар	6	1	6	1	3	2	19
Нияз-Бек	3	1	3	1	2	3	13
Мирабан	12	2	12	3	12	14	55
Измаил-Бек	4	1	4	1	3	2	15
Ниямат	3	—	2	1	2	—	8
Мир Али	1	1	1	1	2	1	7
Итого	51	9	44	12	42	32	190

* Архив востоковедов, ф. 116.

Таблица 4

Численный состав ваханских семей кишлака Вранг в 1902 и 1959 гг.

	1902 г.										Всего	
											человек	семей
Число членов семьи	7	8	9	13	15	19	41	55			190	10
Число семей	1	2	1	1	2	1	1	1				
% к общему числу семей	10	20	10	10	20	10	10	10				

	1959 г.																					Всего	
																						человек	семей
Число членов семьи	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19	20	21	835	100
Число семей	2	3	6	6	10	10	12	10	7	1	4	5	6	1	4	5	2	1	2	1	2		
% к общему числу семей	—	3	6	6	10	10	12	10	7	—	4	5	6	—	4	5	1	—	—	1	2		

Статистические данные по кишлаку Вранг на 1902 г. (см. табл. 3) так же, как и по кишлаку Вир, позволяют предполагать, что большинство семей ваханцев численностью от 15 до 55 человек были неразделенными.

В 1959 г. неразделенные семьи составляли в этом кишлаке 34%. Из них семей, в которых совместно проживали и вели хозяйство женатые братья, — 82,3%, женатые сыновья с семьей отца — 17,7%. Неразделенных семей двух женатых братьев — 21, или 61,8%; трех братьев — 4, или 11,8%; двоюродных братьев — 3 семьи, или 26,4%.

Структурный состав неразделенных семей ваханцев обычно следующий: совместно с главой семьи живут его родные и двоюродные женатые братья (с детьми или без них), родители (или один из них), престарелые дяди и тети (иногда в нарушение норм обычного права — с материнской стороны), малолетние и не состоящие в браке родные и двоюродные сестры и братья, племянники, иногда и женатые. Проживание в неразделенной

семье родственников по боковой линии (особенно двоюродных братьев с семьями) можно рассматривать как один из существенных пережитков патриархальной семейной общины. Самые многочисленные семьи в кишлаке Вранг (1902 г.), насчитывавшие 41 и 55 человек, возможно, представляли собой именно такие семейные общины.

Становление социалистических форм хозяйства, участие членов семьи в общественном производстве, обусловившем экономическую самостоятельность отдельных брачных пар в неразделенной семье, привели к формированию внутри нее малых семей и последующему их выделению.

Малые семьи в настоящее время включают обычно родителей, их малолетних или не состоящих в браке детей, часто престарелых родителей главы семьи (или одного из них, малолетних или не состоящих в браке братьев и сестер главы семьи).

Приведенные материалы позволяют сделать предположение об изменении основной формы семьи у припамирских народностей. На смену господствующей в начале XX в. неразделенной семье пришла малая семья, состоящая в основном из родителей и их малолетних или не состоящих в браке детей. Вместе с тем материалы 1959 г. подтверждают наличие неразделенных семей, в частности у шугнанцев и ваханцев (в Вире — 26,7%, во Вранге — 34%).

*

Изменения численности и форм семьи за последнее десятилетие можно проследить на основании материалов, собранных нами в 1966—1967 гг. по трем колхозам⁸: у ваханцев — колхоз им. В. И. Ленина (сельсовет Вранг, Ишкашимский р-н), 91 хозяйство; у шугнанцев — колхоз «Соле» (Рошткалинский сельсовет, Шугнанский р-н), 163 хозяйства; у рушанцев — колхоз «Рушон» (Рушанский сельсовет, Рушанский р-н), 205 хозяйств. Кроме того, был обследован отдельно кишлак Миденшор Поршневого сельсовета Шугнанского р-на. Изучение материалов, собранных по этим четырем объектам, выявляет некоторое местное своеобразие в процессе развития семьи.

а) У ваханцев в колхозе им. В. И. Ленина, по данным 1966 г. (табл. 5), семья насчитывала в среднем 11,7 человека; самая многочисленная — 30 человек, самая малочисленная — 2 человека. Неразделенных семей — 54 (59,3%). Среди них семей, в ко-

⁸ Данные взяты из колхозных подворных книг соответствующих колхозов.

торых с отцом живут женатые сыновья,— 15 (27,7%), а семей женатых братьев, ведущих совместное хозяйство,— 72,3%. Семей, в которых живут три женатых брата,— 5; четыре женатых брата — 3; пять женатых братьев — 1; семь женатых братьев—1. В семье из 19 человек живут 2 брата со своими женатыми сыновьями.

Численность неразделенных семей различна: есть неразделенная семья из 5 человек, в ней живут два женатых брата, у одного из них — ребенок; другая семья насчитывает 8 человек и состоит из двух женатых братьев с женами и детьми; третья семья — из 10 человек, в которой живут три женатых брата, их жены и дети. Есть в колхозе и семья из двух братьев с женами и детьми, насчитывающая 20 человек. Семья, в которой 30 человек, состоит из четырех женатых братьев с женами и детьми, а семья в 24 человека — из семей пяти братьев.

Если сравнить численность семей в процентном соотношении по кишлаку Вранг за 1959 г. и за 1966—1967 гг. по колхозу им. В. И. Ленина (куда входит и кишлак Вранг), то оказывается, что средняя численность семьи возросла (11,7 вместо 8,8 человека) и увеличился процент неразделенных семей.

б) У шугнанцев долины Шахдары (табл. 6) в колхозе «Соле», по данным 1967 г., средняя численность семьи — 10,1. Самой многочисленной является семья из 23 человек (2), самой малочисленной — из двух (2).

Таблица 5
Численный состав семей в колхозе им. В. И. Ленина
(сельсовет Вранг Ишкашимского р-на)

1956 г.														
Число членов семьи	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15
Число семей	1	1	4	7	5	13	3	5	5	2	10	5	6	5
% к общему числу семей	—	—	4,1	7,7	5,5	14,3	—	5,5	5,5	—	10,9	5,5	6,6	5,5

1966 г.													Всего	
													человек	семей
Число членов семьи	16	17	18	19	20	21	22	24	25	23	30			
Число семей	1	3	1	4	2	1	2	2	1	1	1	1059	91	
% к общему числу семей	—	—	—	4,1	—	—	—	—	—	—	—			

Таблица 6
Численный состав семей в колхозе «Соле»
(Рошткалинский сельсовет Шугнанского р-на)

1967 г.												
Число членов семьи	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13
Число семей	2	4	5	9	14	14	15	14	13	16	15	14
% к общему числу семей	—	—	—	—	8,6	8,6	9,2	8,6	7,9	9,8	9,2	8,6

1967 г.										Всего	
										человек	семей
Число членов семьи	14	15	16	17	18	19	21	22	23		
Число семей	7	5	3	3	3	1	1	2	2	1638	163
% к общему числу семей	—	—	—	—	—	—	—	—	—		

Неразделенных семей 97 (59,5%). Из общего числа неразделенных семей в 53, или 54,6%, живут с отцом женатые сыновья, а семей, состоящих из женатых братьев,— 44, или 45,4%, из них в одной семье живут четыре женатых брата, в пяти семьях — три женатых брата.

В процессе сбора материала мы старались выяснить причины и сущность происходящего в некоторых кишлаках своеобразного процесса — роста неразделенных семей. Как показал анализ собранных материалов, неразделенные семьи и в этом шугнанском колхозе различны по численности: есть семья, состоящая из двух женатых братьев. Глава семьи (1912 г. р.) — колхозник, его жена — колхозница, сын (1944 г. р.) учится на курсах шоферов в г. Хороге, дочь (1947 г. р.) — колхозница. Брат главы семьи (1926 г. р.) — рабочий лесхоза, а жена его — колхозница.

Есть семья в 16 человек, где глава ее (1908 г. р.) — колхозник; он имеет шесть сыновей, старшие сыновья и их жены — колхозники. У первого сына (1932 г. р.) — жена и двое детей, у второго (1935 г. р.) — жена и пятеро детей. Членами семьи являются еще четыре сына главы, не состоящие в браке: третий сын

(1939 г. р.) учится в Ленинабадском педагогическом институте; четвертый (1942 г. р.) служит в Советской Армии; пятый (1944 г. р.) и шестой (1951 г. р.) сыновья учатся в г. Хороге.

Рассмотрим социальный состав двух семей, состоящих из 25 человек. Первая представлена тремя женатыми братьями с женами и детьми. Все они колхозники. У главы семьи семеро детей, у второго брата — шестеро, у третьего — старшего по возрасту (1926 г. р., а глава — 1934 г. р.), инвалида Великой Отечественной войны, — пятеро детей. Вместе с братьями живет их престарелая мать (1878 г. р.), пенсионерка.

Во второй семье живут и ведут совместное хозяйство пять братьев, четыре из них женаты. Социальное положение членов этой семьи неоднородно. Глава семьи (1921 г. р.) — учитель, его жена — колхозница. У них семеро детей, причем один сын (1947 г. р.) учится в Душанбе в музыкальном училище, второй (1948 г. р.) — студент Медицинского института тоже в Душанбе. Второй брат и его жена — колхозники. Они имеют троих детей. Третий брат — рабочий, а его жена — колхозница. Детей у них нет. Четвертый брат, так же как и глава семьи, — учитель, жена его — колхозница, имеют двоих детей. Пятый брат не состоит в браке, он 1940 г. р., учится в Душанбе в институте. С сыновьями живет их мать (1910 г. р.).

В некоторые семьи включают и родственников по боковой линии. Например, в одной семье (9 человек) живет брат отца главы семьи; в другой семье (12 человек) — племянник главы семьи с женой и ребенком.

Рассмотренные материалы 1967 г. свидетельствуют о значительном проценте неразделенных семей у шугнанцев долины Шахдары, но в то же время и о больших изменениях в социальном составе многих семей.

в) У рушанцев в колхозе «Рушон» (табл. 7) в 1967 г. колхозная семья в среднем состояла из 6,2 человека. Самая многочисленная семья — 24 человека, самая малочисленная — 2 (10 семей).

Неразделенных семей в этом рушанском колхозе (где подавляющее большинство рушанцев, но есть и несколько семей бартангцев и шугнанцев) — 39, т. е. всего 19%. Из них семей, в которых женатые сыновья живут с семьями отцов, — 25 (64,1%), а семей женатых братьев — 14 (35,9%). Из 26 неразделенных семей, в которых вместе с отцом живут его женатые сыновья, в 17 с семьей отца живет один женатый сын, в девяти семьях — два и больше женатых сыновей. Из 14 семей женатых братьев — только две состоят из трех женатых братьев, остальные — из двух.

Таблица 7

Численный состав семей в колхозе «Рушон»
(Рушанский сельсовет Рушанского р-на)

	1967 г.									Всего	
	1	2	3	4	5	6	7	8	9	человек	семей
Число членов семьи	1	2	3	4	5	6	7	8	9		
Число семей	9	10	22	19	32	30	27	20	12		
% к общему числу семей	—	4,9	10,7	9,3	15,6	14,6	13,2	9,8	5,8		
	1967 г.									Всего	
	10	11	12	13	14	15	16	18	24	человек	семей
Число членов семьи	10	11	12	13	14	15	16	18	24	1274	205
Число семей	5	7	3	1	3	2	1	1	1		
% к общему числу семей	2,4	3,4	—	—	—	—	—	—	—		

В самой многочисленной семье, состоящей из 24 человек, глава семьи (1923 г. р.) и его жена колхозники, у них семеро детей. Второй брат (1927 г. р.) — агроном, его жена — колхозница, у них шестеро детей. Третий брат (1933 г. р.) — директор школы-интерната, жена его — колхозница, имеют одного сына. Четвертый брат (1945 г. р.) учится в институте в г. Кулябе. Живет и сестра главы семьи — учительница с дочерью. С ними живет и их мать (1908 г. р.).

Другая неразделенная семья (три женатых брата) насчитывает 11 человек. Есть неразделенные семьи из двух женатых братьев (у одного ребенок); семья из шести человек — женатый сын живет с отцом и матерью и двумя младшими братьями; семья в семь человек — два женатых сына, отец, мать и малолетний брат; неразделенные семьи по 8—11 человек состоят или из семей двух женатых братьев, или отца с двумя женатыми сыновьями и детьми, не состоящими в браке.

Исследование численности и форм семьи у рушанцев, шугнанцев и ваханцев в настоящее время показывает, что при общей тенденции роста числа малых семей неразделенные семьи еще составляют в некоторых кишлаках значительный процент; так, у ваханцев в колхозе им. Ленина — 59,3, у шугнанцев в колхозе «Соле» — 59,5, т. е. более половины всех колхозных семей.

Таблица 8
Численный состав семей в кишлаке Миденшор
(Поршневикий сельсовет Шугнанского р-на, 1959 и 1966 гг.)

	1959 г.														Всего	
	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	13	20	человек	семей	
Число членов семьи	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	13	20			
Число семей	2	3	3	5	9	9	10	5	6	2	3	1	1	336	59	
% к общему числу семей	—	—	—	—	15,3	15,3	16,9	—	—	—	—	—	—			

	1966 г.														Всего		
	1	2	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	16	17	19	человек	семей
Число членов семьи	1	2	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	16	17	19		
Число семей	1	1	8	4	9	10	5	10	4	3	1	5	2	1	1	606	65
% к общему числу семей	—	—	12,3	6,2	13,8	15,4	—	15,4	—	4,6	—	7,7	3,1	1,5	—		

Если сравнить наличие неразделенных семей в 1959 г. и 1966—1967 гг. в тех кишлаках, где нами проводилось это исследование, то заметно сильное увеличение числа таких семей. Например, в кишлаке Вранг в 1959 г. их было 34%, а в колхозе им. В. И. Ленина (куда входит главным образом население кишлака Вранг), по данным 1966 г., — 59,3%.

Учитывая возможность возражения, что нельзя сравнивать данные по кишлаку с данными по целому колхозу (несмотря на то что в этот колхоз входит целиком упомянутый кишлак), мы исследовали в 1966 г. численность и формы семьи в одном из колхозных кишлаков — Миденшор. Шугнанский кишлак Миденшор Поршневикий сельсовета Шугнанского р-на (табл. 8) находится в 18 км от г. Хорога, связан с ним регулярным автобусным сообщением, и многие жители кишлака работают на предприятиях города.

В кишлаке Миденшор в 1959 г. в среднем семья насчитывала 6,5 человека, а в 1966 г. — 9,3⁹.

⁹ Данные взяты из подворной книги Поршневикий сельсовета на 1966 г.

Неразделенных семей в Миденшоре, по нашим материалам, в 1959 г. было 12, или 20,3%; из них семей двух женатых братьев — две, или 16,7%, а семей, в которых женатые сыновья жили с семьей отца, — 83,3%.

В 1966 г. неразделенных семей в Миденшоре было 28, или 43,1%. Из них семей женатых братьев, совместно ведущих хозяйство, — 15, или 53,6%, а семей женатых братьев, живущих вместе с семьей отца, — 46,4%.

Таким образом, у припамирских народностей в 60-х годах нашего века бытуют две формы семьи: неразделенная и малая, причем неразделенные семьи в некоторых наиболее высокогорных колхозах составляют около 60%.

Причины этой своеобразной особенности развития семьи у припамирских народностей за последние годы можно раскрыть, привлекая более обширный архивный и полевой материал, чем тот, который нам удалось собрать. Однако некоторые объяснения можно привести и на основе наших данных.

Материалы, приведенные в I и II главах настоящей работы, свидетельствуют о крайне малом проценте пригодной к обработке земли на Западном Памире. В первые годы Советской власти была экспроприрована земля у светских и духовных феодалов, крестьянские (в первую очередь бедняцкие) семьи получили на этих землях наделы, что дало возможность тем семьям, в которых ощущалась необходимость раздела, его осуществить. Колхозы выделяли из своего земельного фонда приусадебные участки разделившимся семьям, и это служило важным стимулом разделов. В результате шел довольно интенсивный процесс дробления неразделенных семей, и в 50-е годы преобладающей стала малая семья.

Однако к концу 60-х годов, как мы видели, число неразделенных семей в некоторых кишлаках снова стало увеличиваться. Недостаток земли ограничивает возможности роста селений, и вступившие в брак сыновья или младшие братья главы семьи нередко практически не имеют возможности отделиться и построить себе дома по соседству с родней. Колхозы, расположенные в высокогорной местности, не везде в состоянии наделить выделившиеся семьи приусадебным участком на пригодной для обработки земле. Колхозники во Вранге говорили, что они не разделяются потому, что участки могут получить только в горах, где обрабатывать их очень трудно¹⁰. В Рушанском р-не удобных

¹⁰ Полевые записи автора 15.IX 1966 г., кишлак Вранг Врангского сельсовета Ишканинского р-на.

для обработки земель несколько больше, и не случайно, по данным 1967 г., в колхозе «Рушон» только 19% неразделенных семей.

Таким образом, ограниченная возможность получения пригодного для обработки и для постройки дома приусадебного участка в условиях высокогорной местности и недостатка земель становится, по-видимому, одной из существенных причин сохранения в некоторых кишлаках неразделенных семей. Данное обстоятельство имеет значение и для некоторых других народов, живущих в горных местностях. Так, например, сохранение неразделенных семей у армян в селении Малишка Ехечнадзорского р-на, отмеченное в 1965 г. А. Е. Панян, исследовательница объясняет тем, «что в селении из-за гористого ландшафта не было места для постройки новых домов»¹¹. Однако отсутствие такого стимула для выдела, как возможность получить приусадебный участок и построить для своей семьи жилой дом, имеет решающее значение далеко не для всех совершеннолетних и состоящих в браке членов неразделенных семей. Весьма часто вновь образовавшиеся в составе такой неразделенной семьи молодые брачные пары совсем не заинтересованы в этих участках, так как их профессии мало или совсем не связаны с сельскохозяйственным трудом. Выше мы рассмотрели социальный состав сельского населения. В современной колхозной семье значительную часть составляют служащие, в том числе представители сельской интеллигенции, рабочие, учащиеся. В этом отношении неразделенная семья нашего времени у рушанцев, шугнанцев и других народностей не отличается от малой. Стимулом для выдела теперь чаще всего служит стремление к самостоятельности, к устройству своей жизни в соответствии с избранной профессией, со своими планами и интересами, требующими иногда переезда в другой район ГБАО или за пределы области.

«Экономическое единство» такой семьи обуславливается уже не только ведением общего хозяйства и совместным трудом, но и взносами из заработков отдельных брачных пар в «общий котел». Причем значительная часть их заработка (в денежном выражении) остается в их личном распоряжении. Это существенно разрушает экономическое единство семьи, является стимулом к накоплению средств для ведения самостоятельного хозяйства. Все это резко отличает неразделенную семью наших дней от дореволюционной. Функции главы семьи соответственно умень-

шаются, и нередко лишь традиционное уважение к старшим родственникам, чаще всего привязанность к старому отцу, поддерживает временное единство такой неразделенной семьи, доживающей последний период своего существования.

Приведем некоторые конкретные примеры — описания неразделенных семей, подтверждающие изложенные выше положения, основанные на наших полевых материалах.

По данным архива А. Е. Снесарева, в 1902 г. в кишлаке Вранг жила самая тогда многочисленная семья Мирабона. В ней было 55 человек. Сведения о ее дальнейшей судьбе нам удалось записать у сына Мирабона, которому в 1966 г. было 78 лет. Мирабон умер 80 лет. У него было четыре сына: Шотомано, Поинда, Зарик и Мадатхон (наш информатор) и четыре дочери. Жениться, сыновья вели с отцом одно хозяйство, которым распоряжался отец как своей собственностью. Сыновья сеяли, пахали, жали, по очереди выпасали скот, занимались поливом, работали на мельнице. Они заготавливали топливо (дрова, хворост в горах и т. д.), пряли козью шерсть, ткали паласы и шерсть для одежды. В семье было 12 женщин, которые по очереди — через год (за этим следила жена главы) уходили на летовки и заготавливали молочные продукты впрок, варили пищу на всех в одном большом котле (*диг*). Обычно вся семья обедала одновременно в большом доме, а в теплое время года — во дворе, но рассаживались за дастарханом мужчины отдельно от женщин, женщины — от детей. Пищу подавали для каждой группы в больших блюдах, раздавала пищу та женщина, которая ее варила. Детям выделялось то, что повкуснее, — молоко, мясо, сливки. В обязанности женщин входила стирка. Стирали три-четыре женщины для всей семьи в горячей воде с мылом (*сабын*), которое сами изготавливали. Женщины пряли овечью шерсть, вязали чулки, ухаживали за детьми. В сельскохозяйственных работах участвовали мало, только очищали зерно на току, поля от камешков, полли, обирали колоски после жатвы.

Хозяйство семьи обеспечивало в основном все ее потребности; когда была возможность купить что-либо из не производимых в натуральном хозяйстве товаров — чай, рис, мануфактуру, обувь и т. п., то, как большинство ваханцев, отправлялись в Читрал. Это Мирабон поручал Шотоману или Зарику. Привозимыми вещами распоряжался глава семьи. Он лично распределял между членами семьи мануфактуру, обувь и т. п. В семье посуда и продукты были общие, а постельные принадлежности, входившие в состав приданого, — отдельные у каждой брачной пары; одежда и обувь были также в личной собственности. После

¹¹ А. Е. Панян. Изменения в структуре и численности сельской семьи у армян за годы Советской власти. СЭ, 1968, № 4, стр. 96—97.

смерти Мирабо́на старшим в доме, главой семьи (*сардори кхун*), стал Шотомано. Семья увеличилась до 60 человек. Разделяться начали, когда сыновья женились и у них появились дети. Из разросшейся семьи Мирабо́на отделилось восемь семей. Все они живут рядом. В старом доме Мирабо́на остался его сын Мадатхон¹². В 1966 г. его семья состояла из 17 человек: самого Мадатхона Мирабо́нова (глава семьи), его жены (70 лет), сына (работает в Ишкашине бурильщиком), жены сына (работает кассиром на почте), их троих малолетних детей и двух племянников (1920 и 1929 гг. р.), сыновей умершего брата Поинды с их женами и детьми; у одного племянника двое детей, у другого — четверо. Оба, как и их жены, — колхозники.

Бюджет семьи складывается теперь из заработка четверых взрослых, работающих в колхозе (племянники и их жены), двоих (сын Мадатхона и его жена), получающих зарплату, и из пенсии стариков. Деньгами распоряжается невестка Мадатхона. Она тратит зарплату свою и мужа на хозяйство всей семьи и на покупку одежды и обуви для мужа, себя, детей и стариков родителей. Племянники приобретают все необходимые вещи для себя и своих жен и детей сами, часть заработка они отдают на общие семейные расходы. Питаются совместно, сообща трудятся на приусадебном участке. Собираются разделить после смерти Мадатхона. Из уважения к нему при его жизни не хотят этого делать, что является выражением единственной сохранившейся в этой семье патриархальной традиции. Фактической хозяйкой и распорядительницей денег, как отмечалось выше, является невестка Бронислава (полька по национальности). В семье она пользуется всеобщим уважением. Бронислава (1936 г. р.) вышла замуж в 1956 г. в Ворошиловграде за Никодама Мадатхонова, который после демобилизации из Советской Армии отправился на работу в этот город. В Ворошиловград Бронислава приехала из Черновиц по путевке комсомола, работала на шахте машинистом. У Никодама и Брониславы в настоящее время четверо детей, двое носят русские имена. В кишлак Вранг приехали по просьбе стариков в 1961 г. В течение года Бронислава в совершенстве овладела ваханским языком. С детьми она говорит по-русски и по-вахански. Старший сын (1957 г. р.) хорошо знает русский язык, его первые детские годы прошли в Ворошиловграде. Второй сын (1959 г. р.) только понимает русский, но говорит

по-вахански. Дочь (1964 г. р.) говорит только по-вахански. Младший сын родился в 1969 г.

Иногда в современной неразделенной семье (такую семью в 24 человека мы наблюдали в 1967 г. в рушанском колхозе «Рушон») главой, ведающей семейными денежными средствами, является мать. Все три старших сына и дочь отдают матери часть своего заработка на общие расходы и питание. С ведома матери и по совету с ней покупают подарки членам семьи и родственникам по случаю различных семейных событий, дорогие вещи для дома. С ней согласовывают и крупные затраты на хозяйство (например, покупку скота).

Бюджет семьи строится, таким образом, из доходов с приусадебного участка, заработка в колхозе и заработной платы служащих членов семьи.

Семья разрослась, возникло несоответствие интересов и потребностей у различных составляющих ее брачных пар. Поэтому было решено разделиться, когда младший брат окончит институт и женится. Он останется с матерью в старом доме отца (в этом проявляются пережитки обычного права). Трое старших братьев возьмут себе участки и построят новые дома (у двух братьев-служащих жены — члены колхоза).

В колхозной семье у припамирских народностей различное социальное положение отдельных ее членов стало обычным явлением. В ее составе колхозники, рабочие, служащие, учащиеся. Учащиеся (школьники или студенты техникумов и институтов) есть почти в каждой семье. Рабочих и служащих в колхозных семьях больше в тех колхозах, которые расположены в районном центре или близко от него.

Например, в колхозе «Рушон» на 205 хозяйств семей, в которых по одному служащему, — 67, или 32,7%, по два служащих — 22, или 10,8%, по три и четыре служащих — одна. Колхозных семей, в которых есть рабочие, — три.

В колхозе «Соле» Рощткалинского сельсовета (Рощткала расположен в 40 км от г. Хорога и связан с городом ежедневным регулярным автобусным сообщением) из 163 хозяйств семей, в которых один из членов служащий, — 68, или 40,2%; по два служащих — 16, или 9,8%; по три служащих — три. Семей, в которых имеется по одному рабочему (шоферы, рабочие в геологических партиях, в лесхозе и т. п.), — 46, или 28,2%; по два рабочих — шесть; по три рабочих — одна.

¹² Полевые записи Ф. Люшкевич и Л. Моногаровой 14.IX 1966 г., кишлак Вранг Врантского сельсовета Ишкашимского р-на.

Все вышеизложенное показывает, что происшедшие за годы Советской власти большие изменения в экономической и культурной жизни народностей Западного Памира обусловили глубокие преобразования и в семье, сохранявшей в своей структуре отдельные древние пережитки, которые уже давно исчезли у большинства других народов Средней Азии.

Существуют до сих пор пережитки традиций семейных общин в форме неразделенной семьи. Отмечено увеличение числа таких семей в некоторых кишлаках за указанные годы, сосуществующих рядом с малыми, но в каждой из неразделенных семей, как мы видели, есть стремление к разделу.

Установление новых традиций, типичных для советской семьи, влияет на взаимоотношения между представителями разных поколений, между супругами, меняет положение женщины. Обычными явлениями теперь стали свобода в вопросах брака, в выборе местожительства по окончании учебы младшими членами семьи и другие черты нового быта, свидетельствующие о равноправии поколений и фактическом раскрепощении женщины в семье и обществе.

Изменения во взаимоотношениях между членами семьи и в положении женщины

Взаимоотношения между полами у припамирских народностей характеризовались в прежние времена по сравнению с таджиками большей свободой.

Семейные взаимоотношения, определявшие положение женщины, развивались у них с давних пор под влиянием исмаилитской идеологии, в противоположность суннитской не изолирующей женщин от мужского общества. Женщины у припамирских народностей ходили с открытыми лицами, отсутствовало и затворничество женщин, взаимное избегание родственников мужа (жены) до свадьбы и некоторое время после свадьбы и т. д.

Женщины жили в одном помещении с мужчинами, участвовали в общественных делах, увеселениях, в различных семейных торжествах и даже на сельских сходках. На сходы кишлачной общины обычно собирались главы семей. Если же он отсутствовал, на сход шел его брат (старший после главы или его старший сын). Если их тоже не было или дети были малолетние, то на сельский сход шла жена главы семьи.

У шугнанцев бытовали и прежде, не говоря уже о настоящем времени, так называемые *хунагахтак*¹³, на которые по очереди собирались вечерами у кого-либо в большом доме, причем присутствовали и женщины.

Когда в гости приходил пир (ишан), устраивали вечер, угощение, разговаривали о вере. Женщины — мюриды этого пира — присутствовали на вечере, так как у припамирцев каждый, достигший установленного возраста, и мужчина, и женщина, мог совершить определенный обряд и стать мюридом пира. Мужчины и женщины были в этом равноправны.

Женщины участвовали в различных народных праздниках (например, *хицзишест* — праздник первой пахоты и др). А у рушанцев¹⁴, которые отличались от других припамирских народностей высоким искусством танца и пения, в лунные ночи собирались целыми авлодами (и мужчины, и женщины) в садах или в центре кишлака, пели, танцевали.

По обычному праву кровная месть обязывала мстить в равной мере одинаково как за убитого родственника мужчину, так и за женщину, а позднее выкуп, заменивший кровную месть, был одинаков¹⁵.

При всем этом женщина не была полностью равноправна с мужчиной. Она как член семьи подчинялась воле отца или старшего брата, а после вступления в брак — мужа. «Муж для женщины — ее бог, ее царь, а потом — ее муж», — говорили духовные наставники¹⁶. Выбор супруга для девушки — дело главы семьи.

В имущественном отношении и в правах наследования¹⁷ также не было равноправия с мужчиной. Дочь наследовала только 1/4 часть имущества. Если у мужчины было две жены (следует заметить, что полигамия встречалась крайне редко, как исключение), каждая из которых имела детей, то дети от одной жены получали столько же, сколько дети от другой, причем земля разделялась только между сыновьями, дочери в данном случае земли не получали. Тот сын, с которым жили малолетние сестры, получал большее количество скота, так как

¹³ Полевые записи автора 11.X 1967 г., кишлак Рошткала Рошткалинского сельсовета Шугнанского р-на.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Л. Ф. Моногарова. Материалы по этнографии язгулемцев, стр. 62.

¹⁶ М. Ширинджанов. Крыша мира. Сб. «Крыша мира». Душанбе, 1965, стр. XII.

¹⁷ Полевые записи автора 24.X 1964 г., кишлак Рушан Рушанского сельсовета Рушанского р-на; 18.X 1965 г., г. Хорог; 28.IX 1967 г., кишлак Рушан Рушанского сельсовета Рушанского р-на.

на нем лежала обязанность выдать сестер замуж и дать каждой из них в приданое определенное число голов скота. Если у одной жены была только одна дочь, а у другой — много детей, то имущество и земля делились поровну, одну часть получала дочь, а другая распределялась между детьми второй жены. Девушку — наследницу земли стремились выдать замуж за двоюродного брата — сына брата отца или другого родственника из ее авлода, хотя такую девушку (даже если она была некрасива) каждый юноша стремился взять в жены. Если девушка была единственным ребенком в семье, то муж поселялся в доме ее родителей, становился примаком.

За годы Советской власти в ГБАО произошли коренные изменения в экономической и общественной жизни. Советское брачное законодательство, введение всеобщего обязательного обучения резко изменили положение женщины. Женсоветы, активно помогавшие женщинам в первые годы Советской власти в завоевании фактического равноправия в обществе и семье, и в настоящее время защищают интересы женщин, особенно матерей и их детей. Женсоветы проводят большую работу по вовлечению женщин в производство, занимаются их политическим воспитанием, организуют беседы по вопросам внутренней и внешней политики СССР, приглашают лекторов — работников райкома, учителей, разъясняющих решения съездов партии, задачи дальнейшего экономического и культурного развития нашей страны, Таджикской республики, ГБАО и специфику развития ее отдельных районов.

В женсоветы (состоящие из пяти — семи активисток) женщины обращаются и по личным делам. При разводах в нарушение традиционного обычая, по которому дети оставались в семье отца, женсовет помогает суду выяснить лучшие условия жизни для ребенка. Женщина, участвующая в производственной жизни, экономически самостоятельна и часто в состоянии должным образом позаботиться о своих детях.

Социальный состав колхозных семей, как мы отмечали выше, в настоящее время неоднороден. Кроме колхозников в семьях обычно есть рабочие и служащие. Это, как правило, сыновья или братья главы семьи. Встречаются среди служащих и женщины — дочери, жены сыновей или братьев. В тех семьях, где женщины кроме производственной работы заняты еще и общественной, учатся в училище или избраны в органы Советской власти — сельский или районный, областной Совет и т. д., — другие члены семьи стараются по возможности освободить их в значительной степени от домашней работы.

Показательна в этом отношении знакомая нам семья шугнанцев О., проживающая в Верхнем Хороге. Глава семьи и его жена — колхозники, в настоящее время пенсионеры. У них семеро детей. Старший сын (1938 г. р.), окончив школу, служил в Советской Армии, а после демобилизации стал работать плотником в г. Хороге. Два других сына учатся в Душанбе, два — школьники и еще два — совсем маленькие. Старший сын в 1964 г. женился на девушке-шугнанке из Рошткалы, которая училась в это время в Хорогском медицинском училище. Жила в общекитии. Молодые люди, оба комсомольцы, полюбили друг друга и заявили родителям о своем желании вступить в брак. Родители не возражали. Свадебный пир был сначала в доме отца невесты в Рошткале, а потом в доме жениха в Верхнем Хороге. Мы познакомились с этой семьей спустя всего лишь два месяца после свадьбы. Положение молодой жены в семье независимое и свободное. Она продолжает заниматься в медицинском училище, кроме того, почти ежедневно посещает занятия и репетиции кружка художественной самодеятельности при хорогском Доме культуры. Свекровь, свекор и муж поощряют ее занятия, не загружают домашней работой. Одевается она так же, как одевалась, будучи девушкой. На вопрос, почему она не носит костюм замужней женщины, она удивленно ответила: «Ведь я студентка!»

В упоминавшемся выше кишлаке Миденшор Прошневского сельсовета живет шугнанская семья, состоящая из мужа — учителя, заведующего учебной частью начальной школы Саиддесо Мансурова, его жены Деляфруз — колхозницы и их троих детей — сына и двух дочерей. Все любят и уважают друг друга. Поддерживают дружеские связи с живущими по соседству родственниками, с родным братом главы семьи, проживающим в г. Хороге. Глава семьи — 1921 г. р., его жена — 1928 г. р. В 1964 г. их 17-летний сын учился в десятом классе, дочь — во втором, а младшей было шесть лет. Жена была избрана председателем Поршневого сельсовета и много времени отдавала работе и общественным делам. Муж, несмотря на свою большую занятость (подготовка к урокам, проверка тетрадей и т. п.), деятельно помогал жене в домашнем хозяйстве. Вечерами, читая центральные газеты — «Правду», «Известия» и другие, муж пересказывал жене (которая не владеет русским языком) содержание интересных статей, международные события. В 1965 г. и младшая дочь пошла в школу, сын уехал в Душанбе, поступил в медицинский институт.

Ярким примером того, какие возможности предоставила жен-

щине Советская власть, является судьба шугнанки из Роштка-лы Низорабегим Бахромовой.

Ровесница Октября, Низорабегим росла и училась в кишлаке Видоджь Рошткалинского сельсовета. В 1938 г., окончив неполную среднюю школу, была послана РОНО в г. Хорог на двухмесячные учительские курсы и с 1939 по 1942 г. работала учительницей начальных классов. В том же 1939 г. она стала членом Коммунистической партии. В 1942 г. назначается ответственным секретарем райсовета и трудится самоотверженно на этом посту до 1947 г., а затем избирается на ряд ответственных должностей, таких, как председатель райисполкома Рошткалинского р-на (1947—1948 гг.), третий секретарь Рошткалинского райкома (1948—1956 гг.) и др. Волевая, энергичная, чуткая и внимательная к людям, Низорабегим пользуется всеобщим уважением. В марте 1967 г. она была избрана председателем Рошткалинского сельсовета. В Рошткалинский сельсовет входят два крупных колхоза: «Соле» («Мир») и колхоз имени В. И. Ленина. Оба хозяйства досрочно выполняют государственный план, и немалая заслуга в этом принадлежит Низорабегим. Заслуженными наградами отмечена ее работа: она награждена двумя почетными республиканскими грамотами и двумя медалями — «За трудовую доблесть в Великой Отечественной войне» и «За трудовое отличие». Несмотря на большую загруженность работой, Низорабегим в семье — внимательная супруга и заботливая мать. У нее двое детей от первого брака: дочь стала, как и мать, — учительницей, имеет свою семью, а сын служит в Советской Армии. От второго брака у Низорабегим три сына и одна дочь. Они школьники. Муж — учитель, он помогает жене, разделяя с ней домашние заботы.

Социалистические преобразования в хозяйстве и культуре припамирских народностей коренным образом повлияли на семейные взаимоотношения. В настоящее время, как мы видели, они основаны на равноправии мужчин и женщин, всех членов семьи, достигших совершеннолетия, обладающих равными правами и возможностями для участия в общественном производстве, получении образования, в вопросах брака.

Преодоление старых брачных норм и обычаев

До недавнего времени предпочтительными формами брака у припамирских народностей являлись кросскузенные (с дочерью брата матери или дочерью сестры отца) и ортокузенные (с дочерью

брата отца или дочерью сестры матери). Чаще заключались браки ортокузенные — между детьми двух братьев. В условиях продолжительного бытования больших патриархальных семей и малочисленности горных кишлаков такие браки, позволявшие не отдавать в другое хозяйство имущество и работницу, наилучшим образом удовлетворяли экономические интересы семьи, чем и объясняется стойкость этих древних брачных норм.

И. И. Зарубин отмечал, что у рушанцев «чаще всего берут в жены сестер — двоюродных, троюродных, четвероюродных... как со стороны отца, так и со стороны матери»¹⁸. Наши информаторы подчеркивали преимущественное право на брак с двоюродной сестрой¹⁹. Если двоюродная сестра была уже замужем, то в таком случае юноша мог жениться на девушке из своей патронимии, с которой не состоял в тесном родстве. Однако в брак могли вступить только те юноши и девушки, которых в младенчестве не выкармливала грудным молоком одна женщина. Нельзя было жениться на своих единоутробных или единокровных сестрах²⁰, на родной племяннице (в Язгулеме допускалась женитьба на дочери двоюродных брата и сестры²¹), на родных тетках и вдовах дядей, особенно со стороны матери. Дядя, брат матери, считается ближе, роднее, чем брат отца. С ним у племянников складываются особые взаимоотношения: дядя им покровительствует, играет большую роль при заключении брака своих племянниц и племянников.

Как пережитки отдаленных стадий развития брачных отношений, в частности группового брака, бытовали браки по обычаям левирата и сорората. По обычаю левирата вдова была обязана выйти замуж за брата своего умершего мужа. По обычаю сорората вдовец имел право жениться на сестре своей умершей жены (или невесты). Однако такие браки заключались с согласия женщины. При левиратных браках, например в Язгулеме, расходы по свадебному пиру и подарки невесте (*калянг*) составляли половину того, что тратили при женитьбе на девушке.

¹⁸ И. И. Зарубин. Материалы и заметки по этнографии горных таджиков, стр. 133; см. также: М. С. Андреев. К характеристике древних таджикских семейных отношений. «Изв. АН Тадж. ССР», № 15, История и этнография, 1949, стр. 10, 11; Л. Ф. Моногарова. Материалы по этнографии язгулемцев, стр. 63—64.

¹⁹ Полевая запись автора 23, 24.X 1964 г., кишлак Рушан Рушанского сельсовета Рушанского р-на.

²⁰ М. С. Андреев. Таджики долины Хуф, ч. I, стр. 121; И. И. Зарубин. Материалы и заметки по этнографии горных таджиков, стр. 133.

²¹ Л. Ф. Моногарова. Язгулемцы Западного Памира, стр. 106; она же. Материалы по этнографии язгулемцев, стр. 63.

Все наши информаторы обращали внимание на то, что такого калыма, как у суннитов, у припамирцев-исмаилитов не было, а вместо этого отец жениха на свои средства устраивал угощение во время свадебного торжества и делал подарки невесте и ее близким родным. В состоятельных семьях невесте еще дарили и корову, 10—15 голов мелкого рогатого скота. Отец невесты в свою очередь обязательно давал в приданое дочери корову, которая, как и приплод от нее, являлась собственностью молодой. Надо сказать, что у припамирских горцев расходы, связанные с заключением брака, вообще всегда были значительно меньше, чем у таджиков других районов Таджикистана.

При заключении брака в прошлом учитывалось и сословное положение жениха и невесты. Представители привилегированного сословия женились на девушках из своего сословия, пиры — на своих родственниках. Мужчина из привилегированного сословия, если хотел, мог жениться на девушке из сословия факиров — бедных земледельцев, но дочерей они отдавали только за юношей своих сословий.

Если почему-либо юноша не подобрал себе невесту из своих родственников, то он женился на девушке из чужого авлода и редко — на девушке другой припамирской народности²². Жена в таких случаях овладевала родным языком мужа.

По сведениям информаторов, иногда девушек-шугнанок, особенно в долине Шахдары, отдавали замуж за киргизов, рассчитывая по киргизскому обычаю получить большой калым. Сами же шугнанцы долины Шахдары говорили, что таких браков заключалось очень мало, так как «девушки наши были пандж-тани, а киргизы — другой веры» (т. е. сунниты). В пример могли привести только Мамадали — деда бригадира Саусан Гарибшоевой из колхоза «Соле» Рошткалинского сельсовета. Он, бедняк киргиз, женился на шугнанке из Рошткалы и жил в ее семье как примак. В антропологическом типе его внуки ярко выражены монголоидные черты. Припамирцы очень редко вступали в брак с киргизками. Если припамирец женился на киргизке, то он, согласно обычаю киргизов, должен был платить большой калым.

Многие припамирцы, особенно шугнанцы, надолго уходили на заработки в города Восточной Бухары, в Фергану, Афганистан, Читрал. Там они нередко женились и возвращались на родину с женой и детьми.

За годы социалистического строительства увеличилось число

²² Полевые записи автора 15, 18, 19.X 1965 г., г. Хорог; см. также М. С. Андреев. Таджики долины Хуф, ч. I, стр. 131—135.

браков не только вне своих авлодов, но, по словам информаторов, и между памирскими национальностями в целом²³.

Брачный возраст по обычаю наступал для девочки в 11—12 лет, но практически их чаще выдавали в 15 лет²⁴. Однако 16-, а тем более 17-летняя невеста считалась «перестарком». Существовало обручение малолетних детей, а часто еще и не родившихся. Сговоренной с колыбели девушке на протяжении всей ее жизни до вступления в брак родители жениха на каждый праздник присылали подарки²⁵. Обычай «избегания» в отличие от таджиков и большинства других народов Средней Азии припамирские народности, как мы уже отмечали, не знают. После помолвки родители жениха считают невесту своей дочерью, обе семьи ходят в гости друг к другу. Кроме сведений, полученных от наших информаторов, отсутствие обычая взаимного «избегания» невестой и женихом родственников друг друга подтверждается и архивными материалами И. И. Зарубина. Он пишет, что «перед выходом из дома невесты жених целует руки отцу и брату матери невесты, они целуют его в голову»²⁶.

Юношей женили с 15-летнего возраста. Редко встречались неравные браки, когда за мужчину 40—50 лет выдавали девушку 12—13 лет. Следует особо подчеркнуть, что у припамирских народностей при всех случаях заключения браков с малолетней фактические супружеские отношения начинались только после достижения ею половой зрелости. За этим строго следили старшие женщины в семье. Обычно богачу-феодалу отдавали девушку значительно моложе его. Если мужчина в 40—50 лет овдовел или по какой-либо причине не мог вступить в брак до этого возраста, то ему отдавали в жены девушку, имеющую физический недостаток. Такая жена часто называла своего мужа «дедушкой». Супруга для дочери или сестры выбирали отец или брат, часто не считаясь с желанием девушки.

В настоящее время ранние браки девушек — явление не частое, и не только потому что они запрещены законом, но и пото-

²³ Полевая запись автора 18.X 1965 г., г. Хорог; 5.X 1967 г., кишлак Рошткала Рошткалинского сельсовета Шугнанского р-на.

²⁴ Полевая запись автора 15.X 1965 г., г. Хорог; см. также: М. С. Андреев. Таджики долины Хуф, ч. I, стр. 120—122; Л. Ф. Моногарова. Материалы по этнографии язгулемцев, стр. 63—64.

²⁵ Полевая запись автора 15.X 1965 г., г. Хорог; см. также: Л. Ф. Моногарова. Материалы по этнографии язгулемцев, стр. 63—64; А. А. Бобринской. Горцы верховьев Пянджа, стр. 89.

²⁶ Архив востоковедов, ф. 121, л. 79. Сравни: Н. А. Кисляков. Очерки по истории семьи и брака у народов Средней Азии и Казахстана. Л., 1969, стр. 163—239.

му, что сама жизнь не вызывает необходимости «сбросить лишний рот» в семье. Возросшее благосостояние, стремление родителей дать девушке обязательно среднее образование, изменившееся отношение к женщине вообще привели и к повышению их брачного возраста. Мужчины также стали теперь жениться несколько позже, чем это было раньше, что объясняется тоже стремлением получить образование. Кроме того, юноши стараются жениться только после того, как отслужат в рядах Советской Армии.

По материалам архива загса мы рассмотрели вопрос об изменении брачного возраста мужчин и женщин по Рушанскому р-ну за 29 лет²⁷. Эти данные показали, что разница в возрасте мужа и жены незначительна. Она обычно колеблется от одного-двух до шести-семи лет, причем жена, как правило, моложе.

Совсем изжиты неравные по возрасту браки, хотя и в прошлом они были не очень широко распространены у припамирских народностей, за исключением браков по обычаям левирата и сорората. Статистические данные загса свидетельствуют о постепенном изживании ранних браков и повышении брачного возраста для девушек.

Уже с 1935 г. мужчины вступали в брак не ранее 17 лет. Наибольшее число браков заключается в возрасте от 19 до 30—36 лет, у женщин — от 16 до 25 лет. Следует отметить, что в 1935 г. 16 лет вступили в брак 17 девушек, в 1936 и 1937 гг. — по девять девушек; в 1945 г. 17 лет вступила в брак только одна; в 1955 г. самой юной из невест была 18-летняя девушка. Основным брачным возрастом девушек становится возраст от 19—20 до 26—27 лет, у мужчин наибольшее число браков заключается от 22—23 до 35—36 лет.

Те редкие браки, где жена старше своего мужа, вероятно, и теперь связаны с левиратной формой брака.

Материалы загса указывают на многократность браков во второй половине 1930-х и начале 1940-х годов. До Указа от 8 июля 1944 г.²⁸, внесшего изменения в брачно-семейное законодательство СССР (в том числе о разводе публично через суд), наблюдается многократность заключения браков. При многократности заключения браков в 1935 г. у мужчин только три человека были вдовцами. У женщин вдов не было, в 1940 г. вдовцов — два человека. В 1960 г. из девяти повторных браков у мужчин — семь вдовцов, а у женщин из девяти, вступивших во второй брак, — 4 вдовы.

²⁷ Архив загса ГБАО Таджикской ССР с 1935 по 1963 г. включительно.

²⁸ «Сборник законов СССР, 1938—1967», т. 2. М., 1968, стр. 415, 416.

Приведенные статистические материалы о повторных и многократно заключаемых браках показывают резкое снижение их числа в 50-е и 60-е годы, что, во-первых, свидетельствует о прочности браков по обоюдному желанию и взаимной склонности и, во-вторых, об изживании традиции заключения родственных браков²⁹.

С 1959 г. в записях актов о браках введена графа о месте рождения, и таким образом можно, ориентируясь на это и на имя и фамилию, определить более или менее достоверно и национальную принадлежность вступающих в брак. Смешанные браки припамирских народностей с другими национальностями чрезвычайно редки, что, возможно, объясняется и пограничным положением области, где ограничено естественное движение населения. Материалы загсов 1959—1963 гг. подтверждают увеличение в 1963 г. числа браков между юношами и девушками, происходящими из разных кишлаков. Однако следует отметить, что и среди юношей и девушек из разных кишлаков, вступивших в брак, могут встречаться родственники, происходящие из одной патриимии.

Рассмотрим, например, данные по Рушанскому р-ну (табл. 9).

Таким образом, данные архива загса ГБАО подтверждают сведения наших информаторов об увеличении числа неродственных браков.

Увеличению числа браков между лицами из разных кишлаков способствует совместная учеба в старших классах средней школы (где собираются ученики из отдаленных кишлаков, имеющих только начальные или неполные средние школы), в специальных учебных заведениях г. Хорога, работа в колхозе, который объединяет, как правило, несколько кишлаков.

Смешанные браки с киргизами вплоть до настоящего времени были редки. Даже в районном центре Мургаб (на Восточном Памире), где большинство населения составляют киргизы, таких смешанных браков, по данным загса, в 1935 г. было всего два, в 1945 г. — два, в 1955 г. — не было, в 1965 — один. Во всех этих случаях мужчины из припамирских народностей женились на киргизках.

В тех смешанных семьях, где муж принадлежит по национальности к одной из припамирских народностей, а жена — к одному из других народов нашей страны, дети принимают, как правило, национальность и родной язык отца; а в семьях, где муж

²⁹ Полевая запись автора 23.X 1964 г., кишлак Бомар Рушанского сельсовета Рушанского р-на.

Таблица 9

Территориальное расширение браков по Рушанскому р-ну*

Год	Общее число браков	В том числе браки, заключенные между лицами из одного кишлака	%	В том числе браки, заключенные между лицами из разных кишлаков	%	Смешанные браки между различными народностями	%
1959	60	39	65,0	21	35,0	—	—
1960	199	133	71,0	58	29,0	3	1,5
1961	134	101	77,0	28	23,0	5	3,7
1962	102	83	81,4	17	18,6	2	1,9
1963	102	60	58,8	41	41,2	1	0,9

* По данным архива загса.

и жена принадлежат к различным припамирским народностям, дети чаще принимают язык той народности, где они живут, независимо от принадлежности к этой народности отца или матери. Например, в 1959 г. из 258 семей сельсовета Дарморахт Шугнанского р-на одна семья была смешанная: муж — таджик (шугнанец), а его жена — украинка. Дети по национальности в переписном листе Всесоюзной переписи населения 1959 г. записаны таджиками, родной язык — шугнанский; старшая дочка носит русское имя Валя, у остальных детей — шугнанские имена. В знакомой нам семье Мадатхона Мирабонова невестка — полька и двое детей имеют русские имена, но все дети считаются таджиками, их родной язык ваханский.

В Хуфе на 168 хуфских семей³⁰ в одной семье муж — хуфец, а жена — русская, родным языком их сына считается русский.

В населенном пункте Рушан (Вома) отмечено пять смешанных семей, в которых есть дети. В двух семьях мужа считают родным таджикский язык, жены — рушанский, родной язык детей — рушанский. В третьей семье муж считает родным рушанский язык, а жена — таджикский. Дети считают родным рушанский язык. В четвертой семье родной язык отца таджикский, матери — татарский, их дочери — тоже таджикский, по национальности она таджичка. В пятой семье муж считает родным языком

³⁰ Национальную принадлежность (хуфцы, рушанцы и т. д.) будем определять по родному языку.

рушанский, а жена у него русская, родным языком детей является рушанский.

В Ба-Рушане 18 лет живет русская женщина, приехавшая сюда со своим мужем — рушанцем. Они познакомились в Краснодаре, когда он служил в Советской Армии. После регистрации брака они поехали на родину мужа. Родные и близкие ласково встретили молодую. Супруги жили счастливо, растили четырех детей. После смерти мужа родственники его заботились о вдове и детях. Дети считают родным языком рушанский.

Число смешанных браков (в однонациональных районах в прошлом) зависит обычно от миграционного движения населения. В изучаемом районе миграции ограничены, как мы отмечали выше, географическим положением области, а также отсутствием больших промышленныхстроек, собирающих многонациональные кадры работающих. Очевидно, что смешанные браки в таких условиях играть существенную роль в этнических процессах не могут.

Развод (*талок*) в прошлом вызывался разными причинами. Случаи супружеской неверности не всегда влекли за собой развод³¹. Как пишет М. С. Андреев, «теоретически, по единогласному заявлению хуфцев и шугнанцев, каждый мужчина мог в дореволюционную эпоху законным образом жениться с совершением брачного обряда до семи раз... Восьмой брак считается уже *аром* — запретным, недозволенным»³². В том, что это действительно было так, убеждают приведенные выше материалы о многократности браков, полученные в загсах ГБАО.

Бездетность женщины, ее «неуживчивый» характер вели к разводам чаще, чем нарушение супружеской верности. Развод официально должен был засвидетельствовать *кази* (судья), в роли которого выступал местный халифа — лицо, официально представляющее местного ишана (пира), совершающий духовные требы в определенной исмаилитской общине. В присутствии кази публично муж должен был переломить прутик 15—20 см длиной (иногда три раза). После этого кази давал письменный документ о том, что брак расторгнут, а разведенные могли вступить в новый брак. Тот, кто являлся инициатором развода, платил кази из своего имущества.

У шугнанцев мужчина, если он являлся инициатором развода, должен был дать жене быка или лошадь. Жена забирала с собой

³¹ М. С. Андреев. Таджики долины Хуф, ч. I, стр. 180.

³² Там же, стр. 182, 183.

и то имущество, которое она принесла при замужестве. Дети оставались в семье мужа.

Когда инициатором развода была женщина, то, по обычаю, она возвращалась в дом своих родителей, если они были живы, или в дом брата или другого родственника. Если уговоры мужа, его родных, уважаемых стариков не могли повлиять на решение женщины уйти от мужа, то тогда ее родители, или родственники, или тот, кто хотел на ней жениться, должны были дать ее мужу «отступное» — быка или лошадь (а иногда двух быков и лошадь), оставив ему и то имущество, которое принесла жена при вступлении в брак. В противном случае женщина должна была вернуться к мужу, что и приводило иногда к трагической развязке³³.

После установления Советской власти постепенно старые брачные нормы заменялись новыми, основанными на советской, социалистической законности. Большое значение для установления фактического равноправия женщины имела отмена «отступного» I-м съездом Советов Западного Памира³⁴. Многократные браки и разводы практиковались все же вплоть до издания

Таблица 10

Число заключенных и расторгнутых браков по Рушанскому р-ну с 1935 по 1963 г.

Годы	Заключено браков	Расторгнуто браков	Годы	Заключено браков	Расторгнуто браков
1935—1940	392	130	1951—1955	151	—
1941—1945	330	166	1956—1960	493	3
1946—1950	310	4	1961—1963	336	2

Указа 1944 г. и тех изменений, которые были внесены в брачно-семейное законодательство. Материалы загса, как мы видели, показывают резкое уменьшение числа разводов: в 50-е и 60-е годы они уже единичны. Для примера приведем материалы по Рушанскому р-ну (табл. 10). Вполне естественно, что наибольшее число разводов у женщин приходится на возраст от 16 (а с 1939 г. — с 18) до 30 лет, у мужчин — от 19 до 37 лет³⁵.

³³ Полевые записи автора 15, 18, 19.X 1965 г., Поршневатский сельсовет Шугнанского р-на п. г. Хорог; М. С. Андреев. Таджики долины Хуф, ч. I, стр. 182.

³⁴ «История таджикского народа», т. III, кн. I, стр. 136.

³⁵ К сожалению, по Рушанскому р-ну в областном загсе отсутствуют данные за 1946—1949 и 1951—1957 гг.

Данные об устойчивости смешанных браков изучались нами в г. Хороге. Хорог является и единственным местом, где смешанные браки наиболее часты, так как здесь живут и работают представители различных национальностей. В 1963 г. из 94 зарегистрированных браков 88 приходилось на браки между представителями припамирских народностей. Смешанных браков припамирцев с таджичками равнинными — один, с русской — один, с татаркой — один; браков, при которых супруги принадлежали к разным припамирским народностям, — 11; из них муж — шугнанец, жена — рушанка — три брака; муж — шугнанец, жена — ваханка — один брак; муж — рушанец, жена — шугнанка — семь браков.

В 1963 г. в г. Хороге было расторгнуто десять браков, причем в восьми случаях один или оба супруга — припамирцы. В двух расторгнутых браках мужья — шугнанцы, а жены — в одном случае таджичка из Душанбе (брак зарегистрирован в 1958 г.), в другом — русская (в брак вступили в 1960). В числе этих же десяти случаев расторгнуты два брака, где мужья и жены принадлежат к разным припамирским народностям: в одном муж — шугнанец, жена — рушанка, в другом муж — хуфец, жена — шугнанка.

В 1964 г. в Хороге было заключено 55 браков, причем 44 из них, в которых муж и жена принадлежат к одной или к различным припамирским народностям; из этих браков три брака смешанные: мужья — таджики, жены — шугнанки (два брака); муж — шугнанец, жена — русская (один брак). В том же 1964 г. в г. Хороге было расторгнуто 24 брака, из них 18 — где один или оба супруга из припамирских народностей. Смешанных браков с непамирами расторгнуто только шесть: муж — шугнанец, жена — русская (один брак, заключен в 1958 г.); муж — шугнанец, жена — еврейка — один, в брак вступили в 1961 г.; муж — шугнанец, жена — таджичка (три брака, заключены в 1954, 1957 и 1963 гг.); муж — таджик, жена — шугнанка (один брак).

В 1965 г. (данные загса по август) в Хороге произошло шесть разводов, из них только три, где оба или один из супругов принадлежат к припамирским народностям. Из этих трех расторгнутых браков два были заключены в 1961 г. между таджиками и припамирцами: в одном муж — таджик из Душанбе, а жена — шугнанка, в другом, наоборот: муж — шугнанец, жена — таджичка из Душанбе.

Материалы архива загса г. Хорога показывают, что смешанные браки, в которых один из супругов принадлежит к какой-либо припамирской народности, прочны.

Анализ статистических материалов из местных архивов и собранных нами полевых материалов убедительно свидетельствует об активности процесса изменения традиционных форм брака у припамирских народностей за годы Советской власти. Наши данные говорят об укреплении семьи, более вдумчивом и серьезном подходе к заключению брака будущими супругами. В значительной степени это связано также и с повышением, особенно для девушек, брачного возраста, необходимостью соблюдения советского законодательства о браке, но также и с влиянием социальной культуры, в том числе женского образования. В сельской местности именно с этим связана возможность расширения территориальных и социальных границ брака, появления смешанных в национальном отношении браков. На наших глазах отживают традиционные обычаи, несовместимые с равноправным положением супругов, старших и младших членов семьи.

Становление новой семейной обрядности

Описанию и анализу семейной обрядности уделяли в большей или меньшей степени внимание почти все исследователи, занимавшиеся изучением этнографии припамирских народностей³⁶.

У этих народностей традиционные обычаи и обряды, связанные со свадьбой, рождением и воспитанием детей, погребальные и поминальные обряды испытали влияние исмаилизма, сочетающего, как мы видели, элементы древних народных верований и исмаилитских. В ряде случаев (обряды, связанные с новорожденным, погребальные и свадебные) они существенно отличаются от семейных обрядов и обычаев соседних мусульманских народов, в том числе и таджиков (в прошлом мусульман-суннитов)³⁷.

Под воздействием советской социалистической культуры в результате развития народного образования и здравоохранения значительно изменился характер семейной обрядности у припамирских народностей. Некоторые обычаи, представлявшие собой вредные пережитки прошлого, совсем исчезли из современного быта семьи.

В традиционной свадебной обрядности одним из главнейших действий являлось сватовство — *хеги*. Отец и мать юноши, вы-

³⁶ М. С. Андреев. Таджики долины Хуф, ч. I гл. III—IX; Л. Ф. Моногарова. Материалы по этнографии язгулемцев, стр. 51—94 и др.; сравни: Н. А. Кисляков. Семья и брак у таджиков. М.—Л., 1959.

³⁷ Полевые записи 18. 24.X 1964 г., кишлак Рушан Рушанского сельсовета Рушанского р-на; 15—18.X 1965 г., Поршневский сельсовет Шугнанского р-на и г. Хорог.

брав невесту — *нипенц* для сына, обращались к помощи сватов. Сваты — авторитетные в сельской общине мужчины — шли в дом избранной девушки.

У шугнанцев долины р. Гунта и в Рушане мать юноши предварительно, до официального сватовства, спрашивала согласие на брак у матери избранной девушки и в случае утвердительного ответа засылала сватов, вместе с которыми шел отец юноши. Сваты отправлялись вечером, несли с собой угощение: 2—6 кг сливочного масла (у шугнанцев — топленого), тушу барана, отрез материи от 6 до 12 м. Отец девушки приглашал всех своих родственников и советовался с ними по поводу намечавшегося брака. Особое согласие спрашивали у родного дяди девушки, брата ее матери. В случае его отрицательного ответа отец девушки не мог выдать ее замуж за сватавшегося юношу. По обычаю, брат матери считался ближе родного отца. Ответ дочери отец получал через ее мать. Девушке, по обычаю, полагалось молчать. Если мать не соглашалась, то отвечала уклончиво: «Она еще молода», «ей рано замуж» и т. п. Получив отрицательный ответ, сваты уходили, часто забрав принесенное угощение.

У бартангцев³⁸ сватом выступал отец юноши или его старший брат. Приносили угощение (чашку и три лепешки, а поверх них — масло или мясо) и 5 м материи. В случае отрицательного ответа отец девушки не брал подарков.

Если согласие было получено, то после угощения сватов (отец невесты обычно резал и своего барана) отец жениха — *подшо* (тадж.), *хунчи* (шугн.) официально обращался к отцу невесты с просьбой отдать девушку за его сына; в этой речи подчеркивалось, что брак этот одобряют души предков той и другой семьи; в заключение речи отцы, по обычаю исмаилитов, целовали друг другу руки. Сразу же договаривались о расходах на свадьбу. Отец жениха должен был дать скотину и зерно, ткань для шитья нескольких платьев невесте — части ее приданого. За подарками невесте, за скотом и другими продуктами для свадьбы приходил брат матери невесты в сопровождении еще одного родственника. Отец давал в приданое дочери три платья, искусственные косы из овечьей шерсти, окрашенные в красный цвет, две пары джурабов, пехи, постельные принадлежности: кошму, местной формы длинную подушку, ватное одеяло.

Шитье одежды для невесты в ее доме и для жениха в его доме производилось специально приглашенными женщинами, луч-

³⁸ Полевые записи Ф. Д. Люшкевич 28.IX 1966 г., кишлак Сипондж Бартангского сельсовета Рушанского р-на.

шими швеями кишлака. Они получали угощение, развлекались пением и игрой на варгне и бубне³⁹.

Свадьба в зависимости от возраста жениха и невесты и от возможностей их родителей подготовиться к свадебным расходам совершалась после сватовства через несколько недель, месяцев, а иногда даже через год-два. Для облегчения тяжести расходов семьи жениха и невесты родственники, члены одного каума, авлода, и близкие друзья приходили на свадьбу с обязательным подарком, причем предполагалось получить эквивалентный подарок на будущей свадьбе сына или дочери дарящего.

В день свадебного пира в доме жениха после угощения гостей — родных и односельчан начинались игры (козлодрание, соревнование всадников в стрельбе по цели и т. д.). Под пение приветствия жениху происходило ритуальное бритье головы (за которое совершающий его получал подарок) и одевание жениха. Для одевания жениха переносили на спине одного из гостей с места на нарах за очагом на нары против очага, выбирали «визирей», которые его одевали. Обычай требовал, чтобы у «визирей» были живы отец и мать. На жениха надевали штаны, рубаху, белый шерстяной халат, тибетейку, поверх нее — чалму и наискось — красный платочек; поверх халата надевали через плечи два длинных ожерелья из грецких орехов — отличительные знаки жениха, так что они перекрещивались на его груди. Родная сестра или мать жениха бросала ему на спину ржаную муку «на счастье», «для хорошей жизни», «чтобы всегда у него был хлеб».

Перед отъездом за невестой мать или сестра жениха жгла на очаге священную траву, умиляя духов предков. Перед очагом жених совершал *зиорат* — руками трогал очаг и проводил ими по лицу. После этого отправлялись в путь.

Религиозный брачный обряд у всех припамирских народностей происходил в доме отца невесты. Девушку-невесту увозили из отцовского дома утром или днем, а женщину-невесту (вдову или разведенную) — вечером. Этого обычая придерживаются и в настоящее время.

В доме невесты накануне приезда жениха готовили угощение и одевали невесту. Гости собирались много — родные и близкие девушки со стороны ее отца и матери. После омовения тела невеста с помощью подруг мыла голову и ей делали женскую прическу, вплетая искусственные косы красного цвета. Одевала не-

весту женщина, у которой должны быть живы отец и мать. При одевании невесты ее подруги играли на варгане. На невесту надевали две пары шаровар (верхние обязательно сатиновые или шелковые, сшитые из подаренной женихом материи), два-три платья; вниз белое, а поверх — красное. Голову накрывали непременно красным (часто шерстяным) платком, на него повязывали чалму, а поверх нее накидывали белый платок. Главными украшениями невесты были серьги, бусы, браслеты, кольца. Лицо ей закрывали красным платком. Халат был часто зеленого цвета с желтой вышивкой на рукавах. Сапоги — *пёхи* надевались на одну-две пары джурабов (у шугнанцев и сейчас к свадьбе их вяжут с красивым орнаментом — *алоу*). Часто сапоги жениха и невесты были также красными. После одевания невесту сажали в угол за очагом (у бартангцев — у крайнего левого столба), иногда за протянутую специально для этого занавеску. Около нее усаживались и ее подруги.

Халифа назначал «счастливым час» для поездки за невестой. Свадебный поезд жениха двигался с песнями, исполняемыми под аккомпанемент бубна. У бартангцев с женихом кроме одного или двух «визирей» ехала близкая родственница его матери — обычно ее сестра⁴⁰.

В Рушане (у других народностей об этом обряде не упоминают) перед домом невесты жених останавливался, а невеста заперла дверь. Жених дарил что-нибудь невесте, и тогда дверь отпирали, впуская гостей в дом, сажали жениха на почетное место — на нары напротив очага. В Вахане жениха сажали в углу, у центрального столба (здесь самое почетное место в доме, здесь сидят пир и халифа при посещении дома верующих).

Гостей на свадьбе угощали мясом, сливочным маслом, лепешками (теперь часто угощают пловом), сладостями — ядрышками из косточек урюка, тутом, орехами (теперь и конфетами). Пили молоко и воду; шир-чой, как мы упоминали, широко распространился в 30-х годах, раньше его пили только в богатых семьях.

В Вахане с женихом ехал брат матери, угощали жениха и приехавших с ним во дворе, для них дастархан расстилали до приглашения в дом. В дом приглашал отец невесты.

Представитель жениха спрашивал у отца невесты, будут ли угощать гостей всю ночь. Если нет, то надо было быстрее совершить религиозный брачный обряд, чтобы успеть засветло перевезти невесту в дом жениха. Обряд совершался в присутствии гостей халифой или заменяющим его грамотным человеком.

³⁹ М. С. Андреев. Таджики долины Хуф, ч. I, стр. 129, 130.

⁴⁰ Полевые записи Ф. Д. Люшкевич 30.IX 1966 г., кишлак Сипондж Рушанского р-на.

Доверенный человек со стороны невесты (*вакиль*) наливал в пиалу воду, поверх пиалы клал кусок баранины (от ноги — в Шугнани; у бартангцев — от лопатки; в Рушани клали еще лепешку поверх мяса) и покрывал платком. Халифа́ или читающий молитву спрашивал у девушки через вакиля ее согласие на брак с данным юношей. В Рушани она не должна была отвечать, за нее согласие выражал вакиль, дуя на пиалу. А в Шугнани пиалу давали девушке, и, если она согласна была выйти замуж за данного юношу, она кивала головой, отпивала из пиалы воду и брала кусочек мяса; если же не согласна — она этого не делала и свадьба расстраивалась (но такие случаи были чрезвычайно редки). Затем давали пиалу жениху, он отпивал немного воды, съедал кусок мяса. Жениха с невестой угощали горячей лепешкой с маслом, они пробовали, и вслед за этим приступали к еде все гости. Сначала гости получали по куску тутовой халвы (*хыхце*), после чего их угощали обедом; главное ритуальное блюдо — мясная похлебка.

У всех припамирцев существовал обряд прощания невесты с очагом родного дома. В Рушани она молилась перед очагом, брала из него золу, подносила ее ко лбу и подбородку и затем забирала с собой. С ней в дом жениха ехал ее «представитель» — часто дядя (брат матери) — верхом, если надо было ехать далеко; если же близко — он вел ее лошадь или жених нес невесту на своих плечах. Невесту сопровождала в дом жениха и сестра ее матери.

Когда свадебная процессия выходила из кишлака невесты, происходила шуточная борьба между родственниками жениха и невесты, они бросали друг в друга камешками, снежками.

У первого арыка останавливались и ждали выкуп от жениха, потом ехали дальше. Жители кишлаков, через которые проезжал свадебный поезд, перегораживали арканом дорогу и получали от жениха выкуп. Подъезжающих к дому жениха радостно встречали его родственники и друзья, играя на бубнах. В дом невесту вносил жених. У шугнанцев невеста не садилась в доме жениха на нары против входной двери, пока не получит от свекрови подарка — браслет, бусы, серьги (в прошлом — корову). В доме у жениха свадебные обряды продолжались.

У рушанцев невеста, а с ней и жених садились на нары напротив очага. Она не ела ничего, говорила «горячо», «не могу есть» — ждала подарок и получала его. Потом ее и жениха угощали ритуальными лепешками, и после этого все приступали к еде. Мальчик должен был веточкой фруктового дерева поднять платок (*рубинак*), закрывающий лицо невесты. Родственницы

жениха подносили невесте подарки: зеркало, кольца и другие украшения. Первой подходила сестра жениха, потом его мать и остальные женщины.

У бартангцев⁴¹ невесту в дом жениха провожал брат ее матери. Здесь при обряде открытия лица мальчик, у которого живы родители, должен был три раза выстрелить стрелой из лука (*чаныч*, которым сбивают шерсть) и хотя бы на третий раз попасть в отверстие чор-хоны. Затем он подходил к невесте и два раза чанычем приподнимал платок, закрывающий ее лицо, а на третий раз его отбрасывал. Мальчик забирал платок себе, а невесте что-нибудь дарил. У бартангцев, рушанцев, шугнанцев и ваханцев человек, открывающий лицо невесте, становился ее «названным отцом» (*пед*). Она поддерживала с его семьей родственные отношения, даже носила траур, если умирал кто-то из его семьи.

У бартангцев через три дня после свадьбы молодая ехала с мужем и свекровью в дом своих родителей, где они гостили три дня. Ее мать получала в подарок пять метров ткани на платье. Родители молодой в свою очередь дарили ей столько же материи на платье, барана или козу.

Молодая с матерью или сестрой мужа посещала своего названного отца, который открывал ей лицо. Дарила ему три маленькие лепешки, а он ей — джурабы, козу или барана.

У бартангцев невеста, уезжая из родного дома к жениху после совершения «нико», подходила к горизонтальной балке потолка над нарами справа от двери (нары напротив очага), прикладывала, по исмаилитскому обычаю, к ней руку, затем к своему лбу и подбородку, подходила к очагу и повторяла этот обряд с двух сторон очага. Мать девушки завертывала в платок немного золы из очага и давала ей с собой.

У припамирских народностей (за исключением бартангцев) до сих пор во многих семьях существует обряд мытья головы молодой ее матерью. Мать молодой приносит деревянное блюдо с двумя лепешками, мясом, супом и подарками дочери и ее доверенному при совершении обряда. В присутствии женщин — родственниц молодого мать молодой моет ей голову, потом угощают всех женщин. После совершения этого обряда молодая, не принимавшая пока участия в хозяйственной жизни семьи, активно включается в нее.

⁴¹ Полевые записи Ф. Д. Люшкевич 30.X 1966 г., кишлак Сипондж Бартангского сельсовета Рушанского р-на.

Посещение молодой своих родителей (так называемое возвращение домой) после полугода-года замужней жизни было распространено у всех припамирских народностей. Вместе с ней ехали ее муж и его родители. Они получали подарки: платок и платье дарили матери, халат (*чекмень*) и чалму — отцу. Муж ее с родителями отправлялся домой через несколько дней, а молодая гостила иногда и до полугода, но обычно не более двух месяцев. При отъезде в дом мужа родители дарили ей платье и платок и давали скот — *чайез* (обычно корову или 12 голов мелкого рогатого скота — маточное поголовье), которым не могли распоряжаться родственники мужа без ее согласия или в случае смерти молодой — без согласия ее детей. В Вахане он давался в том случае, если у молодой уже родился ребенок, поэтому, видимо, и посещала она дом родителей через год после свадьбы.

Из скота, который у припамирских народностей получал отец невесты к свадьбе, одну корову или еще что-либо дорогое получал брат матери невесты «за вскармливание», но когда она приезжала к родителям через полгода после свадьбы (в Шугнани) или через год (в Вахане), то брат матери невесты дарил ей корову или эквивалентный дорогой подарок.

На первый праздник Нового года, наступивший после свадьбы, молодая, по обычаю, обязательно должна была поехать в гости к своим родителям.

В Шугнани через две недели после свадьбы приезжали в гости отец и мать молодой, привозя сундук с платьями, зеркало, расческу (теперь, если соблюдают этот обычай, то вместо сундука привозят чемодан).

Влияние социалистической культуры на быт припамирских народностей особенно ярко проявилось в изменении свадебных обрядов. Такой традиционный элемент свадебного обрядового цикла, как сватовство, практически исчез, в первую очередь в семьях городской и сельской интеллигенции. Приведем характерные примеры современной свадьбы.

Одна девушка, студентка филологического факультета, рассказала⁴², что они вместе с будущим мужем учились в кишлаке Вранг в средней школе, потом поехали в Душанбе в пединститут. Юноша учился на историческом факультете, она — на филологическом. Будучи студентами второго курса, решили пожениться. Написали письма родным. Сдав экзамены и перейдя на третий

⁴² Полевая запись автора 14.IX 1966 г., кишлак Вранг Врангского сельсовета.

курс, расписались в загсе. На свадебный вечер собрались студенты, принесли подарки — духи, различные сладости. Приехав домой на каникулы, отпраздновали свадьбу дома. Ее отец устроил хороший вечер. Приехал муж со своими родителями, родственниками и друзьями. Им были приготовлены подарки: шелковый халат, тюбетейка, рубашка, джерубы — для мужа дочери и для его отца. Мать жениха и другие родственники тоже получили подарки. Родители подарили дочери пять платьев и столько же платков, три одеяла, кошму, матрац, посуду.

Весь свадебный цикл в этом случае состоял из вечера в Душанбе и торжественного семейного ужина в доме родителей молодой в родном кишлаке.

У первой девушки-ваханки, ставшей врачом, была комсомольская свадьба. Жених — горонец (таджик) работал прокурором. Их свадьбу праздновали в клубе в Ишкашине. Главным распорядителем на свадьбе выступал первый секретарь райкома. Молодые после загса поехали в клуб, где собрались гости — родные, родственники и друзья, товарищи по работе. К их приходу в клубе были уже накрыты столы. А подарок молодые получили стличный — новую квартиру в типовом доме (в районном центре — Ишкашине). Среди подарков были: шелковое покрывало, тюль на окна, украшения невесте, вазы для цветов и т. п. Жених подарил невесте золотые наручные часы. На этом торжественном вечере выступали артисты; многие гости (и мужчины, и женщины) танцевали. Жених был одет в новый модный костюм, а невеста — в белое шелковое платье на отрезной кокетке и женские шаровары модного покроя; на голову она накинула легкий светлый капроновый платок.

Это свадебное торжество характеризуется уже полным отступлением от традиций.

В Хоробе для вступающих в первый брак молодых людей устраивается торжественная регистрация в городском загсе⁴³. На регистрацию приглашают одного из депутатов городского Совета, который вручает брачное свидетельство жениху, поздравляет вступающих в брак, желает им счастья. Иногда поздравляет молодых людей заведующий городским загсом. Присутствующие родные и друзья жениха и невесты преподносят им цветы, иногда здесь же провозглашаются тосты за здоровье и счастье новобрачных. Свидетелями также выступают родители или друзья жениха и невесты.

⁴³ Полевая запись автора 16.X 1967 г., г. Хороб.

Иногда в Хороге свадьбы празднуют в помещении Музыкально-драматического театра, где в особом зале накрывают столы для свадебного ужина, в зрительном зале дают концерт, а в фойе танцуют. Веселятся все вместе — мужчины, женщины, юноши и девушки.

Интересно, что в последние годы горожане стали часто приглашать работников загса для вручения брачного свидетельства домой к невесте или жениху, где происходит свадебное торжество. В таких случаях документы и брачное свидетельство оформляют за несколько дней до свадьбы. Нередко в день свадьбы в дом жениха и невесты приглашают артистов. Входит в быт торжественное вручение брачного свидетельства на дому в день свадебного торжества

Вместе с тем регистрация брака в загсе является обязательной и даже в случаях, когда затем совершается религиозный обряд, так как ни один халифа без предъявления свидетельства о регистрации брака не будет совершать религиозный обряд⁴⁴.

Сельские жители для совершения брачного обряда приглашают халифу на свадьбу значительно чаще, чем горожане, так как влияние социалистической культуры в городе сильнее.

В сельсовете регистрация брака, особенно молодых, вступающих впервые в брак, происходит в настоящее время в торжественной обстановке. Так, у шугнанцев долины Шахдары, например в Рошткале, председатель сельсовета или депутат сельсовета, вручая жениху свидетельство о браке, поздравляет молодых, желает счастья и здоровья, наказывает беречь семью. Пришедшие с женихом и невестой свидетели, друзья-комсомольцы, после регистрации торжественно поздравляют молодых и провозглашают тосты в их честь.

Через день-два после регистрации брака устраивают свадебный пир. Юноша приглашает к себе друзей, товарищей по работе или учебе, а девушка — своих подруг. На другой день отец юноши и отец девушки приглашают в дом отца жениха гостей: родных, друзей, товарищей жениха и невесты по работе. Иногда приглашают артистов из Хорога или местных народных музыкантов и певцов. В доме пируют и веселятся и женщины, и мужчины вместе.

От старых свадебных традиций сохраняются некоторые детали старинных обрядов: 1) обрядовое одевание жениха и невесты, но при этом традиционный свадебный костюм в основном заме-

⁴⁴ Полевые записи автора 14.X 1967 г., кишлак Рошткала Рошткалинского сельсовета Шугнанского р-на; 16.X 1967 г., г. Хорог.

нен современной нарядной одеждой; 2) прощание невесты с родным домом, когда она берет с собой немного золы из очага; 3) угощение молодых тремя большими лепешками на молоке с сахаром, чтобы жизнь была сладкая, счастливая; 4) подарок невесте от матери жениха, чтобы невеста села в доме на нары; 5) открывание лица невесты мальчиком, имеющим в живых обоих родителей; 6) возвращение молодой к родителям через определенное время после свадьбы и обязательное посещение родного дома в первый Новый год после брака.

Молодые люди, вступающие в брак, не возражают против совершения упомянутых обрядовых действий из уважения к старшим, не желая обидеть их.

Многие традиционные обряды, связанные с рождением и воспитанием ребенка⁴⁵, под влиянием советской социалистической культуры исчезли; некоторые существенно изменились.

Антисанитарные условия, в которых женщина рожала, нередко приводили к смерти новорожденного, а иногда и матери. Женщина, по обычаю, должна была рожать первого ребенка в доме своей матери (в старину так и было, но потом для этого спрашивали согласие мужа). Ребенка обмывали теплой водой и первые три дня грудным молоком не кормили, а давали сливочное масло домашнего приготовления. Через три дня мать роженницы мыла ей голову (у хуфцев она мыла сама), после чего ребенка кормили грудью. В этот день устраивали угощение для женщин, отмечая рождение ребенка. Мужчин приглашали мало. В тех семьях, где этот праздник устраивают теперь, он бывает обычно не через три дня, а через девять, то есть после того, как мать вернется из родильного дома. Через пять — семь дней после родов начинали регулярно купать ребенка в теплой воде.

Кормление грудным молоком и теперь нередко продолжается более года. Если у матери пропадало молоко, то кормилицей становилась чаще всего родная сестра отца или матери новорожденного. Вскормленный ребенок называл эту женщину матерью, она считалась очень близким человеком всей семьи.

⁴⁵ Описание этого цикла обрядов см.: М. С. Андреев. Таджики долины Хуф, ч. I, гл. III, VI; Н. А. Кисляков. Язгулемцы, стр. 370; Л. Ф. Моногарова. Материалы по этнографии язгулемцев, стр. 79—81; Полевые записи автора 18.X 1964 г., кишлак Поршнев Поршневого сельсовета Шугнанского р-на; 20, 21, 24, 30.X 1964 г., кишлак Рушан Рушанского сельсовета Рушанского р-на; 15.X 1965 г., 15.X 1966 г., кишлак Вранг Врангского сельсовета Ишканинского р-на (в том числе полевые записи Ф. Д. Люшкевич); 29.IX 1966 г., кишлак Басид Басидского сельсовета Рушанского р-на; 11, 15.X 1967 г., кишлак Рошткала Рошткалинского сельсовета Шугнанского р-на.

При рождении сына, по обычаю, отец стрелял вверх из двухтетивного лука. Первому, кто сообщит ему радостную весть о рождении ребенка, он делал подарок. Этот обычай называется *мыжда* и сохраняется довольно стойко.

Приданое первенцу и колыбель по обычаю дарила мать роженицы. Первый месяц роженица с младенцем жила в родительском доме. Новорожденного клали в колыбель через 40 дней. Для ближайших родственников по этому поводу устраивали угощение. Уезжать на первый месяц после родов в дом родителей принято во многих семьях и теперь.

В течение 40 дней, а иногда и дольше в доме круглые сутки горел огонь, который, по поверью, защищал ребенка от злых духов (например, у ваханцев от Фришты, который может сделать ребенка глухим, немым или слепым).

Существовали различные обряды, связанные с бесплодием женщины, нередко вредные для здоровья. В настоящее время они почти исчезли.

Следует подчеркнуть, что местные коммунисты и комсомольцы, опираясь на актив, вели постоянную работу по преобразованию быта, искоренению вредных пережитков в семейной жизни. Коммунистическая партия и Советское правительство с первых лет Советской власти уделяли много внимания развитию здравоохранения, особенно в самых отдаленных глухих окраинах бывших колоний царской России. Из года в год увеличивается сеть медицинских учреждений по обслуживанию населения. Все это положительно сказалось на состоянии здоровья населения, особенно детей.

Профилактические прививки детям и взрослым, своевременное лечение, гигиенические навыки по уходу за новорожденными и детьми младшего возраста сохранили много жизней.

Ребенку в возрасте от года до трех лет стрижет первые волосы специально приглашенный для этого человек. Мальчику снимают все волосы, а девочку стригут коротко, оставляя спускающиеся на виски локоны. У человека, подстригающего первые волосы ребенку, должны быть живы и мать, и отец, и он должен иметь много детей.

Имя ребенку дают родители. Самые распространенные имена для мальчиков: Шомансур, Саиддесо, Ходжамкул, Назаршо, Давлятшо, Хильват, Сангмамад и др., а для девочек — Олимголь, Ширинголь, Деляфрус, Мохним, Гюльхным, Ниссо, Низора, Гульчера. Некоторые дают и русские имена, особенно в смешанных семьях. Фамилию до недавнего времени производили от имени отца. Родившиеся в 60-е годы младенцы получают по записи

в свидетельстве о рождении и отчество: так, сын Саиддесо, родившийся у Давлятшо в 1967 г., записан как Саиддесо Давлятшоевич Хильватов.

Повсеместно входит в быт торжественная регистрация новорожденного. В Хороге это торжество устраивают в Доме культуры, а в сельских местностях — в клубах или сельсоветах. Обычно это праздник не для одного, а для целой группы новорожденных (шести-семи ребят). На торжество приходят родители новорожденных в окружении родственников и друзей, товарищей по работе. Родителей поздравляет директор Дома культуры и вручает им свидетельства, преподносит подарки для новорожденных.

Во многих семьях торжественно отмечают дни рождения детей, окончание школы, проводы призывников для прохождения службы в Советской Армии и встречу их после демобилизации.

Погребальный и поминальный обряды — самые стойкие. В современных погребальных обрядах сохраняются многие традиционные черты⁴⁶. Так, например, хоронят покойника в день смерти. Возвратившись с похорон, в доме умершего пьют чай с лепешками, окуривают дом хорошо пахнущими травами. Через три дня устраивают поминки с приглашением всех жителей кишлака. Траур по умершему его родственники соблюдают до 7—8 дней.

В настоящее время под влиянием социалистической идеологии многие традиции переосмысляются, и в процессе изживания архаических элементов обновляются, наполняясь современным содержанием.

Влияние социалистической культуры на семейно-бытовой уклад

В Горно-Бадахшанской автономной области, как и во всей стране, носителем новых взглядов в семейном быту являлись коммунисты и комсомольцы, которые вели борьбу с пережитками прошлого, несовместимыми с новыми общественными и семейными отношениями, с советской моралью. Из их среды выросли первые кадры местной интеллигенции — проводники передовой

⁴⁶ См.: М. С. Андреев. К характеристике древних таджикских семейных отношений. стр. 4—12; *он же*. Таджики долины Хуф, ч. I, гл. IX—X; Н. А. Кисляков. Язгулемцы, стр. 370; Л. Ф. Моногарова. Материалы по этнографии язгулемцев, стр. 81—84; а также полевые записи автора 1964, 1966 гг. в Шугнанском, Рушанском и Ишкашимском районах.

социалистической культуры в быт каждой семьи памирцев. «Каждый четвертый памирец учится... Если всего 15 лет назад на каждые десять тысяч жителей приходилось два человека с высшим и шесть с незаконченным высшим образованием, то теперь на одну тысячу населения приходится более двадцати человек, окончивших вузы. Областной центр — Хорог занимает первое место среди всех городов Советского Союза по числу людей с высшим образованием на тысячу жителей»⁴⁷.

В одном из ближайших к Хорогу сельсоветов — Поршневском на 5218 человек в 1966 г. приходилось 37 человек с высшим образованием, студентов — 231 человек⁴⁸.

В известном уже нам кишлаке Миденшор⁴⁹ Поршневского сельсовета (до Великой Октябрьской революции в Миденшоре не было грамотных) в 1964 г. на 65 семей (606 человек) приходилось с высшим образованием — 34 человека, с неполным высшим — около 20 человек, со средним — свыше 250 человек и 40 человек — со средним специальным образованием.

«Поршнев — родина многих видных ученых, партийных и советских руководителей, работающих в области и республике. Среди них — директор Института истории, археологии и этнографии Академии наук Таджикской ССР доктор исторических наук (в настоящее время член-корреспондент АН Тадж. ССР. — Л. М.) Б. И. Искандаров, военком республики генерал-майор М. Д. Ташмухамедов, начальник управления школ Министерства народного образования Таджикской ССР кандидат экономических наук М. Махамадназарбеков и многие другие»⁵⁰. В Горно-Бадахшанской области, по данным 1965 г., работает свыше 3400 специалистов с высшим и средним специальным образованием. «Из общего числа специалистов 85% составляют лица местной национальности»⁵¹. Коммунисты и комсомольцы в таких в прошлом глухих и отсталых горных районах, как Западный Памир, всегда играли большую роль в общественных отношениях, боролись за ликвидацию неравенства положения женщины в быту, в семье. Коренные изменения в экономической и общественной жизни, советское брачное законодательство, введение всеобщего обязательного образования резко изменили положение женщины в обществе и семье.

⁴⁷ М. Ширинджанов. Крыша мира, стр. XV.

⁴⁸ Полевые записи автора 23.IX 1966 г., сельсовет Поршнев Шугнанского р-на.

⁴⁹ Полевые записи автора, сентябрь 1966 г., кишлак Миденшор Поршневского сельсовета.

⁵⁰ М. Ширинджанов. Крыша мира, стр. XV.

⁵¹ И. М. Клеандров. Указ. соч., стр. 252.

Многочисленные источники и полевые материалы свидетельствуют о том, что за годы Советской власти произошла настоящая культурная революция у населения Западного Памира, обустойчившая и изменение в семейном быту.

В прошлом даже в зажиточных семьях не считали нужным давать дочерям образование. Несмотря на значительную свободу по сравнению с женщинами других среднеазиатских народов, жизнь памирки (рушанки, шугнанки, ваханки и т. д.) была все же ограничена домом — семейными заботами, воспитанием детей и домашним хозяйством. Дочь, с детских лет помогая матери по хозяйству, обучалась приготовлению пищи (в том числе заготовке молочных продуктов), шитью, прядению, вязанию. Одна из первых учительниц из среды припамирских народностей, ныне пенсионерка Мурамматниссо Мамедназарова (1907 г. р.), подчеркнула, что школ на Памире не было, грамотные старики учили читать по-арабски, главным образом мальчиков. Мурамматниссо с детства хромает (у нее был вывих в шестимесячном возрасте), и поэтому родители, боясь, что она не будет иметь своей семьи, решили обучить ее грамоте, тем более что дядя и отец ее были грамотными и могли помочь девочке⁵².

Русско-туземная школа была открыта в Хороге для мальчиков из зажиточных семей, но в ней было мало учеников, и она перестала действовать еще до Октябрьской революции. В 1922 г. был открыт при Хорогском посту интернат на 15 человек. Организация школьного дела встретила с большими трудностями: обособленностью Западного Памира, нехваткой учителей и школьных помещений, агитацией духовенства против советской школы. Однако в 1923 г. был образован одновременно с областным ревкомом и отдел народного образования. Над первой школой-интернатом шефствовали воины местного пограничного отряда. Первый и второй пограничные отряды, которые были посланы на Памир по просьбе населения, помимо своих прямых обязанностей проводили, как мы уже отмечали, большую организаторскую работу, занимались политическим воспитанием местных жителей, способствуя этим укреплению советских и партийных органов. Большую роль играла и первая комсомольская организация. «Политтройка, а затем областное партийное бюро, вся партийная организация опирались на комсомол в решении самых важных задач: в ликвидации басмачества, борьбе с феодально-байскими пережитками и перестройке быта, куль-

⁵² Полевая запись автора 15.X 1965 г., г. Хорог.

турной революции»⁵³. В 1923 г. открылась первая советская школа, в которой было 50 учеников. Вначале девочки (их было 15) и мальчики жили и учились отдельно, но с 1930 г. обучение стало совместным. Открыли еще три школы, а затем три ликбеза для взрослых. Местная молодежь, получив начальное образование, помогала в проведении всеобуча. Один из таких первых учителей всеобуча, коммунист, ныне заслуженный учитель республики Давлят Шабдолов после окончания советско-партийной школы в Хороге был послан партийной организацией области в Ленинград на педагогические курсы национальных меньшинств Советского Востока при ЦК⁵⁴.

Велика роль областной партийной организации в деле развития народного образования. Население, несмотря на материальные затруднения, всячески помогало вновь открываемым школам хлебом, строительными материалами и т. п.

Ныне даже в самых отдаленных высокогорных кишлаках есть начальные школы, а продолжают дети образование в школах-интернатах, расположенных в центрах сельсоветов, например в Поршневе, Рошткале, в районных центрах (Рушан) и в г. Хороге.

В 1964 г. в ГБАО было 2085 учителей, из них 771 имели высшее образование, 380 — заочно получили высшее образование. Все 2085 учителей — из местных народностей, только среди преподавателей русского языка встречаются русские или украинцы.

В 1965 г. в области работало уже 283 школы с 24 000 учащихся⁵⁵.

В современных семьях родители стараются дать образование дочерям такое же, как и сыновьям. Поэтому не удивительно, что из 545 человек, окончивших в 1963 г. среднюю школу, 273, или 50,1% — девушки. Например, в Поршневском сельсовете в 1966 г. 11 классов окончили 86 человек, а 10 классов — 96 человек. В техникумы и институты поступили 50 человек, из них 24 девушки.

Детям в доме предоставляется лучшее, наиболее светлое место для приготовления уроков. Новым в семье, несомненно, является выделение части бюджета на покупку игрушек, книг, канцелярских и спортивных принадлежностей для дошкольников и учащихся. Приобретая культурные навыки, учащиеся, особенно из отдаленных высокогорных кишлаков, оказывают влияние на

изменение культуры быта в своей семье. Постельное белье, личное полотенце и зубная щетка, тарелки и пиалы, ложки и вилки имеются почти в каждой семье в большем количестве, чем требуется для удовлетворения потребности каждого ее члена.

Изменению культуры быта способствовало и развитие здравоохранения на Памире. «До 1924 г. население области совершенно не получало медицинской помощи»⁵⁶. Народ погибал от многих болезней: дифтерии, дизентерии, чумы, туберкулеза, холеры и др. Дети особенно гибли от дифтерии, кори, дизентерии.

Первая в ГБАО больница с поликлиникой была открыта в 1927 г. в г. Хороге.

В 20-е годы таджикский народ оказывал активную помощь народностям Западного Памира. «Ежегодно десятки выпускников Душанбинского мединститута им. Абуали-ибн-Сино едут работать на «крышу мира»⁵⁷.

Большое влияние на процесс изживания вредных бытовых обычаев оказало введение медицинского обслуживания населения — организация женских и детских консультаций, областной и районных больниц с родильными отделениями, кишлачных фельдшерско-акушерских пунктов. В области есть несколько специальных диспансеров и санитарно-эпидемиологическая станция, водолечебница Гармчашма, превращающаяся в прославленный курорт.

В настоящее время жителей Горно-Бадахшанской автономной области «обслуживают 77 учреждений здравоохранения»⁵⁸. В серьезных случаях на самолетах прилетают крупнейшие специалисты из Душанбе. В Хороге есть медицинское училище, выпускники которого возвращаются в родные или соседние кишлаки, где работают в фельдшерско-акушерских пунктах, занимаются также и санитарным просвещением населения. Очень многие из числа выпускников училища и окончивших среднюю школу избирают своей профессией медицину, получают образование в медицинских институтах не только Таджикистана, но и других республик. Некоторые из молодых врачей-памирцев и педагогов-памирцев работают в Таджикистане и в других республиках Советского Союза, многие возвращаются на родину, как Амирбек Гуломнасыров, окончивший Душанбинский медицинский институт и работающий ныне главным врачом районной больницы в Ишкашме⁵⁹.

⁵³ М. Назаршоев. Ленинским курсом. Сб. «Крыша мира», стр. VII.

⁵⁴ Н. Джонбабаев. Учитель учителей. Сб. «Крыша мира», стр. 55.

⁵⁵ И. М. Клеандров. Указ. соч., стр. 252.

⁵⁶ М. Ширинджанов. Крыша мира, стр. XII.

⁵⁷ Д. Назардодов. Служба здоровья. Сб. «Крыша мира», стр. 53.

⁵⁸ М. Ширинджанов. Крыша мира, стр. XV.

⁵⁹ Д. Назардодов. Служба здоровья, стр. 52—53.

Как и в других городах и селах нашей страны, каждый ребенок на Памире с момента рождения и до окончания средней школы находится под наблюдением медицинских работников, которые часто посещают детей на дому, прививают матерям санитарно-гигиенические навыки.

Во многих семьях младшие дети посещают ясли и сады (в колхозах часто — сезонные), а школьники сочетают учебу с дополнительной помощью родителям в домашнем хозяйстве.

Огромное внимание уделяет школа развитию способностей детей в различных кружках (литературных, исторических, физических и т. п.), в спортивных секциях и особенно в коллективах художественной самодеятельности — хоровых, музыкальных и танцевальных.

Например, в сельсовете Поршневе в школе «Социализм» в художественной самодеятельности участвует много талантливых девочек и мальчиков. Концерты школьной художественной самодеятельности устраивают в клубах (их в Поршневе пять). Вечером в клубах демонстрируют фильмы для взрослых, а по воскресеньям днем — для детей. В клубах есть струнные инструменты, шахматы и т. д.

У припамирских народностей, особенно у рушанцев, издавна развито искусство танца и пение под аккомпанемент национальных инструментов (струнных и ударного — бубна).

В Рушане при клубе работает Народный театр⁶⁰. Коллектив театра пополняют участники художественной самодеятельности школы-интерната и средней школы им. Лахути. Коллектив художественной самодеятельности в Рушане возник в первые годы Советской власти. Он воспитал популярного киноартиста Гурминча Завкибекова, народную артистку Таджикской ССР Сальсан Бандишеву. Из рушанского коллектива художественной самодеятельности выросли два профессиональных коллектива — Памирский ансамбль песни и танца и Хорогский областной музыкально-драматический театр имени А. Рудаки. Артисты совершают гастрольные поездки и знакомят с искусством памирцев другие народы Советского Союза и зарубежных стран. Памирцы на спектаклях и концертах знакомятся с лучшими произведениями классиков таджикской, русской и мировой литературы, музыкального искусства. Народным театром руководил с 1960 по 1962 г. заслуженный артист республики М. Атамов. В 1963 г. руководителем Народного театра и кружков художественной са-

модеятельности был назначен режиссер Н. Гульмамадов, получивший в Ташкенте высшее образование.

Общий рост культуры, повышение материального благосостояния оказывают влияние на досуг населения. На концертах Народного театра и художественной самодеятельности зрительный зал клуба бывает переполнен — сюда стремятся попасть и мужчины, и женщины, и юноши, и девушки, дети, даже старики и старухи. В концертную программу одного из концертов, например, входило исполнение народных песен и танцев рушанцев, шугнанцев, ваханцев и других народов Западного Памира, а также индийских, афганских, азербайджанских, русских песен и танцев. В оркестре национальных инструментов есть аккордеон и тар — азербайджанский струнный инструмент. На различные семейные торжества многие приглашают музыкантов из этого оркестра.

Национальные струнные инструменты и бубны есть почти в каждой семье в отдаленных высокогорных кишлаках, особенно у бартангцев и язгулемцев, у которых молодежь часто проводит

Рис. 16. Репетиция кружка художественной самодеятельности при Доме культуры, г. Хорог (фото Р. Разинцевой)

⁶⁰ Полевые записи автора 21, 30.X 1964 г., кишлак Рушан Рушанского сельсовета Рушанского р-на; К. Давлягшиев. Горный край талантов. Сб. «Крыша мира», стр. 92, 93.

досуг, слушая местных певцов и музыкантов; из-за труднопроходимых троп их редко посещают профессиональные артисты. У язгулемцев и бартангцев также есть своя детская художественная самодеятельность.

«Каждый кишлак имеет сегодня то или иное культурно-просветительное учреждение. Девять домов культуры, 65 сельских клубов, 122 библиотеки, 28 киноустановок — все это полностью отдано в распоряжение народа. Крупным культурным центром стал город Хорог, имеющий историко-краеведческий музей, областной Дом народного творчества, музыкально-драматический театр, пять кинотеатров, детскую музыкальную школу»⁶¹.

Большой популярностью пользуется хорогский Дом культуры. Здесь работают два кружка — песни и пляски и драматический (рис. 16). Участники самодеятельности — школьники и студенты медицинского училища, молодые служащие и колхозники. Занятия здесь ежедневные: утром — репетиция кружка песни и пляски, вечером — драматического кружка. Художественный руководитель — шуганец Абдулмамедов Султан Махмуд. Много сил и энергии отдает Дому культуры его директор, член КПСС с 1946 г. Кыргызбегим Гарибшоева (рушанка из кишлака Шидз). Она имеет среднее образование, сама участвовала в одном из первых коллективов художественной самодеятельности.

В новом здании Дома культуры, построенном в 1963 г., проходят различные областные конференции и торжественные собрания, на которых коллектив художественной самодеятельности выступает с концертом. Коллектив приглашают на праздничные вечера в учреждения, колхозы. На эти вечера часто ходят всей семьей; женщины и девушки их посещают гораздо охотнее, чем фильмы.

Заметим, что большой популярностью у населения пользуются индийские кинофильмы.

В. Орлов, специально ездивший по Таджикистану для выяснения особенностей национального вкуса кинозрителей, объясняет популярность индийских кинофильмов у местного населения следующим образом: «...если этот фильм близок этнически, если привычны и люди и природа... Здесь — искомое родство духа, обычаев, поведения»⁶². Как и в отношении таджиков, это цели-

ком можно отнести и к припамирским народностям, имеющим древние общие с таджиками истоки культуры.

Поэтому вполне понятно, что писатели и поэты — памирцы Тилло Пулоди, Шамбе-зода, Хайдаршо и другие — пользуются широкой известностью среди таджиков и всех знающих таджикскую поэзию, а Мирсаид Миршакар получил звание народного поэта Таджикистана и Лауреата государственной премии. Его произведения переведены на десятки языков⁶³. «Сейчас уже можно говорить и о «памирской литературе» как части большой таджикской советской литературы»⁶⁴, то же самое можно сказать и о профессиональном музыкальном искусстве памирцев, которое становится частью современного таджикского музыкального и театрального искусства. Не случайно поэтому «Заслуженный деятель искусств памирец Мехрубон Назаров в течение долгого времени работал в качестве режиссера Кабульского театра, помогая народу дружественного Афганистана создавать национальное театральное искусство»⁶⁵. Сближение в сфере духовной культуры, в частности профессионального музыкального и театрального искусства и литературы, оказывающих большое влияние через систему народного образования, печать и радио на каждую семью, имеет важное значение в процессе сближения припамирских народностей с таджиками.

⁶¹ М. Ширинджанов. Крыша мира, стр. XV.

⁶² В. Орлов. Люди, горы и кино. «Светский экран», 1967, № 11, стр. 5.

⁶³ К. Давлятшоев. Горный край талантов, стр. 91, 92.

⁶⁴ Там же, стр. 81.

⁶⁵ Там же.

Этнические процессы в среде припамирских народностей в прошлом и настоящем

В предыдущих главах мы старались с возможной полнотой осветить исторические факторы, обусловившие в далеком прошлом обособление припамирских народностей.

Издавна шел процесс взаимовлияния этих народностей, способствующий выработке некоторых общих для них черт хозяйственной деятельности и основных элементов материальной и духовной культуры, отличных от таковых у таджиков.

Образование Горно-Бадахшанской автономной области (1925 г.) в пределах Таджикской ССР и социалистическое переустройство хозяйства, особенно создание колхозов, обусловили экономическую общность припамирских народностей с таджиками остальных районов республики. Благодаря постоянной заботе Коммунистической партии и Советского правительства о повышении материального благосостояния трудящихся ГБАО получала большую экономическую помощь со стороны Таджикской республики. Важное значение в общей экономической и культурной жизни ГБАО и Таджикской ССР имели ликвидация бездорожья (проведение автомобильных дорог Ош—Хорог в 1934 г. и Душанбе—Хорог в 1940 г.), установление авиасвязи между отдельными районами области и регулярного воздушного сообщения по линии Душанбе—Хорог, связавшими между собой как отдельные районы, так и ГБАО в целом с культурными центрами Таджикистана и другими республиками Советского Союза.

Наши материалы показывают, что изживание былой экономической и культурной обособленности припамирцев проявилось в советское время в большем сближении с таджиками язгулемцев, рушанцев, шугнанцев, ваханцев и других народностей в области хозяйства и материальной культуры.

Сближение отдельных элементов национальной культуры и быта инонациональных народностей, несомненно, зависит от об-

щего культурного уровня различных социальных слоев взаимодействующих (контактирующих) групп этих народов, что и обуславливает неравномерность развития данного процесса.

Так, естественно, что среди припамирских народностей у городского населения Хорога в быту отмечается больше элементов современной таджикской и городской общесоветской культуры, чем у сельского населения.

В сельских местностях элементы таджикской и городской культуры наиболее отчетливо прослеживаются в среде местной сельской интеллигенции: учителей, врачей, руководящих работников советских и общественных организаций, колхозов и т. п.

За последнее десятилетие сильно изменилась традиционная национальная одежда припамирцев. Ныне она содержит элементы, заимствованные из современного национального костюма таджиков. Такой же характер имеют заимствованные у таджиков новые элементы жилища, в частности его интерьер.

В области духовной культуры и семейных отношений сближение припамирских народностей с таджиками в прошлом было невозможно, так как слишком велики были различия в языке, религии, в основополагающих аспектах семейного быта (взаимоотношения между полами, положение женщины и т. п.) и других национальных традиций.

Преобразование семейных отношений под влиянием социалистической культуры имеет решающее значение в процессе этнических взаимодействий, потому что именно в семье формируются и поддерживаются национальные традиции, создаются определенные моральные нормы, формы взаимоотношений между полами и поколениями и т. п. Однако сближение припамирских народностей с таджиками в области духовной культуры и семейных отношений оказалось возможным только на основе сложения новой социалистической культуры у обоих этих контактирующих народов.

Исследование данного вопроса на конкретном этнографическом материале показало, что процесс изживания обособленности припамирских народностей от таджиков в настоящее время протекает под воздействием общесоветской социалистической культуры, влияющей в равной степени как на припамирские народности, так и на таджиков.

Следует, однако, отметить, что переосмысление народом своих национальных традиций в процессе естественного развития национальной культуры, вызванное изменениями в общественном строе, экономике, широким развитием народного образования, здравоохранения, а также заимствование прогрессивных, пере-

довых форм социалистической культуры более развитых народов активно влияют на процесс этнического развития. В процессе этнического взаимодействия с таджиками припамирские народности усваивают лучшие черты современной национальной культуры таджиков, насыщенной элементами общесреднеазиатской и общесоветской культуры.

Степень завершения процессов естественной ассимиляции и консолидации в этническом развитии определенной народности или отдельных этнографических групп в составе наций, народностей или групп народностей зависит главным образом от изменения этнического самосознания народности или этнографической группы. Основными факторами (кроме экономического), определяющими изменение этнического (национального) самосознания народа, являются изменения в языке и в сфере национальной психологии.

Рассмотрим в свете этих двух аспектов процессы этнического развития припамирцев.

До упрочения Советской власти и начала социалистического преобразования хозяйства, общественной, семейной и культурной жизни естественное хозяйственное, культурное и этническое сближение припамирских народностей с таджиками и даже с наиболее близкими им по историческим судьбам и экономическому развитию таджиками Дарваза в силу упомянутых выше причин протекало медленно. Однако нельзя говорить о полном отсутствии этнических взаимовлияний между ними.

В прошлом из припамирских народностей наиболее тесно соприкасались с горными таджиками ванчцы (правильнее ванджи), коренное население долины р. Ванч (Вандж), входившей в Бухарский эмират. Духовенство эмирата проводило насильственное обращение в суннизм всех, исповадовавших другую религию. Под влиянием суннитской идеологии у ванцев изменились общественные и семейные взаимоотношения, моральные нормы, бытовой уклад в целом. Постепенное экономическое и культурное сближение ванцев с таджиками привело к утрате ими своего родного (ванчского) языка, замене его таджикским (ванчским или ванджским говором таджикского языка)¹, а в конечном итоге — к слиянию ванцев с таджиками. Таджики остальных районов республики считают ванцев таджиками. В 1920-х годах «И. И. Зарубину удалось записать около 50 слов, относящихся к этому языку... Зарубин указал на наличие остатков вымершей речи в современных таджикских говорах Ванча... Еще и

¹ А. З. Розенфельд. Ванджские говоры таджикского языка. Л., 1964, стр. 4—5.

сейчас можно... записать отдельные слова или связанные отрывки»². «Судя по некоторым признакам, ванжский язык, входя в северную подгруппу памирских языков, наиболее тесно примыкал к язгулемскому языку»³.

Язгулемцы — южные соседи ванцев, жители Язгулемской долины, войдя лишь в конце XIX в. в состав Бухарского эмирата, вынуждены были, как ранее это произошло с ванцами, официально принять суннизм. Однако в настоящее время в отличие от ванцев они сохранили свой родной язык, пользуются им как в домашнем быту, так и на производстве.

Вместе с тем воздействие таджикской культуры на язгулемцев привело к сочетанию элементов культуры и быта, характерных для припамирских народностей, с таджикскими в их хозяйстве, семейной и общественной жизни. Например, как и у таджиков-суннитов, у язгулемцев на народных праздниках и увеселениях женщины угощались и развлекались отдельно от мужчин. Жена главы семьи, если во время сельского схода сам глава отсутствовал, никогда не приглашалась на собрание сельской общины. С принятием суннизма и в процессе более тесного общения с таджиками Дарваза и других районов Таджикистана утвердился обычай калыма.

До 1940-х годов сохранялся также обычай траурного танца матери, жены или сестры покойника перед выносом его тела из дома⁴. М. С. Андреев писал: «Что касается самого обычая оплакивания вдовой мужа с танцем и музыкой в течение трех ночей, то такой заведомо домусульманский, языческий обычай, конечно, не мог быть терпим мутлами, воспитанниками кокандских и бухарских медресе. Уничтожить сразу совершенно непристойный и кощунственный с их точки зрения танец они не могли... Еще в конце XIX столетия один влиятельный и ревностный мулла по имени Абду Шахад из Ванча, брат ванчского казиза, назначенный ванчским ша (правителем) *раисом* (т. е. начальником надзора за правильным соблюдением мусульманской веры) в Язгулеме, пытался выступить с запретом на одном таком танце, но встретил настолько сильное сопротивление со стороны собравшихся там женщин, что принужден был отступить»⁵.

² А. З. Розенфельд. К вопросу о памиро-таджикских языковых отношениях. «Труды Ин-та языкознания АН Тадж. ССР», т. VI, 1956, стр. 274.

³ Д. Эдельман. Современное состояние изучения памирских языков. «Вопросы языкознания», 1964, № 1, стр. 131.

⁴ Л. Ф. Моногарова. Материалы по этнографии язгулемцев, стр. 78.

⁵ М. С. Андреев. К характеристике древних таджикских семейных отношений. «Изв. АН Тадж. ССР», 1949, стр. 6—7.

Сами язгулемцы⁶ считают себя таджиками и отделяют от «памирцев» — других припамирских народностей, но язгулемцев «настоящими таджиками» ни ванчцы, ни таджики других районов республики до сих пор еще не считают, хотя некоторые говорят, что язгулемцев все же можно считать таджиками, потому что у них обычаи общие с таджиками (имеется в виду религиозная общность в прошлом), только язык другой; остальные же припамирские народности, по их утверждению, — не таджики, а «памирцы», так как у них другие языки и обычаи.

Припамирские народности (кроме язгулемцев) до сих пор отделяют себя от других таджиков. Так, бартангцы говорят: «Мы бартангидж и язык наш бартанги»; некоторые из них подчеркивают: «Мы таджики, но язык наш — бартанги». Шугнанцы считают себя таджиками, но *пандж-тани* и предпочитают поэтому, чтобы их называли «памирскими таджиками». Ваханцы из кишлака Вранг отличают припамирцев от ванчцев и язгулемцев, говорят: «В Шугнани, Рушани и Вахани — один народ живет, только обычаи немного разные, а в Язгулеме и Вандже — другой народ». Заслуживают внимания высказывания ваханцев из кишлака Лянгар: «Сами себя мы называем *хик*, или *ваху*; таджик — наша национальность по республике, по своим же обычаям мы — вахи (ваханцы)»⁷.

Каковы же объективные показатели происходящих в их среде этнических процессов, в частности данные языка?

Как показывает анализ наших материалов, утвердившаяся в литературе точка зрения на широкое распространение в прошлом таджикского языка как второго языка на Западном Памире вызывает сомнение. Действительно, издавна таджикский язык, называемый припамирцами *форси*, служил языком общения как между припамирскими народностями, так и между ними и таджиками соседних местностей, но нет достаточных оснований считать всех припамирцев XIX и начала XX в. двуязычными.

Дело в том, что до установления Советской власти на Западном Памире школ не существовало и подавляющая масса населения была неграмотна. Местные же памирские языки — беспи-

⁶ Полевая запись автора 9.IX 1966 г., кишлак Матраун Язгулемского сельсовета Ванчского р-на; 16.IX 1966 г., кишлак Вранг Врангского сельсовета Ишканинского р-на; 29.IX 1966 г., кишлак Басид Басидского сельсовета Рушанского р-на.

⁷ Полевые записи автора 18.X 1964 г., Поршневицкий сельсовет Шугнанского р-на; 18.X 1965 г., г. Хорог; полевая запись Ф. Д. Люшкевич 17.X 1966 г., кишлак Вранг Врангского сельсовета и Лянгар Зунгского сельсовета Ишканинского р-на; 22.IX 1966 г. Поршневицкий сельсовет Шугнанского р-на; 28.IX 1966 г., кишлак Сяпоядж Бартангского сельсовета Рушанского р-на.

сьменные. Немногие грамотные люди обучали грамоте на форси преимущественно мальчиков из зажиточных семей. Как правило, таджикским языком владели в основном только те мужчины, которые уходили на заработки в Восточную Бухару, Афганистан, Читрал и т. д., а также представители больших патриархальных семей, вступающие в контакт с иноземными властями (это не всегда был глава семьи, в такой роли часто выступал один из его сыновей, наиболее развитый, предприимчивый). Женщины в прошлом почти все не знали таджикского языка.

Наши личные, непосредственные наблюдения подтверждают сведения информаторов. В настоящее время многие старики и пожилые люди (старше 60 лет) практически не владеют таджикским языком⁸.

И мужчины, и женщины от 40 до 60 лет знают в разной степени таджикский язык и немного русский. Дети до семи лет не знают таджикского языка. Лучше всего владеет таджикским среднее поколение и молодежь. Эта же возрастная группа лучше других знает и русский язык.

В школах обучение ведется на таджикском языке. Со второго класса вводится преподавание русского языка как учебного предмета, а с пятого класса — немецкого, английского или персидского (в одной из школ г. Хорога).

Хотя родным языком пользуются не только в домашнем быту, но и на производстве, словарный запас припамирских языков пополняется все время заимствованиями из таджикского, который служит основным проводником культурной жизни. Областная газета «Бадахшани Совети» выходит на таджикском языке (на четвертой странице печатаются материалы на русском языке), районные газеты печатаются на таджикском и русском языках; на таджикском и русском ведутся радиопередачи, идут кинофильмы, спектакли. На таджикском языке проходят официальные собрания, пленумы, совещания в областном масштабе.

Таким образом, только в годы социалистического строительства таджикский язык действительно становится вторым родным языком припамирских народностей. Он является одним из важных факторов в процессе изживания былой обособленности припамирцев, их постепенного сближения с таджиками, благодаря чему припамиры приобщаются к современной общесреднеазиат-

⁸ Мы были свидетелями того, как лица, получившие специальное лингвистическое образование, хорошо владея персидским и таджикским языками, не могли разговаривать со стариками, которые никуда из своих кишлаков не отлучались и не знали таджикского.

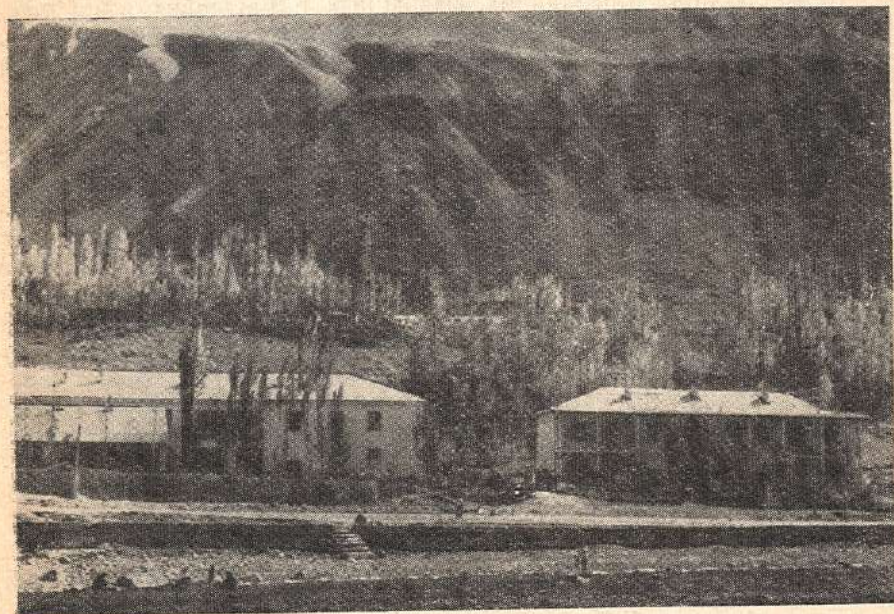
Рис. 17. Виды г. Хорога

1 — здание Областного комитета Коммунистической партии Горно-Бадхшанской а. о. (фото автора); 2 — новые дома на левом берегу р. Гунт (фото автора)

ской и общесоветской культуре. Однако разговорный таджикский язык припамирских народностей форси, как и в дореволюционное время, отличается от литературного таджикского языка, тем более от разговорного языка таджиков других районов республики.

Как отмечают лингвисты, «межпамирский форси кроме своей разговорной формы засвидетельствован и в многочисленных произведениях народного творчества — рубои, песнях, сказках, стихах местных поэтов... Таджикский фольклор распространен на Памире повсеместно среди населения, говорящего на различных памирских языках. На местных языках исполняются лирические четверостишия (шугнано-рушанская группа) и трехстишия (среди ваханцев), а также сказки»⁹.

⁹ А. З. Розенфельд. Таджикские говоры Советского Бадхшана и их место среди других языков на Памире. «Вестник ЛГУ», 1963, № 20, серия истории, языка и литературы, вып. 4, стр. 108—109.

За последние годы как в таджикском, так и в памирских языках происходит заимствование слов из русского языка, ставшего языком межнационального общения всех народов Советского Союза.

Как уже отмечено, молодые люди, получившие среднее образование, обычно довольно хорошо знают и таджикский, и русский языки. Это подтверждается анализом библиотечных формуляров наиболее активных читателей. В библиотеке Рушанского сельсовета, например, медсестра Ахунова Сафармо (1938 г. р.) прочитала в 1964 г. 28 книг, из них на русском языке — 17; ученик седьмого класса Азизмамедов — шесть книг на русском языке. В школьной библиотеке одной из школ Поршневого сельсовета (Шугнан) самый активный читатель — учитель Абдуллашоев Рамзи прочитал 25 книг, из них почти половину на русском языке; в читательских формулярах учеников также много книг на русском языке. Не удивительно, что из 124 девушек, поступавших в 1964 г. в высшие учебные заведения, 22 пошли учиться на факультет русского языка и литературы. Большой интерес у молодежи вызывают также кинофильмы, идущие на русском языке.

Наряду с таджикским русским языком пользуются также на торжественных праздниках, связанных с различными юбилейными датами, или торжествах по случаю революционных и государственных праздников, на встречах, когда приглашаются гости из других союзных республик.

Анализ наших материалов, характеризующих этнические процессы у народностей Западного Памира, позволяет выявить две тенденции в этом вопросе.

Одни считают себя таджиками, но памирскими; основное различие видят в родных языках, в некоторых нормах и обычаях семейной и общественной жизни. Таджикский язык они считают родным письменным языком, а вторым родным письменным и устным — русский. Родные памирские языки, по мнению этой группы припамирцев, как бесписьменные, не имеют перспективы для дальнейшего развития. Их беспокоит, что дети, говоря и дома, и в школе (на переменках) на родном языке, плохо усваивают таджикский язык. Поэтому сторонники этой точки зрения считают, что в школах надо усилить внимание к изучению таджикского языка, обязать учителей следить за тем, чтобы дети не только на уроках, но и на переменках старались говорить только по-таджикски.

Сторонники другой точки зрения считают целесообразным, поскольку семилетние дети, идущие в первый класс, не знают

совсем таджикского языка, сделать обучение во всех школах на русском языке, а таджикский преподавать со второго класса как учебный предмет. Русский язык служит средством общения между всеми народами Советского Союза (даже с киргизами Восточного Памира многие разговаривают по-русски). Сторонники этой второй точки зрения считают, что введение во всех школах ГБАО обучения на русском языке облегчит молодежи его усвоение и тем самым откроет большие возможности для лучшего применения своих сил.

Практически молодежь хорошо осваивает русский язык; многие студенты-припамирцы Душанбинского педагогического института им. Дониша идут сдавать экзамены на русском языке.

Приведенные нами материалы, например взгляды части местного населения на сущность современных этнических процессов, свидетельствуют о наличии тенденции к сближению с таджиками, но, учитывая взгляды другой части местной интеллигенции, эту тенденцию не следует преувеличивать.

По данным Всесоюзных переписей населения 1959 и 1970 гг., как отмечалось выше, все припамирские народности по национальности были записаны таджиками, но при этом в 1959 г. свыше 42 тыс. человек назвали родным один из припамирских языков. Даже малочисленные ишкашимцы, живущие в ГБАО в одном кишлаке Рын, назвали своим родным языком ишкашимский. Т. Н. Пахалина пишет, что этот язык «...как и все памирские языки, бесписьменный. В настоящее время пользование родным языком у советских ишкашимцев ограничено пределами повседневного обихода. Школа, делопроизводство, печать, радио — на таджикском языке, который все ишкашимцы, кроме детей дошкольного возраста, достаточно хорошо знают. С помощью таджикского языка они общаются с находящимися с ними по соседству ваханцами и приезжающими иногда в Ишкашим шугнанцами. Между собой же в обиходе они говорят только по-ишкашимски. Таким образом, хотя сфера употребления ишкашимского языка весьма ограничена, но в ней он сохраняется довольно прочно»¹⁰.

У более многочисленных народностей, таких, как шугнанцы, рушанцы, ваханцы, естественно, родной язык сохраняется еще прочнее. Родным языком пользуются не только в домашнем быту, но и на производстве.

Анализируя данные переписи населения 1959 г., С. И. Брук и В. И. Козлов подчеркнули: «Что же касается талышей и припамирских народов (ваханцев, шугнанцев, рушанцев и др.), то

¹⁰ Т. Н. Пахалина. Ишкашимский язык. М., 1959, стр. 3.

объяснить их исчезновение в переписных листах нельзя ни консолидацией (они включены в состав народа, отличающегося от них по языку и культуре), ни ассимиляцией, для столь сильного и быстрого развития которой не было достаточных объективных причин. Ассимиляция обычно начинается с перемены языка, а между тем припамирские народы и значительная часть талышей, даже по данным переписи 1959 г., сохранили свои родные языки»¹¹. В примечании авторы обратили внимание на то, что «...в переписи 1959 г. оказалось, что 42,4 тыс. таджиков говорят на рушанском, шугнанском, ишкашимском и других языках»¹².

Между тем анализ наших материалов показывает, что, несмотря на сохранение национального самосознания, у памирских таджиков идет естественный процесс сближения их с таджиками других регионов республики. Современный уровень их этнического развития характеризуется еще одним интересным явлением: параллельно с основным этническим процессом сближения припамирских народностей с таджиками наблюдается и другой самостоятельный процесс консолидации припамирских народностей (рушанцев, шугнанцев, ваханцев и др.).

Издавна экономическое и культурное развитие припамирских народностей протекало неоднородно, причем, в зависимости от степени географической изоляции одни ее группы находились на более высокой ступени развития, чем другие. У шугнанцев, да и среди других припамирских народностей, по свидетельству наших информаторов, в экономическом и культурном отношении выделялась группа кишлаков современного Поршневого сельсовета¹³. Эта местность, расположенная в 18 км от г. Хорога, всегда была центром культурной и хозяйственной жизни не только шугнанцев, но и других припамирских народностей. В то же время жители верхнего Бартанга, Хуфа и долины Язгулема испытывали величайшие трудности из-за своего высокогорного изолированного положения. В настоящее время Шугнанский р-н является самым многонациональным в ГБАО. «Занимая лишь 15% ее территории, он сосредоточивает около трети всего населения области. Шугнанскому р-ну принадлежит ведущее место в экономике Горного Бадахшана — первое место по размерам пашни и поголовью крупного рогатого скота. Это также промышленно наиболее развитая часть Памира, быстро урбанизирующаяся.

Ныне 43% населения района является городским. Число сельских поселений Шугнана с 1926 по 1965 г. выросло более чем в два раза. В Шугнанском р-не находится в настоящее время около половины всех постоянных населенных пунктов автономной области»¹⁴.

А. К. Писарчик отмечает, что «равнинные и горные таджики в настоящее время называют припамирцев *помири* — памирцы или иногда *шугни* — шугнанцы, по имени наиболее многочисленной их группы»¹⁵.

Наблюдаемый внутренний процесс консолидации припамирских народностей в одну этническую общность вряд ли имеет перспективы дальнейшего самостоятельного развития.

Национальное самосознание припамирских народностей, по материалам нашего непосредственного наблюдения и расспросным сведениям, претерпело значительные изменения по сравнению с начальным периодом социалистических преобразований их культуры и быта. Если раньше (и теперь между собой) на вопрос о своей национальной принадлежности они отвечали: «*эгамик* (язгулемцы), *хик*, *вахй* (ваханцы), *шкошимй*, *ишкошумй* (ишкашимцы), *хунй*, *хунунй* (шугнанцы), *рыхён* (рушанцы), *бартангидж* (бартангцы) и т. п., то в настоящее время говорят: «*тоджик*», но прибавляя *памирский*, выделяя этим себя в основной массе таджиков республики. Сразу же начинают пояснять, что по языку и некоторым обычаям они отличаются от таджиков других районов Таджикистана. Часто национальное самосознание припамирцев проявляется и в их самоназвании *памирец*. Термин этот, употреблявшийся в прошлом больше как понятие, обозначающее географическое место жительства, в настоящее время приобрел и этническое значение.

Д. Балхов (памирский таджик, шугнанец) считает, что «двойственный характер самосознания припамирских народностей... свидетельствует о незавершенности процессов консолидации и о влиянии таких факторов, как религия, традиции исторического прошлого и географических условий Памира»¹⁶.

Припамирские народности, сохраняющие свои родные памирские языки, этнографические особенности семейного быта, некоторые элементы материальной и духовной культуры и осознающие себя памирскими таджиками, на данном этапе их этническо-

¹¹ С. И. Брук, В. И. Козлов. Этнографическая наука и перепись населения 1970 года. СЭ, 1967, № 6, стр. 8.

¹² Там же.

¹³ Полевые записи автора 14.X 1965 г., г. Хорог.

¹⁴ Н. С. Гинзбург. Указ. соч., стр. 174.

¹⁵ А. К. Писарчик. Припамирские таджики..., стр. 658.

¹⁶ Д. Балхов. Развитие национального самосознания народных масс в условиях перехода от докапиталистических отношений к социализму. Автореф. канд. дисс. М., 1972, стр. 17.

то развития представляют собой этнографические группы таджиков, возможно, консолидирующиеся в одну этнографическую группу памирских таджиков. Сближение их с таджиками за годы социалистического строительства происходит на основе преодоления былой изолированности, путем социалистических преобразований в области экономики, материальной и духовной культуры, развития разносторонних межнациональных связей и роста атеизма как у памирцев, так и у таджиков.

*

В заключение исследования о социалистических преобразованиях в быту и культуре памирских таджиков следует подчеркнуть, что мероприятия Коммунистической партии и Советского правительства в области национально-государственного строительства, осуществляемые последовательно с момента создания многонационального государства СССР за короткий срок — прошедшее 50-летие, — подтвердили на практике жизнеспособность ленинского учения, торжество идей марксизма-ленинизма. Невиданная по темпам ликвидация политической, экономической и культурной отсталости одной из самых бедных и глухих окраин нашей Родины была возможна только благодаря действенной помощи народов более развитых республик Советского Союза и в первую очередь — русского народа. Некапиталистический путь развития, приведший к социализму памирских таджиков, является практическим подтверждением гениального научного предвидения В. И. Ленина, под руководством которого было создано многонациональное социалистическое государство, объединявшее на равных и суверенных правах народы с различным уровнем социально-экономического и культурного развития. «История Советского Бадахшана, его становления и процветания, борьбы и побед неразрывно связана с созидательной деятельностью Коммунистической партии. Она была организатором и вдохновителем титанической работы, приведшей к тем глубоким социальным изменениям, которые произошли на Памире. Перелистывая сегодня великую книгу победного шествия социализма, мы видим, как шаг за шагом партия Ленина вела трудящихся области все к новым и новым достижениям в хозяйственном и культурном строительстве, как бывшая окраина царской России становилась краем счастья и процветания» (М. Назаршоев. Ленинском курсом. В кн.: «Крыша мира». Душанбе, 1965, стр. VI).

За большие успехи в социалистическом строительстве, подъеме экономики и культуры Горно-Бадахшанская автономная область 4 августа 1967 г. была награждена орденом Ленина.

Список сокращений

ВДИ	— Вестник древней истории
Изв. АН Тадж. ССР	— Известия Академии наук Таджикской ССР
КСИИМК	— Краткие сообщения Института истории материальной культуры
КСИЭ	— Краткие сообщения Института этнографии АН СССР
ЛГУ	— Ленинградский государственный университет
МИА	— Материалы Института археологии АН СССР
Сб. МАЭ	— Сборник Музея антропологии и этнографии
СЭ	— Советская этнография
Уч. зап.	— Ученые записки

Географический указатель

- Авдж, кишлак 13
 Азия 7, 10, 34, 36
 Айкыран, селение 103
 Алай 20
 Алайская долина 71
 Амударья, река 14, 19, 21, 73, 95, 96
 Англия 35, 36
 Андербак, кишлак 82, 84, 87
 Арабский халифат 25
 Армения 88
 Афганистан (Afghanistan) 10, 14, 18, 22, 27, 31, 34—36, 44, 52, 53, 60, 75, 88, 90, 103, 128, 155, 161
 Афганский Бадахшан 13, 18, 28, 34, 60, 76, 90, 96, 98
 Африка 7, 31
 Бадахшан 21, 22, 24, 25, 27, 28, 34, 35, 43, 44, 59, 67, 79, 81, 94, 101, 103, 104, 107
 Баджуй, река 13
 Бактрия 20—22
 Барзуд, кишлак 54, 55, 62, 105
 Бартанг 15, 28, 36, 57, 70, 96
 Бартанг, река 11, 13, 15, 17, 51, 57, 58, 71, 74, 81, 83, 85—87, 95, 166
 Ба-Рушан, кишлак 133
 Басид, кишлак 28, 37, 95, 145, 160
 Берлин (Berlin) 11, 59
 Бомбей 31, 42
 Будапешт 59
 Бухарская область 8
 Бухарское ханство (эмират) 10, 18, 34—36, 39, 42, 44—46, 103, 128, 158, 159, 161
 Ванч 28, 51, 58, 67, 70, 73, 76, 78, 88, 90, 95, 159, 160
 Ванч (Вандж), река 13, 15, 35, 57, 62, 63, 65, 66, 81, 103, 107, 158
 Ванчский (Ванджский) район 13, 61, 65, 72, 84, 87, 160
 Ванчский хребет 14
 Варшава 59
 Вахан (Vakhan) 9, 11, 14, 15, 21, 22—25, 27, 28, 30, 32, 34—40, 52, 62, 63, 66, 67, 75, 76, 78, 90, 96, 139, 142, 160
 Вахан (Вахандара), река 14, 23, 81
 Ваханский хребет 14, 15
 Вахио-Боло 82
 Вахш, река 14, 79
 Вахшская долина 11
 Видоджь, кишлак 126
 Вир, кишлак 43, 106—108, 110, 111
 Вомар (см. Рушан), кишлак 54, 55, 105, 132
 Вомардара, река 54
 Ворошиловград 120
 Восточный Памир 13, 14, 18, 20, 22, 26, 34, 35, 46, 48, 57, 132, 165
 Вранг 9, 15, 17, 28, 32, 37, 95, 105, 106, 109—112, 116, 117, 119, 120, 142, 143, 145, 160
 Гармская область 96
 Гармский район 71
 Гармчашма, река 13, 151
 Гашень, древняя столица Вахана 22
 Гиндукуш 28, 52
 Гисар 29
 Гисарский хребет 29
 Горджевин, кишлак 43
 Горно-Бадахшанская автономная область (ГБАО, Советский Бадахшан) 9, 11—15, 45, 50, 52, 54, 55, 58, 59,

66, 71, 72, 78—80, 86, 87, 106, 118, 124, 130, 131, 133, 147, 148, 150, 151, 156, 162, 164—166, 168
 Горон (Garon) 11, 13, 35
 Грузия 88
 Гунт 15, 35
 Гунт, река 13, 15, 17, 18, 23, 43, 76, 81, 86, 137, 162

Дальний Восток 23, 28
 Дарваз 13, 18, 21, 22, 25, 27, 29, 34—36, 44, 50, 52, 60, 61, 66, 70, 73, 76, 78, 81, 82, 87, 94, 96—98, 101, 104, 158, 159
 Дарвазский хребет 14
 Дарморахт, кишлак 15, 77, 132
 Даршай, кишлак 13
 Даршаст, древняя крепость 23
 Душанбе 16, 18, 57, 58, 114, 125, 135, 142, 143, 151, 156, 168

Ехечнадзорский район 118

Заалайский хребет 14
 Закавказье 88
 Западный Памир 8—11, 14, 15—17, 19, 20—26, 28—31, 36, 37, 42—46, 48—53, 55, 56, 57, 60, 61, 66, 67, 69, 74, 76, 81, 88, 91, 94, 96, 98, 101—104, 107, 117, 122, 127, 134, 148, 149, 151, 153, 160, 164
 Заравшанские горы 60
 Зеравшан, река 25, 87
 Зунг, кишлак 39

Инд, река 21
 Индия 21, 31, 45, 46, 76, 88, 96, 101
 Индустан 21, 28
 Иран 21, 22, 27, 28, 30, 31
 Ишканим 15, 35, 38—40, 52, 57, 120, 143, 151
 Ишканимский район 9, 13, 15, 26, 28, 37, 52, 61, 71, 79, 82, 95, 105, 106, 111, 112, 117, 120, 145, 147, 160

Каахка, древняя крепость 23
 Кавказ 6, 8, 26
 Казахстан 6, 8, 10, 11, 13, 20, 21, 88, 103, 129
 Калаи-Вомар, крепость 45
 Калаи-Рын, древняя крепость 23
 Калаи-Хумб 35, 58, 73
 Калаи-Хумбский район 13, 65, 71, 72

Каратегин 21, 22, 28, 29, 50, 60, 70, 73, 82, 87
 Каттаган 90, 106
 Кашгар (см. Яркенд) 18, 27, 76
 Керран, древнее государство 25
 Киргизская ССР 14, 18, 46, 71, 72
 Китай (Китайская Народная Республика) 13, 14, 23, 28, 31, 76
 К. Маркса, пик 15
 Крайний Север 6
 Куляб 29, 115
 Кундуз 35, 44

Ленинград 10, 150
 Лянгаркишт (Лянгар), кишлак 17, 57, 82, 105, 160

Малишка, селение 118
 Матраун, кишлак 160
 Миденпор, кишлак 37, 73, 94, 95, 99, 106, 111, 116, 117, 125, 148
 Москва 59
 Мунджан 90, 96
 Мургаб 57, 58, 132
 Мургабский район 13, 71, 72

Наматгут, кишлак 13, 34
 Нуристан (Кафиристан) 30

Ош 18, 57, 156

Пакистан 13, 60, 96, 101
 Памир 10, 11, 14—24, 26—28, 33, 34, 36, 42, 46—48, 50, 52—58, 60, 61, 66, 67, 71, 73, 79, 81, 86, 87, 89, 91, 95, 96, 149, 151, 152, 162, 166—168
 Памир, река 13, 14, 22
 Памиро-Алай 20
 Памирское нагорье 14
 Передняя Азия 21
 Поршнев, кишлак 9, 15, 17, 32, 68, 73, 86, 93, 95, 105, 145
 Прага 59
 Припамирские области 19, 20, 22, 25, 26, 29, 39, 41, 63, 83, 85
 Пяндж, река 11, 13—15, 17—19, 21, 22, 27, 28, 30, 34, 36—40, 51, 53, 67, 76, 78, 79, 81, 86, 90, 95, 106, 129

Ранкуль 79
 Ривак, кишлак 43
 Россия 5, 10, 34—36, 42, 44, 45, 47, 49, 146, 168

Рошткала, кишлак 21, 62, 67, 73, 77, 93, 95, 99, 105, 106, 121, 123, 125, 126, 129, 144, 145

Рошткалинский район 126
РСФСР 45, 79

Рушан 9, 18, 21, 25, 28, 31, 32, 34—39, 45, 52, 54, 57, 61—63, 73—76, 85, 90, 95—97, 106, 123, 127, 132, 136, 137, 139, 140, 145, 150, 152, 160

Рушанский район 9, 17, 28, 31, 32, 37, 38, 54, 55, 61, 63, 65, 71—73, 83, 87, 95, 105, 106, 111, 115, 117, 123, 127, 130, 131, 134, 136, 137, 139, 141, 145, 147, 152, 160

Рушанский хребет 15
Рын, кишлак 13, 165

Самарканд 28
Самаркандская область 8
Сарыкол 36

Сарыкольский хребет 14
Север 6, 8

Северный Кавказ 6
Северный Туркменистан 6, 8

Сибирь 6, 8
Сяньцзян 13

Сипондж, кишлак 57, 58, 65, 73, 83, 87, 137, 141, 160

Сирия 31

Согд, древняя область Средней Азии 21, 29

София 59

Сохчарв, кишлак 13

Союз Советских Социалистических Республик (СССР) 5—11, 13, 19, 21, 25, 28, 43, 51, 53, 55, 57, 59, 80, 96, 105, 124, 130, 148, 151, 152, 156, 164, 165, 168

Среднеазиатское междуречье 14, 22, 25, 26

Средняя Азия 6—8, 10, 11, 13, 16, 20, 21, 23—28, 30, 34, 35, 38, 43, 47, 50, 51, 60, 67, 75, 81, 86, 88, 91, 98, 101, 102, 103, 106, 122, 129

Сучан, кишлак 15, 77
Сырдарья, река 21

Таджикская ССР (Таджикистан) 8—12, 14, 17—19, 22, 26, 27, 29, 34, 36, 38, 45, 50, 52, 53, 56, 60, 65, 66, 69, 71, 72, 78—80, 96, 101—103, 105, 124, 127, 128, 130, 148, 151, 152, 154—156, 159, 167

Тарим, река 23, 28

Ташкент 10, 14

Тохаристан 22

Тункузбулак 79

Туркестан 25, 36, 45, 85

Туркестанская АССР 45, 46, 49

Туркменская ССР (Туркменистан) 103

Тюркский каганат 24

Узбекская ССР (Узбекистан) 8, 37, 72

Файзабад 18

Фергана 18, 20, 46, 49, 72, 88, 128

Хайдарабад 28

Хасхараг, кишлак 13

Хингоу, река 60, 62, 70, 90

Хорезм 22

Хорог 9, 16—18, 37, 46, 48, 49, 57—59, 66, 72, 73, 75, 77, 79, 80, 86, 94, 95, 105, 113, 114, 116, 121, 123, 125, 126, 128, 129, 132, 135, 136, 143, 144, 147, 148, 151, 154, 156, 157, 160, 161, 166

Хоросан 28

Хуф, река 11, 18, 28, 38, 51, 62, 65, 67, 69, 70, 73, 86, 88, 95—97, 103, 127—129, 132—134, 136, 138, 145, 147, 166

Центральная Индия 20

Центральный Тянь-Шань 20

Черновцы 120

Читрал 13, 21, 27, 28, 36, 40, 73, 76, 78, 90, 96, 119, 128, 161

Шахдара 15, 35, 63

Шахдара, река 13, 15, 17, 22, 23, 62, 66, 69, 71, 76, 81, 85, 86, 96, 112, 128, 144

Шахдаринский хребет 15

Шидз, кишлак 153

Шугнан 9, 15, 18, 21, 24, 25, 28, 32, 34—42, 44, 45, 52, 62, 63, 66, 74, 76, 90, 95—97, 106, 140, 142, 160, 164, 167

Шугнанский район 9, 17, 21, 32, 37, 64, 65, 67, 68, 71—73, 82, 85, 86, 93, 94, 95, 99, 105, 106, 111, 113, 116, 123,

129, 132, 134, 136, 144, 145, 147, 148, 160, 166, 167

Шугнанский хребет 15

Язгулем 9, 15, 21, 28, 37, 51, 58, 62, 70, 74, 76, 83, 88, 95—97, 104, 127, 159, 160

Язгулем, река 11, 15, 17, 35, 53, 57, 58, 62, 63, 65, 66, 79, 81, 82, 84, 86, 87, 159, 166

Язгулемский хребет 14, 15

Ямчун, древняя крепость 23

Яркенд (см. Қашгар) 18, 27

Bengal 19

Calcutta 19

Göttingen 11

Leipzig 11, 51

London 11, 90

Wien 19

Оглавление

Введение	5
1. Исторический очерк	19
Исторические судьбы населения Западного Памира в древности и средневековье	19
Припармирские народности под властью Бадахшана и Бухары	34
Победа Советской власти и образование Горно-Бадахшанской автономной области в составе Таджикской ССР	45
2. Социалистические преобразования хозяйства и материальной культуры припармирских народностей	51
Земледелие	52
Животноводство	68
Домашние промыслы в прошлом и современная промышленность	73
Традиционные и новые формы материальной культуры	81
3. Изменение семейного быта припармирских народностей под влиянием социалистической культуры	103
Развитие современной формы семьи	103
Изменения во взаимоотношениях между членами семьи и в положении женщины	122
Преодоление старых брачных норм и обычаев	126
Становление новой семейной обрядности	136
Влияние социалистической культуры на семейно-бытовой уклад	147
4. Этнические процессы в среде припармирских народностей в прошлом и настоящем	156
Список сокращений	169
Географический указатель	170